

К 1224379

Ж. Коничев

**ЛЮДИ
БОЛЬШИХ ДЕЛ**

АРХАНГЕЛЬСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1949

Трудовой бригады в «Заводской»
двух эту книгу раскрасить. В
к. УТ-572
К.К.

Н. Кокичев

ЛЮДИ БОЛЬШИХ ДЕЛ

К 1224379

АРХАНГЕЛЬСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1949

26.89(2)
К 64

*Обложка, титул и рисунки
художника С. Г. Григорьева.*

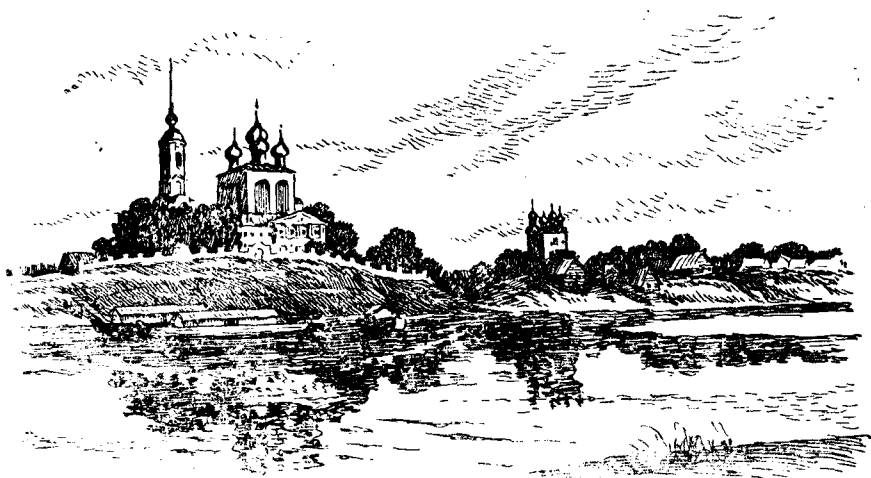
„Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие“.

А. С. Пушкин.

„Чем лучше мы будем знать прошлое, тем легче, тем более глубоко и радостно поймем великое значение творимого нами настоящего“.

А. М. Горький.

СТРОГАНОВЫ

Род сольвычегодских именитых людей Строгановых имеет свою многовековую историю. Многие видные историки в своих работах предположительно утверждают, что Строгановы новгородского происхождения. Они когда-то были купцами древнего Новгорода и появились на Вычегде в начале освоения северо-восточных окраин новгородскими поселенцами.

Летописные тексты свидетельствуют о могуществе и богатстве Строгановых. Так, например, в трудное для Руси время по случаю истощения государевой казны и нависших бедствий от вражеского нашествия Василий Шуйский, обращаясь к Строгановым за помощью, писал:

«...Вашим вспоможением милости от бога сподоблены будете, а от нас великое жалование и честь примете и ото всех людей хвалу получите. А грех, который придет, литовские люди и русские воры (изменники) осилеют, тогда у всех все пропадет, никто, нигде ни с чем и в дальних местах не избудет...»

Предупредив об опасности, Шуйский заискивающе напоминает Строгановым об их бывшей заслуге перед московскими государями:

...Помните в прежних временах великого князя Василья Васильевича окупили из полону, какой великой чести сподобились. Мы вам также можем честь воздать, если ссудите нас не малыми деньгами на жалование ратным людям для спасения веры и царства“...

Факт выкупа из плена Василия Темного подтверждается и новгородской летописью. Надо полагать, что участие Строгановых в выкупе пленного князя, правителя Московской Руси, было внушительным.

Не отказались, конечно, Строгановы оказать помощь и Шуйскому, хотя в то же время и сами, будучи в Сольвычегодске, подверглись польско-литовскому нападению. В 1613 году трехтысячный отряд пана Яцкогo ворвался в Сольвычегодск. После ожесточенного боя часть города была сожжена. Строгановы и их служилые люди, охраняемые стрельцами, выдержали осаду в своем новом остроге, окружавшем их величественные хоромы. (Между прочим, эти хоромы, известные по древней гравюре, были построены из бревен в 1566 году, простояли двести тридцать три года и по неизвестной причине были снесены).

В IX томе „Истории Государства Российского“ Карамзин приводит высказывание голландского ученого Витсена о том, что Строгановы происходили от знатного крещеного мурзы, выходца из Золотой орды, именем Спиридона, научившего россиян пользоваться счетами, и что татары, им озлобленные, пленили его и застрогали, замучили до смерти, потому сын Спиридона и назван Строгановым.

Эту легенду, распространенную Витсеном, повторяли и другие историки. О достоверности ее судить трудно. Наиболее вероятно упоминание о происхождении Строгановых в древнем сборнике Кирилло-Белозерского монастыря, где говорится, что Строгановы являются выходцами из дома Добрыниных — стародавней фамилии новгородской.

С незапамятных времен Строгановы владели колоссальными земельными угодиями. При Иване III эти земли распространялись с верховьев Двины до Беломорья. В числе оброчных строгановских земель были Холмогоры, Матигоры, Куростров (родина Ломоносова), Кехта, Соломбала и ряд других приморских местностей. Не без основания можно полагать, что эти земли были получены Строгановыми за особенные заслуги перед московскими государями.

Тихий, состоящий из маленьких домиков, город Сольвычегодск стоит на реке Вычегде.

Город когда-то имел свой герб, так описываемый историком: „В верхней половине щита на красном облачном фоне простертая рука держит меч обнаженный и державу, что и означает принадлежность сего города к наместничеству Вологодскому, а в нижней половине две ступки соли, по причине такой, что в оном городе в прошедшие времена многие соляные заводы имелись и на оных великокачественная была вывариваема соль...“

В наше время Сольвычегодск — районный центр. И вместе с тем — своеобразный заповедник древностей, ценнейший памятник истории и культуры на Севере.

Историей Сольвычегодска и Строгановых занимались многие. Первым из них можно назвать Алексея Соскина, который, подобно архангельскому историку Крестинину, немало потрудился, чтобы собрать и обобщить архивные документы о своем родном городе. Труд Соскина известен под громоздким заглавием: *„История города Соливычегодской древних и нынешних времен, сочиненная Алексеем Соскиным, природным мещанином сего города Соливычегодской, в бытность его в Соливычегодском городском магистрате членом ратманом. Написана собственнью его рукою в лето от сотворения мира 7297, а от рождества христово 1879“.*

Даже этот первый историк Соли-Вычегодской, не говоря уже о позднейших историках, не указывает точной даты основания города и времени появления на Севере Строгановых.

Из древних летописей видно, что вблизи Сольвычегодска задолго до его возникновения был город Чернигов, стоявший на речке Черной. В 1546 году Чернигов весь сгорел, а жители поселились по соседству в Соль-Вычегодскую. В 1581 году черниговцы построили вновь свой город на Вычегде и назвали его Выбор. Но выбор места оказался неудачным. Через пять лет город был снесен весенним разливом Вычегды. С той поры существовавшее селение Соль-Вычегодская становится городом.

Здесь к тому времени уже были богатые палаты Строгановых, солеваренные заводы и происходили торжища, на которые приезжали за солью пермяки, коми и югорцы, сбывали пушнину Строгановым и приезжим из Англии и Голландии купцам.

К этому же времени относится построение существующего по настоящее время Благовещенского собора, ценнейшего памятника архитектуры строгановских зодчих. На стенах собора и

поныне виднеется надпись: „... а ставили сей храм своею казною Иоаникий, Федоров сын, Строганов и его дети Яков, Григорий и Симеон и его внучата Максим Яковлев сын, да Андрей и Петр — Симеоновы дети, Строгановы и по себе на память и на поминок ныне и впредь“.

Собор представляет собою высокий четырехгранный столб, опоясанный галлерейными пристройками и алтарными абсидами. Наружное убранство собора просто и величественно.

Внутренность собора — своеобразный музей русского изобразительного искусства. Расписные орнаменты, резные украшения иконостаса, врата тонкой ювелирной работы, древние иконы — творения талантливых строгановских художников и многие предметы церковной и прочей утвари, сохранившиеся до наших дней, свидетельствуют о высоком мастерстве русского народа. Все, что современный зритель может увидеть в Строгановском Благовещенском соборе или в стенах Сольвычегодского Введенского монастыря, — все это сделано подневольными людьми, нашими предками-северянами. Талантливые самородки зодчие воздвигали здания хозяйских палат и храмов; резчики по дереву, камню, по рыбьей кости, эмалировщики, филигранщики, ювелиры, живописцы, литейщики, чеканщики по серебру и золоту производили прекрасные вещи, дошедшие до нас через столетия и вызывающие изумление. Тут и тончайшие кружева филиграни из серебра, и чеканные из благородных металлов ковши, кубки, паникадила, и киоты с чернением по серебру, и златокованные оклады на древних книгах, шитье золотом по бархатным пеленам, и великолепные изделия резьбы по кости.

Здесь в мастерских живописи работали в те времена лучшие художники-иконописцы Истома и Федор Савины, Прокопий Чирин и другие. Строгановская школа живописи вошла в историю русского искусства.

В 1712 году в Сольвычегодске был достроен храм Введенского монастыря. По преданию, этот храм появился по воле Григория Строганова.

Известный знаток искусства древней Руси Николай Макаренко, написавший монографию „У Соли Вычегодской“, весьма высоко оценивает памятники архитектуры строгановских зодчих: „Скромный в своих общих формах соборный храм, — пишет Макаренко, — хранит в себе целый музей предметов первостепенного значения“...

Историки и искусствоведы отмечают, что род Строгановых славился своим покровительством искусствам. Так, например,

в истории Академии Художеств был блестящий период появления крупнейших дарований, когда президентом Академии был Строганов Александр Сергеевич (начало XVIII в.). При нем выдвинулись и подвизались замечательные талантливые люди того времени: в области живописи — Варнек, Шебуев, Боровиковский, Кипренский, Щукин; в области ваяния — Мартос, северянин, сосед Ломоносова Федот Шубин, Пименов, Гордеев, Щедрин; замечательными архитекторами того периода были Захаров — строитель Адмиралтейства и воспитанник Строгановых, бывший крепостной Воронихин — строитель Казанского собора.

Строгановы, бывая за границей, заводили близкие знакомства с выдающимися знаменитостями, посещали художественные хранилища и скупали сокровища искусства. Работы Греза, Лажрена, Кановы и других мастеров западного искусства, приобретенные Строгановыми, заполняют залы Эрмитажа. В салонах Строгановых группировались литературные силы того времени: Державин, Фонвизин, Богданович, Крылов, Гнедич и многие другие.

Известно, что один из Строгановых, учась в Париже, был свидетелем революции 1789 года. Ему удалось приобрести и вывезти из Франции единственные экземпляры протоколов Конвента. Эту редчайшую коллекцию вместе с уникальной, мирового значения библиотекой Строгановы подарили Томскому университету.

В XV—XVI веках развитые промыслы и торговля держали феодалов Строгановых в центре русского северо-востока на слиянии рек Сухоны, Вычегды и Северной Двины. Во второй половине XVI века Строгановы переносят центр своей деятельности в пермские вотчины. В конце XVII века их огромные владения управляются доверенными лицами, сами же хозяева приближены к государственному управлению и постоянно находятся в Москве.

В XVIII веке с перемещением столицы из Москвы Строгановы переезжают в Петербург, становятся графами и баронами, занимают видное место в дворцовых кругах...

Роль Строгановых в развитии экономики русского Севера общеизвестна. Неоспоримо их участие в развитии ремесел и искусств на Севере и в последующее время в Сибири, присоединенной к русскому государству.

Наряду с крупнейшей по тем временам солеваренной промышленностью (добыча соли достигала до 600 000 пудов в год) в Сольвыгодской вотчине Строгановых существовало медное айте. Отливали не только стопудовые колокола, но даже пушки.

В руках промышленников Строгановых были сосредоточены железобутный и кузнечный промыслы, а также добыча и скупка пушнины. До введения хлебной монополии Строгановы являлись крупнейшими закупщиками хлеба.

Жестокое эксплуатирова население, Строгановы и их доверенные прибегали и к такому средству, как насаждение кабаков и спаивание инородцев. Последние за бесценнок сбывали им пушнину. Впрочем не только инородцев, но и своих строгановских людей кабаки доводили до разорения и нищеты.

* * *

В эпоху Ивана Грозного промышленники Строгановы — владельцы огромнейших земельных угодий, облеченные доверием самого царя, имевшие свое войско, свой суд и неограниченную власть над подданными, были уверены в незыблемости своего диктаторского положения; они не видели опасности ни в чем, ибо были вне всякой конкуренции и зависимости экономической, а в делах политических уступали и подчинялись только царю. История запечатлела такой факт, когда Строгановы в ущерб государственной безопасности приняли к себе на долготлетнюю службу голландского лазутчика.

В то время Голландия и Бельгия составляли одно целое государство — Нидерланды и в морской торговле соперничали с Англией.

После приезда англичанина Ченслера на Севере России при активном участии Строгановых завязалась бойкая торговля, выгодная для обоих государств. Англичане не хотели в торговых и мореходных делах иметь противников. А между тем не прочь были завести крепкие торговые связи с Россией и голландцы. С целью изучения рынка и торговых отношений между русскими и англичанами, а также для изучения морских путей и проходов к Московии голландцы и направили в поморский городок Колу своего разведчика Оливье Брюнеля.

Было это в 1565 году. Брюнель, находясь в Коле, начал с прилежанием и успехом изучать русский язык. Через год он перебрался в Холмогоры. Интересовался русскими промыслами, ценами на товары, спросом русских купцов на заграничные товары; одним словом, всем тем, в чем были заинтересованы голландские торговые круги. Но скоро Брюнель был схвачен русской стражей, допрошен и препровожден в Ярославскую тюрьму.

Однажды проездом из Москвы кто-то из строгановских доверенных людей заглянул в ярославскую тюрьму и стал отпра-

шивать пленных поляков и литовцев, кто из них к какому хорошему делу искусен и имеет желание работать в Сольвычегодске, нежели сидеть в тесноте и обиде за толстыми стенами. Брюнель отрекомендовал себя мореходцем и коммерсантом и охотно согласился служить Строгановым, помогать им в качестве агента в торговых делах с англичанами и с кем угодно из иностранцев. Чтобы войти в доверие к Строгановым и доказать им, что он не думает возвращаться на родину, Брюнель со строгановскими людьми путешествовал на Печору, на Вайгач и на Новую Землю. На оленях берегом он добирался даже до устья Оби и составил маршруты и карты путешествий.

Строгановы захотели попасть в устье Оби морским путем. Снаряжение экспедиции и наблюдение за постройкой кораблей поручили Брюнелю, который отправился в Голландию под предлогом вербовки для строгановской экспедиции опытных моряков.

Напрасно доверчивые Строгановы ждали Брюнеля, напрасно думали, что он подготовит и проведет их корабли на Обь, а быть может, и дальше — в Китай, голландский лазутчик не вернулся. За долгие годы службы у Строгановых он изучил все, что его интересовало на севере России, и представил письменные материалы своим голландским хозяевам. Миддельбургский купец Мушерон, выслушав Брюнеля, задумал воспользоваться планами и намерениями Строгановых. С этой целью он построил корабль, способный к плаванию во льдах, чтобы проложить путь к сибирским самоедам и татарам. Другие богатые голландцы не теряли надежды найти кратчайший путь в китайские земли.

В скором времени Брюнель на корабле купца Мушерона предпринял воровское путешествие из Голландии на север России. Он уже рисовал в своем воображении богатую наживу от баснословно дешевых сибирских товаров, но дальше Югорского Шара корабль не пошел. Тяжелые льды плотной стеной преградили иноземным торговцам путь в сказочное Сибирское царство. Брюнель был вынужден повернуть свой корабль и ограничиться торговлей с ненцами в устье Печоры. Поскольку здесь он имел с людьми знакомства в прошлые поездки от Строгановых, то ему и теперь удалось заполнить трюмы мушероновского корабля мехами, слюдой и горным хрусталем.

Но суровая Печора не выпустила Брюнеля. Корабль голландского купца наскочил на подводный камень и разбился.

Как бы ни поощрял Иван Грозный торговую связь с заграницей, все же он считал нужным ограничивать иностранцев, охочих до богатой наживы. В 1570 году Грозный повелевал Строганову Якову Аникиевичу: „...а в Нижний Новгород и в Казань, и в Астрахань, и в Тюмень и в Шекалы аглинцов торговати не пропускать...“ Такое ограничение диктовалось стремлением сохранить независимость русской торговли от иностранного влияния. Проведение этих мер Грозный поручал Строгановым. Прозорливый правитель России надеялся на своих верных слуг.

Во всех государственных грамотах имя Строгановых, где оно упоминалось, всегда приводилось на первом месте. В исторических записях о Строгановых говорится:

„Они далекие поморские города своим радением от воровства и разбоя укрепляли. Во многие города и в Казань людей своих наемщиков посылали и тем Россию спасали. Ермака в Сибирь на свой счет снарядили и тем русское царство несметно увеличили. В смутное время большими деньгами великого московского царя снабжали и обратно тех денег, как иные, не требовали. Мудро и неограниченно правили всем северо-востоком России. Собственные пушки лили. Города и крепости прочно строили и войска в них содержали. И за все те прямые и верные их службы великую награду от московского царя получили; с „вичем“ писались: не Семенов, как водилось в старину, а Семенович, не Григорьев, а Григорьевич... Во всей Московии не было им в почете такого соперника... (Макаренко, „У соли-вычегодской“).

После взятия Грозным Казани пределы России достигли Уральского хребта. В Сибири, за Каменным поясом, царствовал враг России—хан Кучум. Под страхом смертной казни он запретил остякам, вогулам и югорцам собирать дань русскому государю „мягкой рухлядью“ (мехами) и призывал черемисов к восстанию против России, занятой во времена Грозного войной на западе. Мало того, сам Кучум неоднократно набегами разорял русские владения в Великой Перми.

Грозному, занятому войной на западе, было не до Кучума.

Выслушав просьбу братьев Якова и Григория Строгановых о том, что они желают взять на себя обязанность защищать русские восточные окраины от татарских набегов, строить крепости, лес рубить, пашни пахать и соль варить, Грозный в 1558 году пожаловал Строгановых пустыми землями по обоим

берегам Камы от устья Лысы до Чусовой и отдал им все реки, впадающие в Каму на этом пространстве до их верховьев.

Спустя двадцать лет сыновья Строгановых — Максим Яковлев и Никита Григорьев — послали на Волгу Ермаку ласковую грамоту и подарки с целью задобрить шумевшего на Волге атамана и привлечь его вместе с вольными „разбойными“ людьми на свою сторону.

Строгановская летопись об этом повествует так:

„Максим, Никита Строгановы слышаху от достоверных людей о буйстве и храбрости повольских казаков и атаманов Ермака Тимофеева с товарищи, како на Волге на перевозех нагайцов побивают и людей своих с писанием и дары к ним послаша, дабы шли к ним в Чусовские городки на спомогание...“

540 храбрецов под началом Ермака откликнулись на зов Строгановых.

Почему Строгановы обратились к Ермаку, почему „людей своих с писанием и дары к ним многие послаша, дабы шли к ним в Чусовские городки на спомогание“?

Обратимся к народной былине о Ермаке:

...Атаман говорил донским казакам.
По имени Ермак Тимофеевич:
А и вы гой еси братцы атаманы,
Не корыстна у нас шутка зашучена.
И как нам на то будет ответствовать.
В Астрахани жить нельзя,
На Яик идти — переход велик,
В Казань идти — грозен царь стоит,
Грозный царь государь Иван Васильевич.
В Москву идти — перехватанным быть,
И по разным городам разосланным.
Пойдем-ка мы в Усьолье ко Строгановым.

Многочисленные материалы говорят о том, что Строгановы были вынуждены искать действенную силу против сибирского „салтана“ Кучума, запретившего остоякам, вогулам и югорцам платить дань Москве и поднявшего восстание черемисов.

Но Ермак, человек волевой и сильный, хотел достичь большего. Роль сторожевого пса у богатых хозяев его не прельщала. Взор Ермака был устремлен дальше. Недаром, обращаясь к своему войску, он говорит как вождь, понявший свое призвание и назначение: „И по смерти нашей память наша не оскудеет в тех странах и слава наша вечна будет“ (Строгановская летопись, глава XVII).

Железная дисциплина в отряде, боевая выучка, техническое снаряжение — огненное оружие, пищали, стрелявшие по цели за 400 шагов, — все это в сильной степени способствовало дружине Ермака в достижении тех успехов, которые вызвали восхищение и благодарность со стороны Ивана Грозного.

Многие авторитетные источники, архивы, предания старины глубокой и утверждения писателей и историков свидетельствуют о том, что Ермак по своему происхождению из сольвычегодских строгановских холопов.

В „Сказаниях Сибирской земли“ говорится по этому поводу следующее:

„... О себе же Ермак известие написал откуда рождение его. Дед его был суздалец посадский человек, жил в лишении, от хлебной скудости сошел в Володимир. Именем его звали Афанасий Григориев Аленин. И тут воспита двух сынов Родиона да Тимофея и кормился извозом и был в найму в подводах у разбойников. На Муромском лесу пойман и сидел в тюрьме, а оттуда беже в Юрьевец Повольской, умре, а дети его Родион и Тимофей от скудости сошли в вотчину Строгановых, ему породил детей: у Родиона два сына Дмитрий да Лука; у Тимофея дети Гаврило, Фрол, да Василей. И оный Василей был велеречив и остр. Ходил у Строгановых на стругах (с солью) в работе, по рекам Каме и Волге и от той работы принял смелость и, прибрав себе дружину малую, пошел на разбой и звашася атаманом, прозван Ермаком, сказуется (означает) дорожной артельной таган, а по-вольски жерновой мелнец — ручной...“

Этой версии о происхождении Ермака придерживаются и „Русский вестник“ (№ 156 от 1881 г.) и „Пермская старина“ (т. V, стр. 138), и поэт Майков в его исторических рассказах.

Два года Ермак со своей дружиной нес пограничную службу на окраинах строгановских владений, отражал набеги остяков, вогуличей и нагайцев и готовился к совершению задуманного подвига. Планы Ермака — завоевать Сибирь, а потом бить челом Грозному царством сибирским — вполне совпадали с намерениями Строгановых.

Вооруженный огнестрельными пищальями, отряд Ермака двинулся в далекий и опасный путь. Для сохранения в отряде порядка и дисциплины Ермаком был выработан краткий, но жесткий „устав“:

„1. Блудников мыть и на три дня в оковы.

2. Ослушников и беглецов зашивать в мешки с камнем топить в реке“.

Призыв Строгановыми Ермака не был согласован с Грозным. Поэтому, когда чердынский наместник Пепелицын донес Грозному о том, что „сольвычегодские дарьки“ взяли к себе на службу Ермака, от царя последовала Строгановым гневная грамота:

„Вы задирая войною вогулич, вотяков, пелымцев, отвели их от нашего жалования, вы же своим задором рассорили нас с салтаном сибирским и без нашего указа призвали в свои остроги волжских атаманов, наняли воров (прежде того своими разбоями на Волге ссорили нас с нагайскою ордою), им следовало покрыть свои вины защитой земли пермской а они в то самое время, когда напал на нее князь пелымский, пошли воевать вогуличей, Перми же нисколько не пособили и все то стало вашим воровством и изменою...“

И, предлагая отозвать Ермака из похода, Грозный предписывал Строгановым:

„... если же не вышлите Ермака Тимофеева с товарищами в Пермь в распоряжение воевод, то на вас наложу большую опалу, а казаков велю перевешать“.

Но Строгановы уже были не в силах выполнить указ Ивана Грозного по той причине, что Ермак со своим отрядом находился слишком далеко — в пределах Кучумова царства.

Когда Сибирь была завоевана дружиной Ермака, в Кремлевские палаты явились к Ивану Грозному посланники Ермака и устами Ивана Кольцо заявили:

„Великий государь! Казацкий твой атаман, Ермак Тимофеев, вместе со всеми твоими опальными волжскими казаками, осужденные твоей царской милостью на смерть, старались заслужить свои вины и бьют тебе челом—новым царством... Прибавь великий государь к завоеванным тобою царствам Казанскому и Астраханскому еще и это Сибирское, доколе всевышний благоволит стоять миру!..“

Грозный, глубоко переживавший в ту пору свои неудачные попытки к овладению Балтийским побережьем, был весьма порадован таким известием. Он сказал посланникам Ермака:

„Встаньте, добрые слуги мои! кто старое помянет, тому глаз вон, и быть той прежней опале не в опалу, а в милость!“...

Посланники Ермака получили богатые царские подарки и привезли своему атаману от Грозного грамоту, в которой величал он Ермака сибирским князем.

Поход Ермака был продолжителен и труден. В неравных схватках погиб почти весь его отряд. Многие, в том числе и сам Ермак, стали жертвами вражеского вероломства, но великое

дело Ермака и его соратников восторжествовало. Сибирь стала принадлежать русскому государству. Чтобы завоевания Ермака не остались без последствий, Строгановы на случай обороны строили крепости-городки.

Вот своего рода „инвентарная“ опись одного такого военного городка: „На реке Чусовой Городок деревянный рубленой. 4 башни глухих наугольных, а меж ворот и башень городень 220 сажень, а на городне 3 пушки железных, 70 ядер обливано каменье свинцом, 9 пищалей семипядных (семь пядей в длину), 36 ядер к ним, 80 пищалей ручных, 150 ядер, 2 пушечки скорострельные, 178 самопалов, 13 пуд зелья пищального, 14 пуд свинцу, 200 луков, 2000 стрел...“

Не ограничиваясь на случай обороны подобной „фортификацией“, для закрепления подвигов Ермака, правительством были направлены незначительные отряды регулярных войск.

* * *

И после завоевания Сибири Строгановы оставались своеобразными государями в государстве московского царя. Иногда цари обращались к ним за помощью, как к равным себе.

Молодой царь Михаил Романов просил их: „Ратным людям дайте сколько можете... Что вы дадите — мы непременно велим заплатить и службу вашу к нам и радение ко всему Московскому государству на веки памятными“.

Просили цари у Строгановых и „мастеровых людишек“, дабы украсить с их помощью Кремлевские палаты.

Петр Первый во время войны со шведами заказал изготовить в Сольвычегодске для армии 300 тысяч ножей-рогатин, 75 тысяч гвоздей (для корабельных нужд), 21 тысячу буравов; судя по объему заказов, кузнечное дело в строгановских владениях процветало в широких масштабах.

Нестерпимо тяжело жилось трудовому люду в строгановских вотчинах. Одни изнемогали от тяжелого подневольного труда в солеварнях, на пашнях, в рудниках; другие — талантливые самородки, безымянные создатели художественных памятников старины просиживали десятилетия над отнимавшей зрение тончайшей резьбой, над вышивкой тканей и другими сложными работами. Эти люди, бесправные, зависимые от хозяев, но одержимые стремлением создать нечто долговечное, были стеснены в творчестве, своим требованиями религиозного толка, не имели прав и возможностей развернуть свой талант в общественном светском направлении.

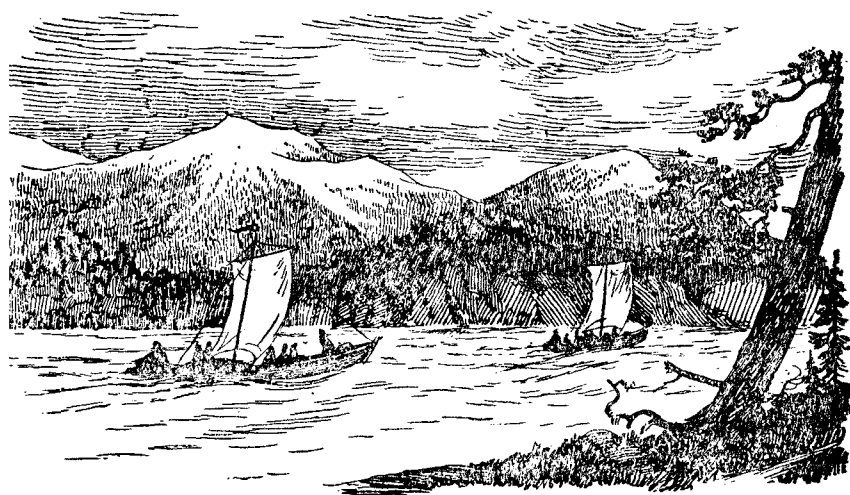
Многие из подневольных строгановских людей уходили в далекую Сибирскую страну пытаться счастья. Лучше произвол судьбы и зависимость от суровых условий природы, нежели тяжкая жизнь с крепостным ошейником.

И вот цифры: в 1715 году Строгановы подсчитали жилые дворы и людей обоего пола в своих имениях; оказалось в наличии дворов—5954 с населением 44 669 человек, да 5324 двора пустых, из коих числилось „бродивших в мире, сошедших в безвестность“ 33 235 человек!..

Эти цифры — яркое свидетельство пробуждения чувства свободы среди тех людей, которым кроме цепей терять было нечего.

1224379

БОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека
им. И. В. Ермакова

ЛЮДИ БОЛЬШИХ ДЕЛ

I

В первой половине XVII века, примерно через 50—60 лет после знаменательного похода Ермака, многие северодвинские поселенцы из Устюга, Сольвычегодска и даже из Холмогор совершали длительные путешествия в Сибирь, скупали на ярмарках пушнину, вели торг с восточными людьми. Не ограничиваясь добровольными принципами торговли, богатые люди вместе с воеводами, представлявшими собой власть, посылали в отдаленные углы Сибири и восточного Приморья служилых людей собирать подать „ясак“. Иногда находились добровольцы-землепроходцы, которые в поисках новых богатых земель без помощи государственной власти, на личные средства, надеясь на свою силу, упорно пробивались вперед на восток к намеченной цели.

Северодвинский посадский человек Семен Иванович Дежнев с верховьев Северной Двины дошел до берегов Великого океана!

В такой рискованный, далекий путь мог пуститься только незаурядный, энергичный деятель, выносливый и пытливый северянин, не боящийся никаких невзгод. Устюжанин Семен Деж-

нев, как видно из описаний, был человеком храбрым, предприимчивым, неусидчивым, стремящимся к новым открытиям. Он служил казаком в Енисейске и Тобольске, затем служил в Якутском остроге, собирал „ясак“ с якутов. Начальником Дежнева был известный Василий Поярков — землепроходец и государственный служилый человек.

Однажды, когда Дежнев находился в острожке — крепости на Колыме и с ним всего тринадцать товарищей, напали на них 500 юкагиров. Но перед сильными и ловкими людьми, владеющими самопалами, юкагиры струсили и ушли от дежневского острожка, оставив убитых, в том числе и своего князя Аллая.

Триста лет тому назад, в 1647 году, Дежнев с холмогорским уроженцем и приказчиком устюжского купца Федотом Алексеевым на четырех суденышках, во главе небольшой группы поморов, вышли в Ледовитое море, но из-за сплошных льдов вернулись на Колыму. Через год холмогорец Алексеев при участии Дежнева снарядил семь судов. Дежнев, как „приказный“, был в роли начальника экспедиции и имел задание „великому государю в ясачном зборе прибыль учинить“.

При входе в пролив между Азией и Америкой четыре судна дежневской экспедиции пропали без вести. (Есть предположения, что они попали в Америку, ибо там на реке Хеуверен через сто тридцать лет путешественники встречали людей, сходных с русскими по обличию и повадкам. Не исключена возможность, что это были потомки спутников Дежнева).

Остальные суда с Дежневым и Алексеевым во главе, выйдя из Ледовитого океана, обошли Чукотский мыс и потерпели крушение, но люди спаслись. В челобитной на имя царя Дежнев писал:

„И я, холоп твой, с ними с торговыми и промышленными людьми шли морем... девяносто человек; и прошед Анадырское устье, судом божьим те наши все кочи (суда) море разбило... А я, холоп твой, остался всего с двадцатью четырьмя человеки и тех товарищей моих зимним путем на лыжах и с голоду и со всякой нужей не дошед Анадыря реки, дорогою идучи 12 человек безвестно не стало. А я, холоп твой, на Анадырь реку доволокся всего двенадцатью человеки“.

Из девяноста человек осталось двенадцать. Это была не прогулка. Люди шли на борьбу с трудностями и, преодолевая их, многие возвращались обратно.

Исследователи устанавливают, что Дежнев с остальными своими спутниками не ограничился проходом через пролив,

а проследовал дальше и первым из всех мореходов обошел огромный камчатский полуостров.

В обратный путь на Якутск Дежнев пустился в лодке по реке Анадырю, где столкнулся с иноземцами-анаульцами.

К счастью, неожиданно с верховьев Анадыря подошли другие партии русских землепроходцев. Дежнев стал во главе их и жил в низовьях Анадыря до 1662 года, промышляя пушнину и добывая мамонтовую кость.

Числясь на государевой службе, Дежнев в течение 19 лет не получал жалованья.

В меру своих способностей и познаний он провел описание исследованных им побережий Великого океана, собрал богатую дань натурой в государеву казну. По возвращении из долголетней и многотрудной экспедиции Дежнев был вызван в Москву к царю Алексею Михайловичу и получил вознаграждение.

Но как царь, так и сибирские администраторы оценили поход Дежнева только по его богатой добыче-казне. Что касается открытия пролива между Азией и Америкой, в чем и состояли основные заслуги устюжанина Дежнева, на эту сторону не было обращено внимания. Да навряд ли и сам Дежнев понял и оценил всю важность открытия. Почти через сто лет после похода Семена Дежнева через этот пролив прошел состоявший на службе у русских датчанин Беринг.

II

Ерофей Павлович Хабаров — уроженец города Сольвычегодска из Строгановской вотчины. В свои детские годы он был очевидцем того, как вооруженный отряд литовцев ворвался в Сольвычегодск и как строгановские люди с пищалями и копьями оборонялись от нашествия глубоко проникших на Север интервентов. В 1628 году из Сольвычегодска он уехал в должности целовальника-сборщика ясака в Мангазею и на Таймыр. Через два года он уезжает в Сибирь и на реке Куте (приток Лены) по образцу строгановских устраивает солеварню. Занявшись солеварением и хлебопашеством, Хабаров быстро превратился в крепкого, с полным достатком хозяйчика. Он уже разбогател до такой степени, что якутскому воеводе Головину смог одолжить для казенной надобности 3000 пудов хлеба.

Воевода оказался настолько „благодарным“, что нашел предлог отобрать у Хабарова все имущество, а самого посадить в тюрьму.

Разоренный Ерофей Хабаров по выходе из тюрьмы решил пойти искать счастья дальше на Востоке. К тому времени в Якутск прибыл другой воевода. Оценив способности Хабарова и выслушав его планы об освоении и экономическом оживлении Дальнего Востока, воевода (Д. И. Францбеков) захотел поживиться на этом деле и отличиться. Он помог Хабарову осенью 1649 года снарядить вооруженную экспедицию на Амур, к Даурским землям.

В пути на первых порах туземцы не встречались. Городки дауров стояли пустые. Узнав о приближении русских, туземцы уходили в глубь страны, чтобы избежать столкновений с казаками и не платить русской казне ясак.

Во время этой экспедиции Хабаров дважды зимовал в пути. Потом, разведав, что дауры скопляются и намереваются уничтожить пришельцев, он решил оставить часть казаков в крепости Албазине, а сам с небольшим числом спутников возвратился в Якутск. Хабаров рассказал воеводе о новой стране Даурии, богатой соболем и другим зверем, и потребовал дополнительно „охочих“ людей, так как с несколькими десятками казаков, оставшимися в Албазине, дальше идти было рискованно и бесцельно. „Охочих“ людей нашлось немало. Из них Хабаров отобрал сто семнадцать выносливых, сильных промышленников. Воевода добавил от себя двадцать казаков и дал три пушки. Отряд Хабарова теперь состоял из двухсот человек.

В 1651 году отряд Хабарова, несмотря на некоторое сопротивление дауров, собирал дань казне и расширял русские владения.

Лишь весной 1652 года произошло крупное столкновение с маньчжурскими войсками.

Дело было в небольшом Ачанском городке. Тысяча вооруженных, одетых в панцыри богдоев (то есть воинов богдыхана, китайского императора), проломив стену, ворвались в город и напали на отряд Хабарова. Собравшись с силами, хабаровцы от обороны перешли к нападению, отбили у китайцев две пушки и обратили богдоев в бегство, разбив их наголову. Об этой схватке Хабаров доносил своему начальству:

„И нападе на них, богдоев, страх великий, покажись им сила наша несметная, и все достатные богдоевы люди от города и от нашего боя побежали врознь. И круг того Ачанского городка, смекаем мы, что побито богдоевых людей и силы их 576 человек наповал, и нашей силы казачьей от них богдоев легло десять человек, да переранили нас казаков на той драке 78 человек“.

После этой схватки, несмотря на затишье и „присмирение“ иноземцев, Хабаров стал более бдителен. И было к тому основание — близость китайской земли, где войско несметное и на вооружении порохов.

Вскоре Хабаров снялся с этих мест и отправился вверх по Амуру. Часть его „охочих“ людей, стремившаяся к богатой наживе и грабёжам, взбунтовалась. Ерофею Хабарову стоило немалых усилий подчинить себе бунтовщиков и продолжать дело, сочетая интересы личные и государственные.

Обследование и освоение земель дальнего востока продолжалось своим чередом и обещало великие выгоды казне.

На высоком скалистом берегу, при слиянии рек Амура и Усури, Хабаров заложил зимовье, которому суждено было стать городом, и поныне носящим имя славного сольвычегодского крестьянина Хабарова.

Во время экспедиции Хабарова якутский воевода, отчитываясь перед царем за старательного землепроходца, писал в Москву: „А сказывал он, Ярко Хабаров, нам холопам твоим, что и против всей Сибири будет место то украшено и изобильно“.

На Хабарова и воеводу, снарядившего экспедицию, в Москву поступали жалобы. Царь Алексей Михайлович для проверки жалоб направил чиновного человека — ревизора Зиновьева. Действуя именем царя, ревизор, опираясь на бунтовщиков, усмирённых Хабаровым, и собрав о нем „улики“, забрал себе все его имущество, а самого Хабарова повез в Москву, как арестанта.

Дело тянулось в Москве в Сибирском приказе до 1655 года и кончилось оправданием сольвычегодского пашенного крестьянина покорителя Даурии, а взяточник царский ревизор Зиновьев был признан виновным. При разборе дела государевы служилые люди учли, что в течение четырех лет Ярко Хабаров вместе со своим отрядом прошел тысячи верст, построил много городков-поселений, провел большую работу по освоению Даурии и присоединению новых земель и населяющих их народностей к русскому государству.

Алексей Михайлович по достоинству оценил труды Хабарова и „всемилоостиво соизволил“ ему считаться боярским сыном и впредь именоваться Ерофеем Павловичем, а не попросту Ярком Хабаровым.

Конечно, невелика царская награда за великие деяния знаменитого землепроходца и завоевателя. Особенно она покажется жалкой и мизерной, если учесть труды и риск Хабарова, его героизм в борьбе с иноземными князьями и, наконец, если учесть

все обиды и унижения, которые ему причинил в глухой Якутии царский ревизор.

Из Москвы Хабаров возвратился в Тобольск. Дальнейшая деятельность его, местопребывание и даже год смерти неизвестны.

Снаряжая в далекий путь на восток землепроходцев-географов, Петр Первый наказывал им быть любознательными и храбрыми, честно и добросовестно продолжать дело знаменитого Хабарова, исследовать русскую землю и узнать достоверно, „где она сошлась с Америкой“.

До сих пор на Дальнем Востоке в Приморье, среди благодарных потомков, заселяющих этот цветущий край нашего отечества, ходят легенды о славном северянине Хабарове, о его бесчисленных подвигах. Память о нем, как о земляке и продолжателе деяний великого Ермака, долговечна.

III

После экспедиций Ерофея Хабарова на Амур и Даурские земли сбором ясака и освоением новых окраин занимался племянник Хабарова сольвычегодский крестьянин Артемий Петриловский, участвовавший в походах своего дяди Хабарова. Петриловский распоряжался вооруженным отрядом из двухсот человек. Отряд его был разбит многочисленным китайским войском. Но продвижение русских на северо-запад не приостановилось.

Все дальше и дальше продвигались русские землепроходцы. Честь присоединения Камчатки к России выпала на долю Владимира Атласова. О жизни этого героя сохранились довольно скудные сведения. Двадцать восемь лет он служил в разных должностях от рядового казака Якутского острога до приказчика Анадырского острога. Грамотным стал в сорокалетнем возрасте, до этого за него расписывались в челобитных другие и звался он Володькой Отлас.

Поход Атласова на Камчатку начался в 1697 году при Петре Первом. Приказ якутского воеводы, данный Атласову, гласил: „Идти для прииску и призыву новых земель“. Поход был снаряжен за счет самого Атласова. Характерно, что в отряде доверчивого и добродушного Атласова кроме шестидесяти русских промышленников было шестьдесят анадырских юкагиров.

Около Пенжинского залива, в северной части Камчатского полуострова, Атласов обнаружил стоянки оседлых жителей коряков, которых призвал в подданство „под высокую госу-

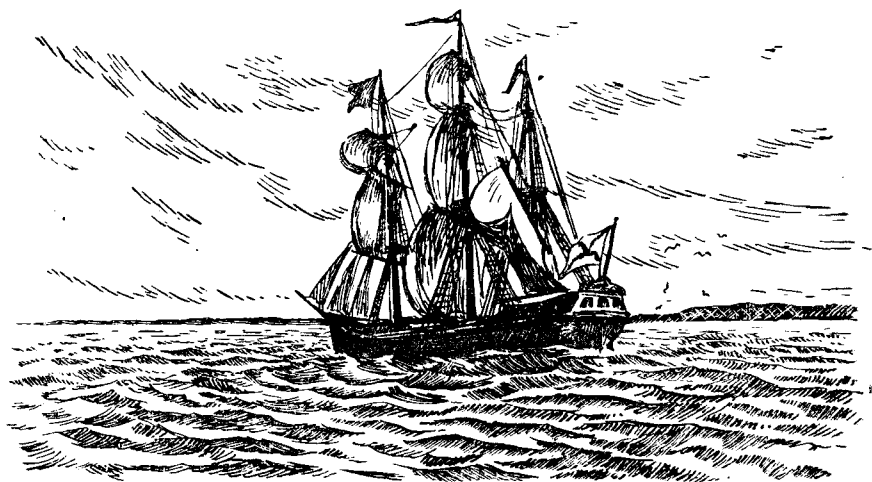
дареву руку“ и мирно договорился с ними о сборе ясака. Другие кочующие коряки оказались несговорчивы, и Атласов прибежал к помощи оружия. Отряд Атласова перешел через леса и сопки и направился на юг в сторону реки Камчатки. В пути юкагиры изменили и напали на русских. Произошла жестокая схватка. Храбрый, богатырского сложения Атласов со своими удалцами расправился с изменниками. Причем сам в этой рукопашной схватке с юкагирами был шесть раз ранен.

Дальнейшее двухгодичное путешествие по Камчатскому полуострову продолжалось не без кровавых происшествий. Из шестидесяти русских землепроходцев и „охочих людей“ в отряде осталось только пятнадцать.

В июле 1699 года Атласов возвратился в Анадырский острог. Кроме меховой рухляди, добытой на охоте и собранной с камчадалов и других туземцев, им был доставлен в Россию первый японец по имени Денбей. (Потом этого японца, по приказанию Петра Первого, обучали русскому языку, с целью, чтобы он в свою очередь мог обучать русских японскому языку).

Поход Владимира Атласова на Камчатку был только первой разведкой, но разведкой весьма полезной. Атласов, обучившись грамоте, составил содержательный отчет о своем путешествии. Он описал животный и растительный мир Камчатки; описал быт и нравы населения оседлого и кочевого; в меру своих познаний и наблюдений составил топографические описания, пригодившиеся впоследствии потомкам, ходившим окончательно осваивать Камчадалскую землю.

В 1711 году Атласов погиб от рук своих сослуживцев, вероломно напавших на него с целью ограбления. Так трагически кончился многолетний и славный путь одного из знаменитых северян, посвятившего жизнь свою делу „искания новых земель“ и присоединения их к Российской державе.

БАЖЕНИНЫ

Деревня Вавчуга — скромная, серенькая, незаметная. Любопытный турист, совершающий поездку по Северу, может на пароходе поехать от Архангельска до Холмогор или до Усть-пинеги и побывать в этой деревушке, раскинувшейся около Северной Двины и небольшого озера с островами.

По этим, зеленью покрытым, островам ступали ботфорты Петра Первого.

Преобразователь России, — по меткому выражению А. С. Пушкина, —

То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник, —

бывая в Архангельске и Холмогорах, каждый раз посещал Вавчугу.

В начале царствования Петра у России не было других выходов в море, кроме одного — беломорского. И вообще держава Российская была изрядно общипана иноземными недругами: шведы отняли бывшие новгородские земли — Карелию и Ингерманландию; поляки захватили старорусские земли на Воляни, взяли Киев и Подольщину.

Молодому Петру, человеку большого ума, силы воли и не-
поседливой предприимчивости, пришлось задуматься, с чего
начинать свою деятельность.

В предисловии к Морскому Регламенту Петр Первый гово-
рит о себе:

„Несколько лет исполнял я свою охоту на озере Переяс-
лавском, наконец оно стало для меня тесно; ездил я на Кубен-
ское озеро: оно было слишком мелко.

Тогда я решился видеть прямо море и просить позволения
у матери съездить к Архангельску; многократно возбраняла
она мне столь опасный путь, но видя великое желание мое
и неотменную охоту, нехотя согласилась, взяв с меня обеща-
ние в море не ходить, а посмотреть на него только с берега“.

28 июля 1693 года Холмогоры огласились колокольным зво-
ном. Звонили три часа непрерывно, пока не показался из-
за Курострова струг Петра, а за ним на карбасах вся царская
свита из ста человек. Среди них во главе с Петром, который
прибыл в звании сержанта Преображенского полка, были: князь
Голицын, Лефорт, князь Ромадановский, Апраксин, Зотов, князь
Щербатовы, Нарышкины и другие знатные особы — прибли-
женные царя; были еще певчие, стрельцы, десяток потешных
солдат и два карлика.

Как только показался на виду у Холмогор Петр Первый,
первый из царей и впервые посетивший Север, к колокольному
звону присоединилась пушечная и ружейная пальба и возгласы
приветствий многотысячной толпы народа.

Торговых людей, черносошных окрестных мужиков и помо-
ров приятно поразила внешняя простота царя Петра. Он не любил
рядиться в блестящие царственные одежды; не лоском придавал
он себе величественность и внушал уважение и послушание, а
необычайной простотой поведения, умением вникать во все на-
сущные вопросы.

Вместе с поднесенным по русскому обычаю хлебом-солью
холмогорские жители подвели в подарок Петру пару здоровен-
ных быков.

Осмотрев в Холмогорах собор, архиерейский дом, огород и
ветряную мельницу, Петр всю белую, летнюю ночь на своем
струге прогуливался по Двине.

Через два дня Петр прибыл в Архангельск.

Он путешествовал по Белому морю; запросто в одежде ски-
пера посещал биржу, следил за ходом торговли, знакомился с
иностранными купцами. Петр понимал, что отсутствие своего
русского торгового флота не позволяет отечественной торго-

вле и промышленности развернуться и стать независимыми от иностранцев.

В то лето впервые на Соломбальской верфи в присутствии Петра был заложен большой морской торговый корабль. Один военный 44-пушечный корабль Петр заказал иностранным купцам приобрести в Голландии на его государев счет и доставить в Архангельск груженный сукном для войска.

Осенью, возвращаясь из Архангельска через Холмогоры в Москву, Петр привернул в деревню Вавчугу к братьям Осипу и Федору Бажениным, чтобы посмотреть их пильную мельницу (прабабушку лесопиления на Севере).

В писцовых книгах 1622—1624 годов говорится, что в Вавчуге на удобном месте была построена пильная мельница, движимая водой, и принадлежала та мельница с 1553 года Ивану Федорову Попову. Последний, очевидно, умел наладить дело, так как около пильной мельницы появилась трехпоставная мукомольная мельница.

Род корабельщиков Бажениных происходит из древнего Новгорода. В Холмогорах Баженины появились во времена Ивана Грозного. Один из них, Федор, был игуменом Архангельского монастыря. Посланный в Сибирь обращать остяков и ненцев в православие, Федор Баженин погиб от рук ревностных хранителей языческой веры. Внук Федора Баженина Андрей, архангельский купец, женился на Ольге Поповой и взял с ней сначала по купчей грамоте, затем по наследству (после смерти тестя) Вавчугу со всеми предприятиями и стал хозяином. Двое из детей Андрея Баженина — Осип и Федор сумели широко и прочно поставить лесопиление в Вавчуге. Они заново перестроили старую пильную мельницу и построили одну водяную лесопильню.

Выгодное дело Бажениных вскоре нашло немало завистников и притязателей на вавчугские земельные владения.

Первым затеял тяжбу перед царем некто истец Аника Лыбарев, на что „царь и великий князь Федор Алексеевич всея Великия и Малыя Белые России самодержец“ на Двину боярину и воеводе отписал, что Аничково челобитье есть ложно, а потому: „Слушав судного дела приговорили той новоросчисною землею владеть колмогорцу Курцевского посаду Андрюшке Баженину с Вавчужской деревней вместе, а бобылю... Аничке от той земли отказать, потому что у него Анички на ту землю крепостей никаких нет и на суде не положил“ (1682 г.).

Второй притязатель на Вавчугские владения был посерьезней. Это был архиепископ Афанасий Важеский и Холмогорский. Дело

тянулось год. Тогда-то впервые по челобитным грамотам Петр узнал о Бажениных.

Юный царь вместе с братом Иваном Алексеевичем стали на сторону Бажениных, ссылаясь на указы своих царственных предков, отписали Афанасию, чтобы он не вмешивался в дела Бажениных и не притязал на их вотчину.

Нашелся еще и третий истец, явный конкурент Бажениных. Это был переводчик посольства немец Крафт, имевший царскую привилегию на постройку в России пильных ветряных и водяных мельниц.

Грамотою от 10 февраля 1693 года Петр даровал Бажениным право производить лесопиление и размол муки на принадлежащих им мельницах, а Крафту было указано, что данная ему привилегия на повсеместное устройство водяных пильных мельниц не может служить притеснением для Бажениных, уже опередивших Крафта.

Царская милость, в трех случаях тяжбы, для Бажениных была лучшим доказательством одобрения, и Баженины, приложив всю энергию и сметливость к делу, как бы в угоду желаниям Петра, с наибольшим успехом стали расширять лесопиление на Севере и продавать доски русским и иноземным купцам...

Заложив первый корабль в Соломбале, Петр на обратном пути в Москву привернул к братьям Бажениным.

История умалчивает, о чем разговаривал в Вавчуге с Бажениными Петр, умевший ценить способности и верную службу своих подданных. Известно лишь то, что первое посещение Петром Бажениных вызвало с их стороны желание усиленно заняться судостроением. Опытные в хозяйственных делах братья Баженины сразу же после отъезда Петра в Москву стали посещать Соломбальскую верфь, чтобы изучать судостроение, а затем обратились к царю с челобитной, прося дозволения строить корабли. Ссылаясь на то, что тертых (пиленых) досок по причине дорого стоящего корабельного найма у них скопилось много, что „тесовое промыслишко остановилось“, они, „двиняне посадские людишки Оська и Федька Андреевы дети Баженины“, просили Петра: — „вели государь в той нашей вотчинишке в Вавчужской деревни у водяной пильной мельницы строить нам сиротам твоим корабли, против заморского образца, для отпуску с той нашей пильной мельницы тертых досок за море в иные земли и для отвозу твоей государевой казны хлебных запасов и вина в Кольский острог и для посылки на море китовых и моржевых и иных зверей промыслов“.

В той же челобитной Баженины спрашивали царского дозволения на рубку корабельного „угожего“ леса в Двинском, Каргопольском и Важеском уездах, и чтобы дозволено было наймовать рабочую силу на строительство кораблей и для морского плавания и чтобы „оружье и пушечные припасы на тех кораблях для сбережения в морском ходу от воинских людей держать“.

Ответ на баженинскую челобитную задержался по причине пребывания Петра в Голландии до февраля 1700 года. В приданной царской грамоте, написанной в единый дух, без единой запятой и точки, давались братьям Бажениным свободные льготы и позволение на все их запросы, связанные с кораблестроением. Петр отлично понимал, насколько необходимо было иметь России свой флот, а в лице предприимчивых Бажениных, людей с широким русским размахом, он видел силу, способную умело начать и развить отечественное кораблестроение. Поэтому вполне естественно признательность Петра и его милость, дарованная братьям Бажениным.

Баженины без промедления построили верфь, заложили два судна и с позволения Петра обзавелись прядильным и парусным заводами для выработки корабельного оснащения.

Летом 1702 года Петр Первый снова навестил Вавчугу. Он прибыл тогда из Архангельска на трофейном фрегате, отбитом у шведов, нападавших на Новодвинскую крепость. Два фрегата — „Курьер“ и „Святой дух“ — были уже готовы на баженинских верфях и спуск их на воду совершился в присутствии Петра. Эти корабли были построены по заказу государя. Рядом с ними строились два торговых судна — собственные баженинские.

Быстрые темпы судостроения не могли не радовать Петра. Он с большим вниманием и благосклонностью отнесся к полезной для отечества деятельности Бажениных. Сохранилось такое предание, будто бы после приятной беседы и обильного угощения Петр с Осипом Бажениным гулял в окрестностях Вавчуги. Поднялись на колокольню. Взору Петра представились необъятные леса, прогаины зеленеющих заливных лугов, панорама Двины с речками, островами и заливами. Кое-где виднелись серые бревенчатые деревеньки.

— Местность весьма прекрасна, — похвалил Петр.

— Не жалуемся, ваше царское величество, — отозвался Баженин и, тряхнув головой, добавил:

— Лесу тьма тьмуцая... Себе на дело хватит и с иноземцами поторговать останется.

Во время осмотра местности с вавчугской колокольни Петр, будучи доволен Бажениным, сказал ему:

— Хочешь, Баженин, эту местность, насколько хватает глазу, тебе подарю?..

И будто бы Баженин ему ответил:

— Благодарю за царскую милость. Но здесь видны не только угодия, тут и деревни и села, а их населяют люди, в оных кипит кровь вольного Новгорода. Нет, царь, не хочу я владеть подобными себе. Спасибо...

Но предание это, как видно, угодливо приукрашивает Бажениных. На самом деле старший Баженин, Осип, по свидетельству современника, был „самосилен, самоволен и самосуден“.

Перед отъездом в Москву, в третий и последний приезд на Север, Петр подарил братьям Бажениным 2470 десятин леса, пригодного для судостроения.

Осип Баженин получил от царя и почетное звание корабельного мастера. Оба брата повелением Петра были зачислены в звание именитых людей гостиной сотни. Архангельским и холмогорским властям воспрещалось избирать Бажениных на общественные службы, чтобы не отвлекать их от кораблестроения; Бажениным разрешалось отправлять свои корабли за море, беспошлинно доставлять из-за моря в Архангельский порт все предметы, необходимые для кораблестроения; разрешалось, не спрашивая согласия воевод и бургомистров, нанимать рабочих людей и шкиперов.

Существует еще одно предание. Петр наугощался у Бажениных „до зела“ и расхвастался своей физической силой. В Амстердаме он как-то остановил крылья мельницы-ветрянки. В гостях у Бажениных он пообещал то же сделать с колесом водяной пильной мельницы. Хозяева, зная мощь водяного колеса, струхнули: „чем чорт не шутит, от царя могут остаться одни ошметки!“. Едва успел Петр подойти к колесу, как оно замедлило вращение и остановилось. Но слово царское сдержано и хвастливость не наказана. После выяснилось: Баженин Осип успел послать на пильную мельницу человека и во-время остановить ее. Петр, поняв это, расцеловал Баженина и подарил ему свой портрет, вырезанный им собственноручно на кизеле.

На торговых кораблях, построенных на баженинских верфях, архангельские купцы отправляли за море пиленый лес, парусные полотна, пеньку, смолу, муку и другие товары. Много предметов широкого потребления на тех же судах ввозилось из-за границы в Россию через единственный тогда Архангельский торговый порт.

Вавчужским кораблестроителям поступали государственные заказы на военные суда — фрегаты; поступали иноземные заказы на постройку устойчивых в северных морях судов; а еще больше судов заказывали русские купцы.

Правда, еще задолго до Бажениных новгородцы занимались судостроением на русском Севере. Известно также, что соловецкие монахи плавали по Белому морю на своих судах в середине XV века; плавали поморы даже значительно раньше, но тогда были не суда, а утлые „посудины“ для каботажного плавания. Петр Первый решительно боролся против попыток строить по старым образцам „душегубный“ флот. Среди его многочисленных указов есть два, в содержании которых чувствуется забота о серьезном развитии кораблестроения:

„По получении сего указу,—писал Петр из Петербурга 28 декабря 1715 года в Архангельск вице-губернатору, — объявите всем промышленникам, которые ходят на море для промыслов своих на лодьях и на кочах, дабы они вместо тех судов делали морские суды галиоты, гукары, каты, флейты, кто из них какие хочет, и для того (пока они новыми морскими судами исправятся) дается им сроку на старых ходить только два года, а по нужде три года, а по прошествии того сроку чтоб конечно старые все перевести и для того ныне вновь кочей и лодей делать не вели под штрафом; взять оное судно и сверх того вдвое денег во што оно стало“.

Ниже приписка рукой Петра:

„Слышали мы, что есть у города Архангельского белый медведь и ежили он жив то ево пришлите ныне суды и к тому велите будущее весною на грудланте (или инде где их ловят) купить еще медведя два“.

Другой указ последовал четыре года спустя. Очевидно, до Петра дошли сведения, что промышленники не перестают пользоваться старенькими лодьями и карбасами. Тому же вице-губернатору Петр на сей раз со всей строгостью предписывает: все старые, частные суда взять на строгий учет и отметить каждое судно орленым—гербовым клеймом и дальше: „дайте им на тех заорленных доходить, а вновь отнюдь не делали бы, а кто станет делать после сего указу новые, тех с наказанием ссылатъ на каторгу, а суды их изрубить, а буде вашим неусмотрением сие будет, то вы такомуж наказанию будете подлежать“. (Указ от 1 марта 1719 года). Петр не особенно деликатничал с губернскими властями. В следующем указе по поводу окладных и неокладных приходов, поступающих в Архангельске, он в заключении предупредил: „а если сего в назначенный срок не ис-

полните, то имеет сей посланной указ всех вас как вице-губернатора и протчих подчиненных, которые до сего касаются, сковать за ноги и на шею положить чепы (цепи — К. К.) и держать в приказе, покамест, пока вышешисанное исполнится“.

Строгие меры Петра и его повседневные заботы о судостроении в Архангельском порту, а затем в Лодейном Поле и на Неве, имели решающее значение для того, чтобы Россия могла свободно торговать с заграницей, а если встретится необходимость, то и выигрывать морские сражения.

Баженинским верфям суждено было стать колыбелью русского морского торгового флота. Строительство же военного флота было начато при Петре Первом на Дону. В скором времени стали строиться крупные военные суда в Архангельске на Соломбальских верфях. В трудный период войны с Карлом XII Петр Первый придавал Архангельскому порту особо серьезное значение. Все товары из ближних и дальних губерний страны для торговли с заграницей по указу Петра шли в Архангельск, который стал быстро расти как портовый город.

Среди товаров, поступающих из-за границы, большим спросом пользовались предметы, потребные для военных нужд того времени: горючая сера, медь, олово, пушки, компасные часы, шилы, сукна, медикаменты, разные инструменты.

В долголетней войне со шведами роль Архангельска, как единственного порта, была по достоинству понята и оценена Петром.

Позднее, когда Россия начала укреплять свои рубежи на Балтике, Архангельск выполнял почетную роль в создании молодого Балтийского флота. Так, в 1710 году с Соломбальской верфи были спущены и отправлены три 32-пушечных фрегата; в 1712 году — три 52-пушечных фрегата; в 1715 году Балтийский флот принял еще четыре 52-пушечных фрегата, прибывших из Архангельска.

Позднее по распоряжению Петра Баженины, кроме всех прочих видов флота, строили китоловные суда, способные к плаванию во льдах. По отзывам голландских мореплавателей, эти российские корабли считались крепкими и сильными.

Следуя примеру Бажениных, в Архангельске стали одна за другой появляться корабельные верфи — Бармина, Крылова, Пругавина, Амосова, Зыкова и других. На речках Лае и Кехте возникли два якорных завода. В Холмогорах была основана мореходная школа, с течением времени преобразованная в Архангельское мореходное училище.

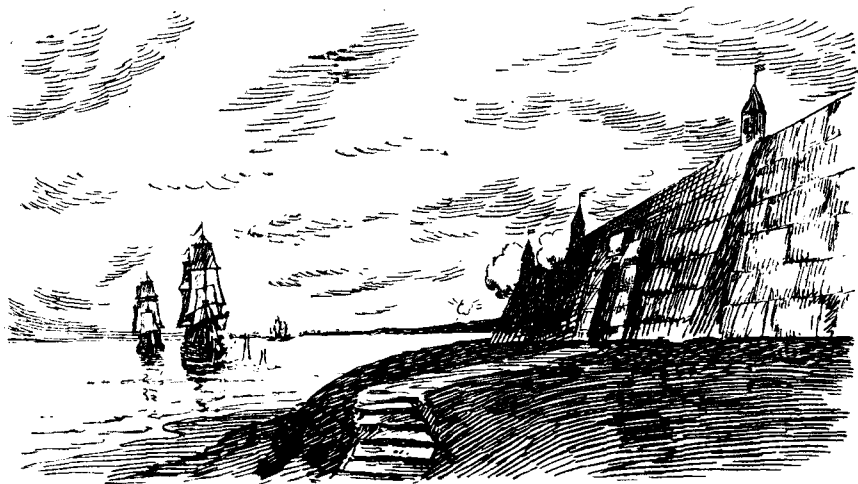
Известно, что один из наследников Бажениных Стефан из-за своей неопытности чуть было не привел блестяще поставленное кораблестроение к краху, но с помощью военных властей Архангельского порта строительство кораблей на баженинских верфях возобновилось с прежней силой и престиж старых кораблестроителей не был уронен.

Умение баженинских мастеров строить суда прочной конструкции привело к тому, что даже иностранцы охотно заказывали строить для них корабли. Так, в 1782 году английской торговой фирмой Эгерса было заказано Бажениным построить шесть кораблей. Считали нужным и другие англичане и голландцы обращаться с заказами к вавчужским кораблестроителям.

В историю кораблестроения на русском Севере вошло в те времена и стало широко известным имя одного искусного мастера-кораблестроителя Степана Тимофеевича Негодяева-Кочнева. Уроженец деревни Ровдогоры, Холмогорского района, Степан Кочнев с юных лет работал на баженинских верфях при хозяевах второго и третьего поколения кораблестроителей. Обладая сметливостью и дарованием, Кочнев самоучкой достиг высокого корабельного мастерства.

С начала прошлого столетия судостроение в Архангельске стало быстро падать. Причины этому: постройка Петербурга и связь с Западом через Балтику, преобладание на Севере в морской торговле иностранного капитала и высокие пошлины в иностранных портах для русского купечества. Кроме этих, были и другие причины. Так, например, в трактате „Купеческое судостроение“ один из корабельных специалистов, жалуясь на упадок судостроения в Архангельске, писал, что „англичанка сумела нагадить делу русского северного флота“. Крупный предприниматель Гом, пользуясь привилегиями в течение двадцати лет, хищнически вырубал на Севере корабельный лес, строил для иноземцев суда и лучший беломорский корабельный лес сбывал в Англию. Жульнические операции Гома, его злоупотребления также причинили вред и внесли расстройство в область отечественного судостроения и мореходства на русском Севере.

В наше время Архангельский порт растет с невиданной быстротой. Северный морской путь, Беломорский канал, освоение богатств Арктики и, наконец, „Всесоюзная лесопилка“ ставят Архангельск на одно из первых мест среди портов Советского Союза.

ИВАН РЯБОВ

Шведы угрожали Архангельску.

Весной 1701 года Петр I послал указ двинскому воеводе князю Прозоровскому и архиерею Афанасию — своему ставленнику и любимцу, чтобы они немедленно в пятнадцати верстах ниже Соломбалы строили в Устье Двинском каменную крепость на случай защиты города, „чтоб тех неприятельских людей в двинския устья не пропускать и города Архангельского и уезду ни до какого разорения не допускать“.

Одновременно по указу Петра воевода Прозоровский отправил триста строителей укреплять крепости-остроги в Сумском и Кольском посадах и в городе Кеми.

На постройку Новодвинской крепости были мобилизованы крестьяне по одному со двора и собрано по рублю денег с каждого хозяйства Двинской области.

Опасаясь воровских кораблей, Петр повелел местным жителям на морские промыслы не ходить, а ограничиваться рыбной ловлей в устьях рек. От Петра снова последовали одна за другой грамоты воеводе и архиепископу, в которых он сообщал об известных ему намерениях шведов, готовившихся напасть на Архангельск. Ссылаясь на точные сведения, Петр

указывал, что шведский комиссар в Гельзингейре искал четырех штурманов, годных быть проводниками к Архангельску на четырех кораблях, и что корабли эти уже строятся шведами в Готтенбурге наспех, якобы для ловли китов в Гренландии. Воеводе архангельскому приказывалось соблюдать осторожность и на морских островах велено поставить особых людей для наблюдения за морем, которые бы не знали прохода в Двинское устье; иноземные корабли без расспроса (то есть без осмотра) не пропускать. В той же грамоте приказывалось воеводе всех служилых — военных людей из Холмогор перевести в Архангельск; около строящейся крепости поставить охрану из 400 солдат и четырех батарей с редутами и защитительными шанцами, с насыпями позади батарей.

В одной из грамот на имя архиепископа Афанасия Петр сообщал вновь поступившие в Москву известия, что десять неприятельских фрегатов вошли в Белое море, что шведы намереваются напасть на Архангельск. Тогда Афанасию Петр предписывал:

„От приходу тех неприятелей быть во всякой осторожности и всякое уготовление ко отпору их с боярином и воеводою со князем Прозоровским чинить с общего совету“.

Характерны следующие подробности, свидетельствующие о бдительности и осторожности Петра: по судоходному устью Двины были убраны все знаки, показывающие фарватер; было приготовлено шесть брандеров для зажигания шведских фрегатов; вооружение с иностранных судов, находящихся в Архангельске, было снято и поставлено на оборону гостиных дворов и набережной города. Иноземные плотники, матросы, ехавшие из Москвы через Архангельск на родину, были задержаны до осени.

Днем 25 июня 1701 года поступила от Петра епископу Афанасию упомянутая грамота, а вечером того же дня к Двинскому-Березовскому устью подошли четыре больших шведских корабля, два фрегата и яхта под английскими и голландскими торговыми флагами. Еще утром 25 июня шведские военные корабли приблизились к Мудьюжскому острову. Здесь на один из кораблей прибыл начальник мудьюжской охраны с командой солдат с прапорщиком, писарем и двумя переводчиками. Все они вероломно были захвачены шведами в плен, после чего от шведской эскадры отделились два фрегата и яхта с отборными войсками. Шведы рассчитывали внезапно напасть на Новодвинскую крепость, а затем беспрепятственно пройти в Архангельск.

Для безопасного прохода в устье Двины шведы еще на взморье взяли в плен служку Николо-Карельского монастыря Ивана Рябова и приказали ему стать проводником-лоцманом, на что Рябов после длительного раздумья согласился, чем немало обрадовал шведов.

Однако, не доверяя одному Рябову, они взяли из числа русских пленных в качестве проводника еще архангельского горожанина — переводчика мудьюжской караульной команды Дмитрия Борисова. Иван Рябов поведал своему земляку, что он намерен шведские суда с полного хода поставить на мель, да так, чтобы с крепости могли их разбить пушечными выстрелами. Борисову мысль Ивана Рябова пришлась по душе. Тайну своего товарища он не выдал шведам...

На подступах к Новодвинской крепости шведские фрегаты были встречены командой контролеров во главе с офицером Животовским. Но их не удалось шведам заманить к себе на судно и поступить с ними так же, как они поступили с мудьюжской командой, запертой в трюме фрегата. Один солдат из команды Животовского в пушечное окно приметил на палубе вражеского корабля много вооруженных шведов и условным знаком дал об этом знать своему командиру. Карбас с командой быстро отвалил от фрегата и направился к берегу. Шведы дали залп из ружей. Среди русских солдат оказались убитые и раненые. Отстреливаясь от шведов, боец Леонтий Огжеев метким выстрелом убил на шведском фрегате капитана. Видя, что их враждебные замыслы раскрыты, шведы решили воспользоваться услугами Ивана Рябова. Они ему приказали вести головной фрегат прямо к городу, не взирая ни на какие препятствия. Тогда Рябов и выполнил в точности задуманное им намерение: фрегат и яхта сели на мель.

Рябов и Борисов были шведами расстреляны. Но убитым оказался один Борисов. Рябов упал и, притворившись мертвым в течение 13 часов, пока длился бой, лежал неподвижно на палубе вражеского судна.

Воевода Прозоровский во время нападения шведов на крепость отсутствовал. Отпор неприятелю организовал и боем руководил приставленный к строительству крепости стольник Сильвестр Иевлев, проявивший храбрость и распорядительность.

В тот момент, когда под огнем крепостных батарей шведы с фрегата, стоявшего на мели, были вынуждены на шлюпках переехать на другое судно, Иван Рябов вплавь добрался до берега.

Шведы во время перестрелки понесли значительные потери убитыми и ранеными; фрегат, яхту, 13 пушек и другие трофеи они оставили гарнизону Новодвинской крепости.

Отступив от двинского устья на оставшихся судах, шведы на обратном пути сожгли несколько приморских деревень. Увели с собой семь пленных; остальных из числа захваченной караульной команды они высадили на необитаемый остров.

Архангельский воевода Прозоровский, письменно извещая царя о случившемся, заслуги стольника Сильвестра Ивлева и геройский поступок Ивана Рябова оставил в тени, умолчал о них, с корыстной целью стараясь приписать себе чужие заслуги, чтобы получить награду. Петр, узнав от воеводы об отражении неприятеля вблизи города Архангельска, сказал одному из своих приближенных — Апраксину: „Зело чудесно, что отразили злобнейших шведов“. Участникам сражения он повелел выдать денежные награды: офицерам — по 10 рублей, солдатам — по одному рублю. Воеводе Прозоровскому Петр объявил благодарность „за распорядительность“.

Какую же награду сразу после этого происшествия получил герой и патриот отечества Иван Рябов?

Высокомерный воевода учинил Рябову допрос с пристрастием:

— Как и почему ты, Ивашка Рябов, попал в плен к шведам, какое имел право быть в море? Ведь было запрещено заниматься рыбной ловлей на взморье?..

Пользуясь формальной придиркой и вовсе не касаясь героического поступка, воевода приказал высечь Рябова, а затем бросить в тюрьму, что и было исполнено по всем правилам.

В таком же духе воевода „вознаградил“ проявившего храбрость и находчивость стольника Сильвестра Ивлева. В холмогорском архиерейском приказе была учинена подробная запись со слов потерпевшего стольника. Из записи видно, что Прозоровский был готов уничтожить Ивлева, лишь бы тот не пошел ему.

Воевода во время нападения шведов трусливо прятался и за 13 часов проходившего боя он, имея под рукой четыреста вооруженных служилых людей, не осмелился подойти к Двинской крепости на помощь стольнику Сильвестру. А когда победа была одержана и шведы, оставив трофеи, покинули двинское устье, воевода вызвал к себе на расправу Сильвестра и беспощадно „смертным боем“ избивал его.

Благодаря епископу Афанасию было проведено расследование и о незаконных проделках воеводы стало известно Петру Первому.

Петр не замедлил снять Прозоровского с занимаемой должности и заменил его Василием Ржевским.

О герое Иване Рябове вспомнили через год. Незаметный монастырский служака-рыболовец продолжал томиться в Архангельской тюрьме.

В мае 1702 года в Архангельск приезжал Петр. Кто-то из приближенных поведал царю об Иване Рябове и его подвиге.

Царь приказал немедленно освободить Рябова из-под стражи и привести его для расспроса.

Изнуренный тюремными условиями жизни, потерявший надежду на справедливость, Иван Рябов воспрянул духом. Он рассказал Петру обо всем, как было.

Взволнованный Петр, внимательно выслушав верного слугу, обнял его, поцеловал и наградил деньгами и одеждой со своего плеча, что считалось тогда высшей наградой. Кроме того, Петр пожизненно освободил героя от всех податей.

* * *

С тех пор имя славного Ивана Рябова стало широко известно; оно нередко встречается в дореволюционной и современной литературе. Недавно было установлено, что потомки Рябова работают на одном из предприятий в Архангельске. Один из Рябовых — мичман Виктор Николаевич за честную и самоотверженную службу на флоте награжден двумя орденами „Красной Звезды“.

Двое Рябовых — Анатолий и Георгий — в начале Отечественной войны ушли добровольцами на фронт: Георгий на торпедном катере громил немецкие суда в Заполярье; Анатолий начал службу в разведке на Карельском фронте и дошел до Берлина. Он награжден двумя орденами Славы и орденом Отечественной войны. Потомки Ивана Рябова достойны своего славного предка.

МИХАЙЛО ШЕПОТЬЕВ

Судя по всему, Михайло Шепотьев, сержант и урядник бомбардирский Преображенского полка, хорошо знал каргопольские, заонежские дебри. Петр Первый поручил ему вести разведку местности от Белого моря до самого Онежского озера и строить известную „государеву дорогу“. Только северянину-следопыту под силу было преодолеть болота и бурные реки, известные и знакомые ему с малых лет. Шепотьев отчетливо представлял себе, что значит построить такую дорогу по лесным и болотным дебрям, дорогу, по которой царь Петр хотел провести свое войско, протащить по суше суда, зайти в тыл назойливым шведам.

Указом от 8 июня 1702 года Петр Первый повелел Шепотьеву: „Проведать ближайшего и способного водяного и сухого пути к Олонцу и Новгороду“. А в конце июня того же года в распоряжение Михайлы Шепотьева были собраны крестьяне из Беломорья, Заонежья и Каргополя числом в несколько тысяч. Сам Петр не присутствовал на строительстве дороги. Он в ту пору находился в Архангельске, осматривал только что построенную Ново-Двинскую крепость и одаривал „царскими милостями“ кораблестроителей Бажениных.

Свой план переброски войск прямым путем с Беломорья на Ладогу Петр тщательно скрывал. В разговорах с приближенными он лишь упоминал вскользь:

— Не знаю, доколе сей раз в Архангельском городе мне пробывать должно...

А тем временем Щепотьев слал Петру донесения: „По указу твоему, послан я для чистки дорожной. Пристань я сыскал, измерил“, — доносил Щепотьев из Нюхчи, где в ту пору добывали соль.

От Нюхчи до Повенца, что на Онежском озере, Щепотьев и начал „чистку“ пути. Старательно работали северяне под руководством сержанта Михайлы Щепотьева. Они заготавливали лес для пристани и мостов, вырубали просеку, мостили болота, строили переправы, сносили камни с горных переходов. Было приказано Щепотьеву собрать подводы и суда для доставки царя с войском по этому пути до озера и дальше.

В августе Щепотьев доносил Петру из Повенца: „Известую тебя, государь, дорога готова и пристань и подводы и суда на Онеге готовы... А подвод собрано по 2-е августа 2000, а еще будет прибавка, а сколько судов и какою мерою, о том послана к милости твоей роспись с сим письмом“.

16 августа к Нюхче подошла флотилия. Ожил пустынный берег Беломорья: высадился Петр с Преображенским гвардейским полком.

На другой день Петр писал Шереметеву, дравшемуся за Ладожским озером со шведами: „Мы сколь возможно скоро спешить будем“. И тогда же послал депешу польскому королю Августу: „Мы ныне обретаемся близ границы неприятельские и намерены, конечно с божией помощью некоторое начинание учинить“.

Флот, доставивший петрово войско в Нюхчу, был отправлен обратно в Архангельск. Остались только два фрегата. Их поставили на полозья и катки с упрягой. Везли каждое судно 100 лошадей и 100 человек. Начался великий и неслыханный поход. Десять суток шел Петр с преображенцами по просеке Щепотьева.

„Государева дорога“ простиралась на 160 верст. От Нюхчи просекой в три сажени шириной тянулась она на Пулозеро, через поселение Вожмосальму на озеро Выг и на Повенец. Это был кратчайший путь для переброски войск на новые позиции, где шведы никак не ожидали Петра с его солдатами.

Из Повенца вторично Петр уведомил польского короля: „Мы ныне в походе близ неприятельской границы обретаемся и при помощи божией не чаем праздны быть“.

Не задерживаясь, преображенцы двинулись дальше по Онежскому озеру, по Свири на Ладожское озеро. Скоро осуществил Петр свои намерения: разбил шведов на берегу Невы, заняв две крепости Нотенбург и Ниеншанц. Этому успеху не в малой степени помогли сметливость и организаторские способности простого русского человека — сержанта Щепотьева, упорство и выносливость северян, работавших под его руководством.

По „государевой дороге“ в 1703 году прошел еще полк солдат, прибывших из Архангельска в Нюхчу на кораблях. Пользовались этой дорогой и местные повенецкие и нюхченские жители. Но скоро весенние разливы снесли мосты, без надлежащего ремонта дорога запустела, просека вновь просохла лесом.

Труды сержанта Щепотьева не были забыты. О его дороге вспомнили, когда впервые зародилась идея Беломорско-Балтийского канала, претворенная в жизнь в наше время по инициативе великого Сталина...

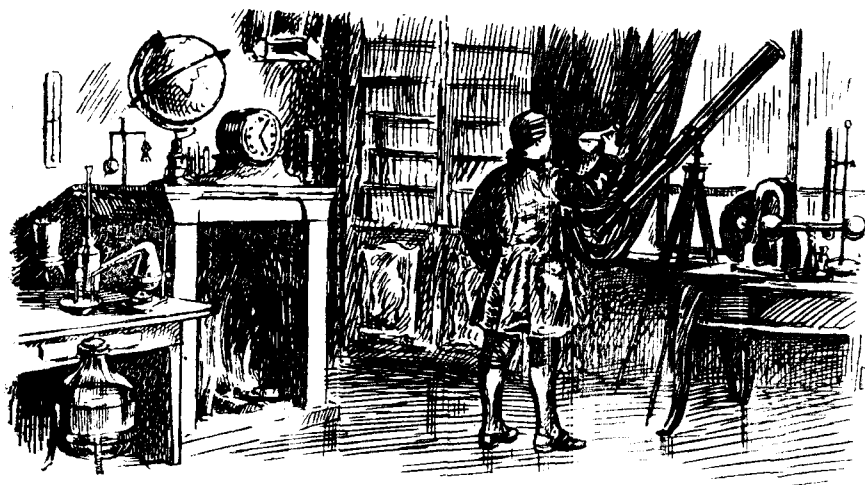
Михайло Щепотьев пал смертью героя в 1706 году, на Балтике, около Выборга. По приказу Петра Первого сержант Щепотьев возглавил тогда пятьдесят преображенцев и на пяти рыбацких лодках бросился в погоню за шведскими торговыми судами. Последние скрылись в тумане и ушли от преследования.

Блуждая в морском тумане, преображенцы нечаянно столкнулись с военным адмиралтейским ботом, на котором было 110 вооруженных шведов.

Верный своему долгу, Щепотьев подал гвардейцам команду атаковать судно. Русские храбрецы, не считаясь с опасностью, бросились на палубу бота; часть шведских матросов перебили, часть команды заперли в трюм, управление судна взяли в свои руки, приставили к пушкам своих бомбардиров-наводчиков. Шведы, обнаружив пропажу адмиралтейского бота, пошли на выручку. Но и тут храбрецы под командой Щепотьева не растерялись. Они вступили в бой, из трофейных пушек обстреляли шведские суда и обратили их в бегство.

В этом бою погиб Михайло Щепотьев.

Шведское судно, пленных матросов и офицеров гвардейцы доставили Петру и рапортовали ему о своей баталии. Петр был удивлен и обрадован дерзновенной храбростью морской пехоты и всех участников этой смелой вылазки произвел в офицеры. Пожалев о погибшем сержанте Щепотеве, Петр приказал похоронить его не как рядового, а как старшего офицера с музыкой и пальбой и чтобы на похоронах был весь Преображенский полк.

МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ ЛОМОНОСОВ

Во время своего третьего и последнего посещения Архангельска в 1701 году Петр Первый проезжал мимо деревушки Денисовки, расположенной вблизи Холмогор. Длинная в один посад Денисовка ничем тогда примечательна не была. Серые из толстого леса избы, низкие, поперечные окна, вместо стекол слюда, а кто победней, обходился и без слюды, заменяя ее сушеным чуть-чуть прозрачным бычьим пузырем.

На песчаном, поросшем ивами, берегу реки Курополки против каждой избы на цепной привязи покачивались крепкие, пропахшие рыбой, карбасы. Тут же стояли легкие парусники, пригодные к морскому плаванию.

Жители Денисовки, поголовно все от старого до малого, выбегали на берег реки, встречали и провожали Петра Первого и его свиту. Быть может, Петр и внимания не обратил на эту деревушку, каких мало ли на двинском Севере. И откуда было знать Петру, что здесь, в рыбацкой Денисовке, через десять лет после посещения им этих мест, при его жизни появится на свет человек, который, обладая крепким умом и „благородной упрямкой“, достигнет высочайших вершин науки.

Этот замечательный человек оставил предсмертную запись:

„Много смолчал, много снес, много уступил... За то терплю, что стараюсь защитить труд Петра Великого, чтобы выучились россияне, чтобы показали свое достоинство“...

Великий ученый „архангельский мужик“ Михаил Васильевич Ломоносов имел полное право сказать о себе эти слова, которыми подвел черту своей многотрудной и блистательной деятельности.

Ломоносов — уроженец деревни Денисовки, но он вместе с тем родной сын матери России.

Ломоносов — общерусское национальное явление. Он величайший деятель науки, гениальный русский ученый, замечательный поэт своего времени.

Белинский, говоря о первых шагах новой русской культуры, сказал:

„Первые попытки были слишком слабы и неудачны. Но вдруг... на берегах Ледовитого моря, подобно северному сиянию, блеснул Ломоносов. Ослепительно и прекрасно было это явление! Оно доказало собой, что человек есть человек во всяком состоянии и во всяком климате, что гений умеет торжествовать над всеми препятствиями, какие ни противопоставит ему враждебная судьба, что, наконец, русский способен ко всему великому и прекрасному... С Ломоносова начинается наша литература; он был ее отцом и пестуном; он был ее Петром Великим“.

Величие Ломоносова не только в литературе, не только в поэзии и лингвистической науке. Он являлся крупнейшим ученым историком, философом, механиком, физиком, химиком, инженером-изобретателем, минерологом и художником.

„Главным призванием Ломоносова, — писал Плеханов, — были естественные науки, от занятия которыми он никак не хотел отказаться даже тогда, когда от него требовали изложения подходящим „штилем“ истории России“.

* * *

Нелегко, сложен и многообразен был жизненный путь Ломоносова.

Родился он в 1711 году в семье крестьянина-рыбака Василия Дорофеева. Плавая со своим отцом и холмогорскими рыбаками и зверобоями с детства, Михаил Ломоносов закалился в суровых и опасных условиях. На отцовском суденышке „Чайка“ он ходил до норвежских фиордов. Впечатления наблюдательного и выносливого юного Ломоносова на всю жизнь

сохранились в его памяти. Даже в самых поздних стихах Ломоносова встречаются строчки, навеянные впечатлениями странствований по Беломорью и океанским просторам.

„Когда по глубине неверной
К неверным берегам пловец
Спешит до дальности безмерной
И не является ковец;
Прилежно смотрит птиц полеты,
В воде и воздухе приметы.
И как уж томную главу
На брег желанный полагает,
В слезах от радости лобзает
Песок и мягкую траву“...

Биография Ломоносова широко известна.

Денисовка, пригородная холмогорская деревня, где родился Ломоносов, по тем временам среди других сел и деревень не являлась отсталой. Жители ее, „черносошные“ пахари, рыбаки и костерезы, были близко знакомы с культурными зачатками города. Встречались грамотные люди. Сосед (и, возможно, родственник) Иван Шубный, отец будущего знаменитого скульптора и академика Федота Шубина (Шубного), учил Ломоносова познавать грамоту. Три книги, добытые у соседа Христофора Дудина, по выражению самого Ломоносова, оказались „вратами“ к его учености. Грамматика Смотрицкого представляла собой первую попытку изучения и приведения в порядок системы старо-славянской грамматики. Псалтырь, переложенный на стихи Полоцким, дал Ломоносову первое знакомство с поэзией.

Книга Магницкого была не просто узким арифметическим задачком, в ней были популярно изложены сведения по физике, геометрии, астрономии, географии, навигации и другим дисциплинам.

В предисловии к этой книге составитель не без гордости указывал:

„зане разум весь собрал и чин
природный русский, а не немчин“.

Эти книги были напечатаны в Петербурге при Петре Первом.

Известно, что Петр, находясь в 1697 году в Амстердаме, заказал издать сборник гравюр и изречений „Символы и эмблемы“. Этим сборником, завезенным Петром из Голландии, долгие годы пользовались, как наставлением, денисовские костерезы. Но Ломоносов не захотел стать кустарем — резчи-

ком по кости. Не прельщала его и зажиточная жизнь в Денисовке, и даже предложение отца „невеста на выбор“ не кружило ему голову. Ломоносов хотел учиться, хотел постичь науки. И это его стремление не было случайным. Родина Ломоносова— северное поморье—с давних пор очаг народной культуры. Север Руси не был потревожен нашествием монголов, и не было на Севере крепостничества. Наоборот, в двинские края, на беломорское побережье бежали от гнета и преследований люди из центральной Руси и, главным образом, из вольнолюбивого Новгорода. Торговые связи с заграницей, развитие всевозможных промыслов на Севере—все это способствовало архангельскому Северу издавна быть краем передовым.

Г. В. Плеханов неоднократно подчеркивал эту важную особенность, способствовавшую Ломоносову стать тем, кем он стал.

„Архангельский мужик, — писал Плеханов, — стал разумен и велик не только по своей и божьей воле. Ему чрезвычайно помогло то обстоятельство, что он был именно архангельским мужиком-поморцем, не носившим крепостного ошейника...“

На Севере не было таких учебных заведений, какие были в Москве, о которых Ломоносов узнал от своих соседей земляков, ездивших в древнюю столицу с рыбой и за товарами.

В декабре 1730 года Ломоносов направляется в Москву учиться, уйдя из дому с обозом рыбаков.

Девятнадцатилетним он поступает в Спасские школы. Много лет спустя об этом своем трудном периоде жизни он писал вельможе И. И. Шувалову:

„Обучаясь в Спасских школах, имел я со всех сторон отвращающие от наук пресильные стремления, которые в тогдашние лета почти непреодолимую силу имели. С одной стороны, отец никогда детей кроме меня не имея, говорил, что я, будучи один, его оставил, оставил все довольство, которое он для меня кровавым потом нажил и которое после его смерти чужие люди расхитят. С другой стороны, несказанная бедность: имея один алтын (3 копейки) в день жалованья, нельзя было иметь на пропитание в день больше как на денежку хлеба и на денежку квасу, прочее на бумагу, на обувь и другие нужды. Таким образом жил я пять лет и наук не оставил. С одной стороны, пишут, что, зная моего отца достатки, хорошие тамошние люди дочерей своих за меня выдадут, которые и в мою там бытность предлагали; с другой стороны, школьники малые ребята кричат и перстами указывают: смотри-де какой болван лет в двадцать пришел латыне учиться“.

Здесь Ломоносов не говорит о том, что прежде чем попасть в число учащихся, он был вынужден скрыть свое социальное происхождение и выдавать себя то за дворянского, то за попковского сына.

Быстрые успехи в Славяно-греко-латинской академии (как тогда еще назывались Спасские школы) выдвинули его в число лучших учеников. Он едет в Киев познавать философию и другие науки. Но пробыл там менее года. Рассуждения ученых схоластиков ему казались беспредметными, не затрагивающими его пылкий ум, склонный к глубоким естественным познаниям. Он попадает в Петербург в Академию Наук, а отсюда за границу, в Марбург, где и продолжает учение у Христиана Вольфа и других ученых.

Еще до возвращения из-за границы он сумел прославить себя в так называемых „высших кругах“ России стихотворениями—одами, совершившими переворот в русской поэзии того времени.

Спустя многие годы Пушкин, высоко оценивая Ломоносова как поэта, отмечал: „Слог его ровный, цветущий и живописный, заимлет главное достоинство от глубокого знания книжного славянского языка и от счастливого слияния оного с языком простонародным“.

Поэзия Ломоносова имела громадное влияние на его современников и последующие поколения.

Чувство настоящего народного патриотизма руководило деятельностью Ломоносова на протяжении всей его жизни.

„Честь российского народа,—писал он,—требует, чтобы показать способность и остроту его в науках и что наше отечество может пользоваться собственными своими сынами не токмо в военной храбрости и в других важных делах, но и рассуждении высоких знаний“.

Наука Ломоносовым ставилась в неразрывную связь с практической полезной деятельностью. Он давал отпор тем ученым, в понятии которых совмещались наука и религия:

„Нездорово рассудителен математик, ежели он хочет божескую волю вымерять циркулем. Таков же и в богословии учитель, если он думает, что по псалтыри научиться можно астрономии и химии“.

Много достигнуто Ломоносовым в области наук. Силой своего разума он глубоко проник в бесконечно разнообразную природу.

Ломоносов занимался изучением строения материи и впервые формулировал атомистическую теорию. Понятие о моле-

куле и атоме (по его терминологии „корпускуле“ и „элементе“) служило самым существенным научным воззрением, входившим в основу материалистического изучения явлений природы. Эта теория была подтверждена и окончательно сформулирована на одном из международных конгрессов сто лет спустя после смерти Ломоносова.

Известно, что в области химии за семнадцать лет до Лавуазье Ломоносов открыл и доказал закон сохранения вещества при химических превращениях.

Физика занимала видное место в деятельности великого ученого. Им написано множество оригинальных, исследовательских работ. Среди них: „Слово о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих“, „Теория электричества, разработанная математическим путем“, „Размышления о причинах теплоты и холода“ и др.

Некоторые идеи Ломоносова в области физики, в частности о воздушных холодных и теплых течениях, были проверены и подтверждены американскими учеными только через сто двадцать лет после смерти Ломоносова.

Минеральные богатства России впервые описаны в научном обзоре Ломоносовым. В географии, метеорологии и многих других областях наук Ломоносов оставил после себя труды, считаемые и в наше время.

Характерно его отношение к исторической науке: в 1748 году, когда историк Миллер в одной из своих работ заявил, что „Ермак грабежу и разбою, чинимого от людей своих в Сибири не почитал за прегрешение“, Ломоносов доказывал, что Ермак служил интересам России, а потому нужно говорить о нем осторожнее и фразы с „похулением“ его лучше вычеркнуть... В другом случае, разоблачая Миллера в „затаенных чувствах против России и русских“, Ломоносов доказывал, что в высказываниях Миллера нет патриотических чувств, а есть „несходства, непристойности и позорище славных и великих дел российского народа“.

Считая славян древнейшими обитателями Европы и отрицая норманское происхождение первых князей рюрикава дома, Ломоносов возражал немцам историкам, искажавшим историю России, проявлял бдительность и утверждал трезвый взгляд на историческую науку.

Так, по его мнению, историк должен быть вооружен „сильными знаниями в философии и красноречии“ и что следует „смотреть прилежно: 1) Чтобы он (историк) был человек надежный и верный, 2) природный россиянин, 3) чтобы не был скло-

нен в своих исторических сочинениях к шпионству и посмеянию“.

Исследователи, составившие многочисленные научные труды о жизни и деятельности Ломоносова, вправе утверждать, что он, Ломоносов, выдающийся ученый-мыслитель, практик-изобретатель, всесторонний деятель, охватил почти все стороны науки своего времени. Во многих научных деяниях он стоял выше ученых западной Европы.

Нет возможности в кратком очерке перечислять все его изобретения в области техники. Но нельзя не отметить следующее: Ломоносову принадлежит проект „аэродромной машины“, изобретенной им в 1754 году для производства метеорологических наблюдений в верхних слоях атмосферы.

Профессор Ключков, автор книги о жизни и деятельности Ломоносова, правильно подмечает, что „аэродромной машиной“ Ломоносов наметил сразу два изобретения, получившие свое практическое применение в наше время. Это — вертолет и прибор-предшественник современного шара-зонда.

Многие изобретения Ломоносова остались неиспользованными. Однако известны случаи влияния его изобретений на труды последующих изобретателей. Например, И. И. Ползунов — первый в мире изобретатель паровой машины — в своем проекте использовал теоретические и практические указания Ломоносова из его работ по физике. Насколько упорен и настойчив в своих целеустремлениях был великий ученый, свидетельствует такой факт. Чтобы добиться выработки цветных стекол и мозаик, Ломоносов произвел около трех тысяч опытов и достиг желаемых результатов. За это правительство Елизаветы оказало ему помощь в устройстве специальной Усть-рудицкой фабрики для изготовления всевозможных изделий из цветного, изобретенного им, стекла.

Больших усилий стоила Ломоносову борьба с немецким бюрократическим засильем в Академии Наук. Он боролся против немцев, которые не хотели распространения наук в России и стремились поживиться за счет русской казны, опорочить русский народ и его историю.

Недаром правитель Канцелярии Академии Шумахер заявлял: „Я великую прошибку в политике своей сделал, что допустил Ломоносова в профессору“. А Тауберт — зять и помощник Шумахера — говорил: „Разве нам десять Ломоносовых надо? и один нам в тягость!“

Полностью отдаваясь науке, Ломоносов мечтал о тех временах, когда наука подчинит себе природу, заставит ее отдать

свои сокровища людям. Он верил в свой народ, способный выдвинуть талантливых и бескорыстных творцов науки и практических деятелей, которые будут полезнее выписываемых из-за границы шумахеров. И, обращаясь к будущим своим последователям, он писал:

„О вы, которых ожидает
Отечество от недр своих
И видеть таковых желает,
Каких зовет от стран чужих.
О, ваши дни благословенны.
Дерзайте ныне ободрены
Раченьем вашим показать,
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать“.

Ломоносов отлично понимал, что сама по себе российская земля, да еще в тяжелую послепетровскую эпоху, при наличии немецкого засилья в придворных и научных кругах, не может быстро рождать ученых людей. Этому нужно всемерно способствовать. За внедрение науки нужно было бороться. И он боролся, не щадя своих сил. Неоднократно в Академии Наук прямо и убедительно он ставил вопрос о привлечении к учебе способной и талантливой молодежи из трудовых слоев русского народа. На этой почве нередко у него возникали столкновения с немцами „недоброхотами и наглыми угнетателями“ российской науки. И о себе, как о яростном поборнике, одержимом высокими и благородными стремлениями, он в письме к одному из академиков заявил: „За общую пользу, а особливо за утверждение наук в отечестве и против отца своего родного востать за грех не ставлю...“

Все это свидетельствует о том, что близки и дороги были Ломоносову прогрессивные идеи, направленные на процветание России.

Возьмем, к примеру, такой вопрос, как освоение Арктики.

Петр Первый, бывая на Севере, заботился не только о строительстве торгового и военного флота, он задумывался над тем, как бы установить „дорогу через Ледовитое море в Китай и Индию“. Недаром еще в то время английские министры были обеспокоены деятельностью Петра. Например, один из них — Вальполь, предусматривая от развития русского Севера большие неприятности для Англии, заявлял: „Если Россия возьмет себе в образец Данию, учредит, ободрит и поддержит торговые товарищества, то наша и Голландская торговля в состоя-

нии ли будут устоять от этого поражения? Если держава, которая не знает, куда и как употреблять своих людей, примется за умножение своих морских сил и купеческих кораблей, тогда пропадут Голландия и Англия. Возможность какую имеет Россия к постройке судов, оправдывает мое беспокойство“.

Другой английский министр Гускидсон заявляя: „Нужно употребить все зависящие от нас меры, чтоб остановить в России развитие торгового флота и купечества“. (Цит. по книге М. К. Сидорова „Картины из деяний Петра Великого на Севере“, изд. 1872 г.).

Огромное значение морских путей для развития экономики России предвидел и Ломоносов, который ставил целью освоение „северного ходу в Ост-Индию Сибирским океаном“. Великий ученый писал:

„Напрасно строгая природа
От нас скрывает место входа
С брегов вечерних на восток.
Я вижу умными очами:
Колумб российский между льдами
Спешит и презирает рок...“

Проекты освоения Арктики, составленные Ломоносовым, долгие годы не опубликовывались. Нынче не является секретом, что научное открытие Аляски началось по инициативе Ломоносова, использовавшего материалы землепроходца и морехода северянина Степана Глотова. По записям Глотова им были составлены карта и маршрут экспедиции Креницына, которая, обследовав Аляску, закрепила ее за Россией.

В своих научных соображениях по вопросам освоения Арктики и вновь открываемых земель Ломоносов всегда опирался на смелый опыт русских храбрецов — людей великих дел и великой цели. Характерно, что даже Адмиралтейская Коллегия, занимавшаяся непосредственно вопросами мореплавания, не считала возможным направлять экспедиции Северным морским путем. По настоянию Ломоносова вызывались в Петербург мореходы поморы и кронштадтские матросы, которые поддерживали его смелые планы путешествий и исследования Арктики.

Особенно большую ценность представляли рассказы опытного кормщика помора Корнилова, ходившего на своем суденышке на Шпицберген. (На долю Корнилова выпала честь спасти „мезенских робинзонов“ Хилкова с товарищами, шесть лет зимовавшими на Груманге). И все же проблема Великого Северного Морского Пути долгие годы оставалась не разрешенной. До того ли было, когда иностранцы сумели при со-

действию самодержавия прибрать к своим рукам торговлю и морские промыслы на Севере. И даже все русские верфи на Севере были уничтожены.

В конце прошлого века два русских патриота — адмирал Макаров и химик Менделеев вновь выдвигали идею освоения арктического пути на восток, но удалось это сделать только после Октябрьской революции. В 1932 году по указанию товарища Сталина была организована экспедиция. Ледокол „Сибиряков“ впервые успешно завершил плавание в одну навигацию от Архангельска до Владивостока.

* * *

Основной идеей в своей деятельности Ломоносов считал: развить науку и технику в России, чтобы страна не была отсталой.

О внимании Ломоносова к изучению и освоению Севера напомнил в 1932 году нашим ученым С. М. Киров, который сказал:

„Еще Ломоносов в свое время звал на Север посмотреть, что там делается. Это проникательный человек, который двести лет тому назад сокрушался: „По многим доказательствам заключаю, что и в северных земных недрах пространно и богато царствует натура... и искать оных сокровищ некому... а металлы и минералы, — добавлял Ломоносов, — сами на двор не придут. Они требуют глаз и рук в своих поисках“. Я думаю, — говорил Сергей Миронович, — что все наши просвещенные организации, начиная от Академии Наук, и все практические работники должны последовать примеру Ломоносова и действительно глазами и руками прощупать все, что имеется в этом богатом и обширном крае...“

Практические пожелания двух великих деятелей — ученого Михаила Ломоносова и соратника великого Сталина Сергея Мироновича Кирова — стали выполнимы благодаря сталинским пятилеткам, благодаря Великой Октябрьской социалистической революции, благодаря мудрому руководству товарища Сталина.

* * *

В Архангельске свыше сотни лет тому назад воздвигнут памятник Ломоносову работы известного скульптора И. П. Мартоса.

Сборы пожертвований на постройку памятника в Архангельске продолжались десять лет. Было собрано 53000 рублей. Скульптор Мартос (творец известного памятника Минину и Пожарскому) согласился за 40000 рублей

соорудить памятник и постамент к нему из своего материала. На имя архангельского генерал-губернатора Миницкого Мартос по поводу этой сделки писал:

„Не бесполезным считаю представить сравнение двух памятников, мною произведенных: памятник герцогу Ришелье для Одессы и памятник Ломоносову. За одесский памятник, коего стоячая фигура более Ломоносова только пятью вершками и под которую пьедестал сделан в Одессе, не на мой счет, заплачено мне 50000 рублей. Ломоносова же памятник состоит из двух фигур и под него гранитный огромный пьедестал — 46 000 рублей. Из сего можете усмотреть, что, делая изображение нашего бессмертного пиита, я никаких других расчетов себе не представляя, кроме одной чести изобразить лик мужа, которого вся Россия чтит и всегда чтить будет“.

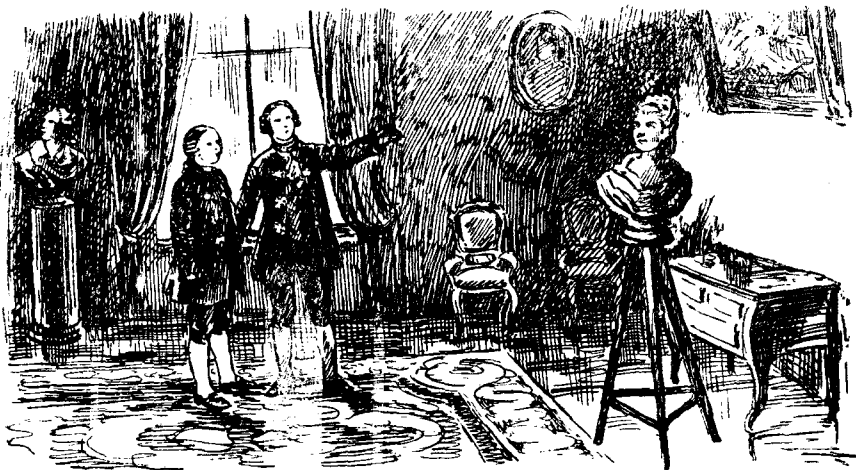
Скульптор два года работал над моделью памятника Ломоносову. Модель, отлитая из алебаstra, была выставлена в мастерской для осмотра петербургской публикой. Передавая общие настроения посетителей, Мартос, воодушевленный удачей, сообщил в Архангельск: „Приезжают смотреть любители художеств и почитатели Ломоносова и все изъявляют сожаление, что сей монумент делается не для Петербурга“.

Летом 1830 года бронзовый памятник Ломоносову и гранитный постамент были погружены в Кронштадте на транспорт „Двина“ и отправлены морским путем в Архангельск. В тот год в Архангельске свирепствовала холера, поэтому открытие памятника задержалось до 1832 года.

Впервые памятник был поставлен неподалеку от Архангельского собора, где нынче находится Большой драматический театр. Через тридцать пять лет „отцы“ города решили перенести памятник на то место, где нынче стоит обелиск Севера.

В настоящее время монумент Ломоносову стоит перед зданием Архангельского лесотехнического института.

ФЕДОТ ШУБИН

Северяне по праву гордятся своим великим земляком, уроженцем деревни Денисовки, Куростровской волости, Михаилом Васильевичем Ломоносовым — первым русским ученым. Долгое время оставалось в забвении имя другого северянина-помора, первого русского скульптора, академика Федота Ивановича Шубина, выходца из той же Денисовки, Куростровской волости.

Родился Федот Шубин 17 мая 1740 года, то есть на двадцать девять лет позднее Ломоносова. Его отец крестьянин Иван Афанасьевич Шубный, как известно, обучал Михаила Васильевича грамоте и даже способствовал его побегу в Москву. Он дал Ломоносову на дорогу три рубля и полукафтаны со своего плеча.

Шли годы. Ломоносов становился знаменитостью. Слава о нем докатилась до куростровских деревень. Юноша Федот Шубин (тогда он звался еще Шубный) решил последовать примеру земляка.

В 1759 году, с „пашпортом“ двухгодичного срока, девятнадцатилетний Федот Шубный, имея уже навык костерезного мастерства, отправился в далекий Петербург. „Пропитания ради“ он стал заниматься в Питере изготовлением образков из перламутра и кости.

Вскоре скромный холмогорский резчик был замечен своим славным земляком, ученым Ломоносовым. Ломоносов вспомнил доброго помора Ивана Шубного, когда-то оказавшего ему помощь разумным советом, деньгами и одеждой. По рекомендации Ломоносова Федот Шубный устроился на первых порах на должность истопника при дворе царицы. Занимаясь в свободное время резьбой по кости и перламутру, Федот проявил незаурядные способности. Не без участия Ломоносова знатные дворцовые особы (Шувалов и другие) определили его в ученики Академии художеств.

В наше время известная северная сказительница Марфа Семеновна Крюкова в одной из былин передает о Федоте Шубном предание, как о безымянном северном парне, нашедшем приют и покровительство у Михаила Ломоносова:

„Ломоносов подынул парня деревенского:
„Не ужайся, премладый добрый молодец.
У нас талань-участь с тобой парная,
Одежа у нас с одного плеча.
Не плачь, не треложься, младый молодец.
Будешь принят ты во ученьица,
Получишь какого хошь образованияца“.
Приодел, прибул он парня деревенского,
Дал ведь горницу, где мог он жить,
Дал шкап ему—платьица повесити.
Чтобы знал он во годы во взрослые,
Как ушел он в ученьица из родной деревеньки.
И написал Ломоносов таковы слова:
„В этом шкапчике платьице повешено
второго да Ломоносова...“

И „талань-участь парная“ и „одежа с одного плеча“ есть не что иное, как детали, влившиеся в устное народное творчество и вполне обоснованно подтверждающие встречу двух земляков. С этой знаменательной встречи и началась успешная деятельность „второго да Ломоносова“.

Еще юношей Федот Шубный, как и старший его земляк, закалялся на поморских промыслах, привыкал ко всяким невзгодам, а окрепши силой и духом, он набрался достаточно смелости, чтобы идти в далекий Петербург.

Не следует думать, что в ту пору архангельский Север был бескультурной, темной глушью. Холмогорские самобытные художники-костерезы в культурном отношении не без оснований считались передовыми людьми. Это можно объяснить целым рядом причин: отсутствием на Севере крепостничества, развитием торговых связей с Европой через Архангельский порт и

даже обилием на Севере монастырей, выполнявших в известном смысле прогрессивную роль в насаждении церковно-славянской и светской грамотности. Достаточно сказать, что во времена Петра Первого у холмогорского епископа Афанасия был большой штат переписчиков-книжников, создававших светские и духовные книги. Поморы относились к религии довольно критически, что опять-таки объяснялось высокой по тому времени грамотностью вольнолюбивых северян.

Природный дар, профессия самобытного художника и грамотность позволили очень быстро дворцовому истопнику Шубину подняться „на свои резвые ноги“ и стать на первое место среди русских скульпторов и художников XVIII века.

Говоря о возможностях счастливой ломоносовской карьеры и способностях Ломоносова, Г. В. Плеханов указывал на ту „благородную упрямку“, которая действительно была весьма свойственна талантливому помору. Ломоносову чрезвычайно помогло то обстоятельство, что он был именно архангельским мужиком-поморцем, не носившим „крепостного ошейника“. То же можно сказать и о Федоте Шубине. Если бы ему мешал крепостной ошейник, он не смог бы двинуться в столицу.

За шесть лет пребывания в Императорской Художественной академии Шубин добился крупных успехов и вместе с тем высочайших наград за свою художественную работу.

К творчеству Шубина с глубочайшим уважением относились такие знаменитые скульпторы, как Жилле — его учитель, Фальконэ — творец известного памятника Петру I и другие.

В 1767 году за барельеф „Убийство Аскольда и Дира“ Федот Шубин был награжден золотой медалью и послан учиться на два года за границу. Князь Д. А. Голицын оказал Шубину содействие при поступлении в академическую мастерскую скульптора Пигаллы в Париже.

Но двух лет пребывания за границей было недостаточно для того, чтобы во всей широте охватить тогдашнюю западную культуру и познакомиться с богатейшим наследством культуры античной. Шубин пишет в Россию о продлении ему срока пребывания за границей.

„Есть ли Императорская Академия художеств не определит мне хотя шесть месяцев для просмотра Риму и вещей в оном, служащих в превеликую пользу к моему состоянию, о чем я всю жизнь сожалеть буду, есть ли не увижу сего города, будучи не в далеком расстоянии от оногo, где переменяются мысли, наполняется разум видением наилучших в мире оригиналов, касающихся для художеств, придает великую

охоту, и любовь, и вкус к последованию и достижению совершенства, как о сем пишут ко мне мои товарищи...”

В то же время секретарь французской академии по этому поводу обратился с письмом к Фальконэ, работавшему тогда в России над памятником Петру Первому. Фальконэ, высоко ценивший талант молодого русского скульптора, ходатайствовал за него перед императорской Академией художеств.

Шубину было продлено пребывание за границей еще на год. Он едет в Италию, изучает там памятники античной культуры, одновременно работает над мраморными бюстами и скоро приобретает мировую известность. Перед возвращением в Россию Федот Шубин показывает свои труды академикам в Болонье. Итальянские знаменитости и академики Болоньи были восхищены мастерством российского самородка и избрали его почетным академиком. Гораздо позднее Шубин был избран академиком и в России. Выписка об этом гласит:

*„Санкт-Петербургская Академия Художеств властью ей от самодержицы данную за оказанный опыт в скульптурном художестве господина Федота Ивановича Шубина общим во избрание согласием признает и приемлет академиком своего академического собрания, дозволяя ему пользоваться тем правом, каково звание сему в установление академии монархинею предписано.
1774 г. сентября 4 дня“.*

Первый русский скульптор Федот Иванович Шубин был реалистом.

Известный современный художник, заслуженный деятель искусства И. Э. Грабарь так определяет место Ф. И. Шубина в истории русского искусства: „Наиболее самостоятельным среди всех русских мастеров XVIII века, совсем особняком стоящим от классических теорий Запада, является Федот Иванович Шубин (1740—1805 гг.), один из замечательнейших в России чародеев формы, поэт изящного реализма. Подобно тому, как Левицкий в живописи, Шубин в скульптуре достоин стать наряду с величайшими мастерами-иностранцами его эпохи“.

Холмогорский резчик по кости „превзошел науки“, стал знаменитым ваятелем. Грубые куски мрамора в его умелых руках превращались в прекрасные произведения искусства, способные мастерством и неподкупной правдивостью пережить века.

„Шубин обладал замечательным мастерством, — говорит о нем известный искусствовед Н. Н. Врангель. — Никто, как он, не умел свободным резцом, упуская ненужные детали, выделить характеристику лица, надменную усмешку губ и презрительную зоркость глаз русских вельмож его времени. Улыбкой целой эпохи веет от его произведений“.

Острый наблюдатель, Федот Шубин в основе своего творческого метода всегда применял глубокий, вдумчивый анализ всех внешних и внутренних особенностей изображаемой им натуры. Художник до конца своих дней оставался верен себе, он ни разу не покривил душой, не допустил ни разу угодливой лести, одна лишь правда была девизом его плодотворной деятельности.

Возьмем, к примеру, его работу бюст Павла I. Обычно в изображении царей художники (разве исключая Репина и Трубечкого) прихорашивали их, наводили лоск. Не таков Шубин. Стоит внимательно посмотреть на бюст Павла, и у самого неискушенного зрителя может создаться впечатление, что художник смело изобразил „помазанника божия“ в реальном виде — как дегенерата.

Известно, что, кроме портретной и декоративной скульптуры, Федот Шубин занимался живописью. Сохранился его автопортрет, находящийся в Русском художественном музее в Ленинграде. Автопортрет выполнен превосходно; по утверждению современных знатоков искусства, он не уступает работе самого крупного русского портретиста XVI века Д. Г. Левицкого, стоявшего в то время во главе русской живописи.

Преимущественно Федот Шубин работал над бюстами различных государственных деятелей того времени. Мифологические, религиозные сюжеты, а также исторические композиции вроде „Освобождение военнопленных“, что в Мраморном дворце, являлись редкостью.

По возвращении из-заграницы Федот Шубин получил заказ выполнить на мраморе 58 портретных барельефов „великих князей, царей и императоров российских“. Портреты были выполнены безукоризненно и правдиво и долгое время служили украшением Чесменского дворца. С ликвидацией последнего в 1849 году они были переданы в Оружейную палату (Москва, Кремль), где находятся и в настоящее время.

Много декоративно-скульптурных работ Шубина имеется в Мраморном дворце в Ленинграде. Из них замечательны статуи „Утро“ и „Ночь“ в нишах дворца. Там же размещено 16 барельефов „собственной выдумки и отделки“. Особенно лю-

бопытны архитектурные работы Федота Шубина в Александро-Невской лавре. Двадцать величественных статуй возвышаются над колоннами внутри собора; снаружи шесть классических барельефов работы Шубина гармонично расположены и увязаны с общим стилем одного из виднейших памятников зодчества. В этих работах Шубина сказался подлинный дух помора. Его „апостолы“ изображены не в обычных священных позах, а как самые подлинные мужики, бородатые землеробы, вологодские и олонецкие отходники, или те же архангельские „черносошные“ крестьяне, работавшие на строительстве исторических зданий Петербурга. Все известные до настоящего времени работы Федота Ивановича Шубина не потеряли своего художественного значения. Его труды, наряду с другими крупнейшими достопримечательностями, можно встретить в столичных музеях нашей страны. Множество барельефов работы Шубина — в Оружейной палате, в Александро-Невской лавре, в Мраморном дворце, в Академии художеств, в Эрмитаже, в Зимнем дворце, в Третьяковской галлерее и в Русском художественном музее.

Характерно, что архангельские губернские чиновники усмотрели в „невозвращении Федота Шубина на родину“ преступление и долгие годы вели бюрократическую переписку с Академией художеств и Сенатом. Наконец, по указу самой царицы было сообщено в Архангельскую губернскую канцелярию, что „находящегося в Академии художеств академика Федота Иванова сына Шубного, бывшего Архангелогородской губернии, Двинского уезда, Куростровской волости из черносошных крестьян в рассуждении оказанных в науках успехов из подушного оклада выключить...“

Этим и кончилась четырнадцатилетняя волокита, имевшая целью вернуть затерявшуюся „ревизскую душу“ Федота Шубина, прошедшего за этот срок путь от истоппника до академика.

Успехи мастера-реалиста Шубина, противника всех и всяких канонов, вызывали со стороны многих академических догматиков неприязнь и ничем не прикрытую травлю. Склочники и интриганы не раз выводили талантливейшего скульптора из терпения. Он был вынужден по этому поводу жаловаться царице и тщетно просить заступничества у графа Потемкина.

Сделавший так много для русского искусства Федот Иванович Шубин доживал свои последние годы в нужде.

МЕЗЕНСКИЕ РОБИНСОНЫ

Это было давно — лет двести тому назад. Но это было такое событие в жизни северных поморов, которое не забывается. Факт превращается в легенду, становится темой пропевания в поморских песнях, проникает в былины, увековечивается в народной памяти.

Удали, предприимчивости древних рыбаков и зверобоев, штурмовавших Ледовитый океан на легких парусниках, северные сказители немало уделяли внимания. Это своего рода героический эпос, пока не собранный воедино, но заслуживающий обобщения.

Народные предания, былины и песни свидетельствуют о героических походах поморов к далеким берегам Груманта.

Сказительница Марфа Крюкова сохранила в своей памяти до наших дней пропевания, которые в свои детские годы она слышала от дедов зверобоев:

...Шли по морюшку они по Груманьскому,
По окянью шли по холодному,
Из окяня попадали в море Белое,
Приходили да на славу Двину-реку.
Ко тем пристаням корабельным
Выходили на берег добры молодцы,
Зимовщики да с далекого Груманта.

Тут народ архангельской дивовался весь,
На поморов груманских глядяючк.
Постарели поморы на Груманте,
Обросли бородами длинными,
Не узнавали их отды-матери.
И пужались их малы детушки.
Много было тут порассказано
Про груманское побываньице,
Про тяжелое зимовье-жированьице..

Известно, что Шпицберген, называемый на языке северян-поморов Грумантом, открыт Баренцем еще в 1596 году.

Нет точной даты, когда первые русские, архангельские и мезенские звероловы достигли островов Шпицбергена. Во всяком случае, если не до Баренца, исследовавшего отдаленный архипелаг, то вскоре после него русские поморы, одиночки из храбрейших, пробиваясь сквозь льды, ходили туда за добычей.

Описываемый ниже эпизод относится к 1743—1750 годам. Это был далеко не первый случай посещения поморами Груманта, поскольку там уже были сохранившиеся строения ранее промышлявших архангельских зверобоев. Причем смелые путешествия при тех скудных навигационных средствах совершались продуманно, с расчетом на хорошую, выгодную добычу.

Правда, такие предприятия проводились не часто, не ежегодно. Случалось, что звероловы пропадали без вести несколько лет подряд. Так было и с этими мезенскими робинзонами.

Уверенная в своих силах и рассчитывая на прочность судна, на попутный ветер, группа мезенских зверобоев отправилась на промыслы, взяв курс на Шпицберген. Ветер им сопутствовал, так что на восьмые сутки плавания они увидели очертания острова, где нельзя было ожидать на промыслах никого из конкурентов. И в этом они, конечно, не ошиблись: на суровом Груманте в ту пору не было ни одной человеческой души.

На виду у восточных берегов Шпицбергена, где намеревались пристать мезенские зверобой, погода вдруг изменилась: подул сильный ветер и судно, окруженное и сжатое со всех сторон льдами, вынесло к западному побережью одного из островов. Опасаясь, чтобы ветер снова не изменился и не отнес их в океан на верную гибель, поморы по совету кормчего снарядили и направили на остров четырех разведчиков.

На четырех человек разведчики имели при себе одно ружье с двенадцатью зарядами, топор, котелок, огниво, нож, пузырь табаку и четыре трубки.

Соблюдая осторожность, лавируя между наседавшими, с треском разламывающимися льдинами, они кое-как вышли на необитаемый берег, покрытый снегом и льдами.

Кормчим была поставлена задача: осмотреть остров, поискать возможного жилья, так как за несколько лет до их путешествия на эти острова выходила артель мезенцев на промыслы и построила из плавника хижину. К счастью, эта или другая хижина была обнаружена. Она состояла из двух маленьких комнат с русской печкой-лежанкой, но без трубы; дымоход и окна заменяли отверстия в стенах, закрываемые для сохранения тепла. Обрадованные разведчики-поморы, проведя здесь ночь, поспешили сообщить о своем открытии товарищам, оставшимся на судне среди льдов.

Но судна не оказалось: затертое льдами, оно исчезло вместе с оставшимися на нем поморами.

Итак, их осталось четверо: братья Хилковы Алексей и Иван, Шарпов Степан и Виругин Федор — четыре мезенских робинзона, четыре помора, потерявших своих товарищей, потерявших все, кроме духа бодрости и способности бороться за жизнь.

Они возвратились в хижину и здесь обосновались. Двенадцать зарядов скоро были израсходованы, и больше, казалось, им нечем было бить оленей, нечем обороняться от назойливых белых медведей. Смерть угрожала им. Но робинзонам посчастливилось найти доску от разбитого судна, несколько гвоздей, гибкий еловый прут. Из всего этого они соорудили копьа, лук и четыре стрелы с наконечниками из найденных ржавых гвоздей. Эти четыре стрелы — по одной на помора — и копьа служили им верную службу в течение шестилетнего пребывания на острове!.. Они били зверя только наверняка, затем вытаскивали стрелы из туш убитых зверей, заостряли на камне и вновь пускали в дело. Четырьмя стрелами они убили 200 оленей, много песцов и лисиц. С копьями выходили на белых медведей в единоборство. Пищей служило им олень и медвежье мясо, проявленное на солнце.

Так в трудах и заботах, в ожидании спасения поморы проводили долгие томительные дни, месяцы и годы.

Когда наступали зимние четырехмесячные ночи, они не отлучались далеко от своей хижины. Заготовив на зиму говядину, дрова и сало для освещения жилья, четыре робинзона коротали время, рассказывая поочередно все сказки и бывальщины, какие только они знали. Иногда глубокая полярная ночь оглашалась их протяжными песнями о славных поморах и о древних киевских богатырях.

Трое из мезенских робинзонов были молодыми людьми — холостяками; они легче переносили тяжесть разлуки с родиной. Четвертый — Алексей Хилков, — старший среди них, оставил в Мезени жену и детей. Он часто задумывался о семье, о своей участи и, когда товарищи, закутавшись в медвежьи шкуры, засыпали, он сидел одиноко перед самодельной глиняной лампадой, смотрел на колеблющийся язычок огня и тайком утирал стекавшие по щекам слезы. Ему было о чем взгрустнуть: выпит ли жена помора „вдова“, не прибьет ли ее нужда за другого выйти замуж? Не голодают ли на бесхлебице малы дети без отца — единственного добытчика?.. Да мало ли печали у помора быть может, на веки вечные оторванного от домашнего очага? Найдут ли их когда-нибудь? Да и будут ли искать. Кто знает о них четырех, случайно оставшихся в живых? Ведь остальные давно погибли...

Ни дикие звери, ни холод не представляли теперь большой опасности для мезенских робинзонов, приспособившихся к суровым условиям неприветливого Шпицбергена. Нужно было опасаться цынгги — опасной спутницы заполярных жителей. И чем было предостеречь себя от этой страшной болезни, особенно в долгую зимнюю ночь. Тогда старший из них — Алексей Хилков, более опытный — дал совет товарищам (и сам служил им примером) ежедневно производить какие бы то ни было физические упражнения, своего рода гимнастику. Затем по его же совету они принялись искать под снегом и льдом так называемую „ложечную“ траву, как противоцынгготное средство. В пищу стали употреблять сырое мороженое мясо, а иногда пили оленью кровь. Один из них — Федор Виругин, пренебрегая этими средствами борьбы против цынгги, заболел, не вставал с постели и, наконец, несмотря на всевозможные меры помощи со стороны своих друзей, умер.

Вся одежда и обувь, что имелась у трех поморов необитаемого острова, быстро изнашивалась; белье было израсходовано на бинты болевшего цынггой Виругина. Выход из положения они нашли в том, что научились из оленьей шкуры изготавливать подобие зимней одежды и обуви.

За шесть лет пребывания на Шпицбергене они не потеряли счет времени, сбились в своем календаре всего только на два дня. Они не теряли надежды и на встречу с людьми с Большой Земли.

В летнюю пору, когда полуночное солнце ласкало угрюмых, бородатых, словно одичавших мезенских отшельников, они все трое выходили на высокий скалистый берег и тоскливо смотрели в сторону желанной родины.

Однажды на горизонте показалось оснащенное парусами судно. Обрадованные поморы быстро развели костер. Для такого случая они готовы были зажечь свою хижину, лишь бы не остаться не замеченными. Они соорудили флаг из оленьей шкуры и стали махать им, чтобы привлечь к себе внимание неизвестных корабельщиков. С корабля заметили сигналы, и капитан приказал направить судно к берегу. Прибывшие на промысел архангельские зверобой удивились необычайному виду своих земляков, одетых в оленьи и медвежьи шкуры. Через шесть с лишним лет мезенские робинзоны впервые заговорили с людьми, такими же, как и они, поморами-охотниками. Их говор за годы одиночества изменился, был не совсем внятен. Выглядели они мрачно. Все движения их были настороженны и робки.

Познакомившись со своими спасителями, островитяне повели их к себе в хижину, показали свое жилье и склад. В хранилище, расположенном по соседству с хижинкой, в ущелье скалы, за ледяными глыбами, они скопили более ста пудов оленьего жира; свыше двухсот оленьих и медвежьих шкур; множество песцовых и лисьих шкур. Все это было погружено на корабль и после пятимесячного плавания вместе с мезенскими робинзонами доставлено в Архангельск. Даже в то время этот эпизод не остался незамеченным.

Доставленных с Груманта зверобоев представили губернатору Шувалову и его приближенным, которые с интересом рассматривали их одежду, вещи и их самих, как выходцев с того света. Особенно привлекала их внимание резная из кости шкапулка, сделанная отшельниками на острове. Трудно было поверить, что без станка, с помощью лишь ножа и шила можно было сделать такую художественную вещь.

Остров, на котором шесть лет и три месяца обитали одинокие мезенские робинзоны, назывался „Малые Беруны“ и входил в общий архипелаг островов Шпицбергена.

Возвратившись в Мезень поморов за их диковатый вид и неразговорчивость соседи прозвали „берунами“. „Беруны“ держали при себе ручного белого медведя.

Рано ли, поздно, но слух о каких-то загадочных людях, „берунах“, доставленных с необитаемого острова в Архангельск, дошел до царскосельского дворца, а там и до самой царицы Елизаветы Петровны. И вот она пишет грамоту архангельскому губернатору Шувалову: „Здесь уведомленность, что есть на Мезени люди именем беруны, и с оными людьми медведь белой, ученой. И тако желательно есть, чтоб оных берунов, для

курьезности их ко двору нашему достали без замедления, в беруновом одеянии и с медведем при них“.

Мезенских робинзонов и их медведя под конвоем и наблюдением солдата отправили из Мезени через Архангельск в Петербург. А там их содержали в зверинце, в клетке за решеткой „для всеобщего обозрения и увеселения“.

Такое положение унижало достоинство поморов. Гордые, свободолюбивые потомки новгородских поселенцев, они не могли мириться с подобным издевательством, выбрали подходящий момент и решили бежать из зверинца на свободу, да подалее, откуда было бы недостать их никакими указами государыни.

И они сбежали. Шли не путем, не дорогой. Сначала „противу солнца до города Олонца“, затем вышли на Онего-озеро, отсюда через Выг-озеро добрались до села Сороки (ныне Беломорск).

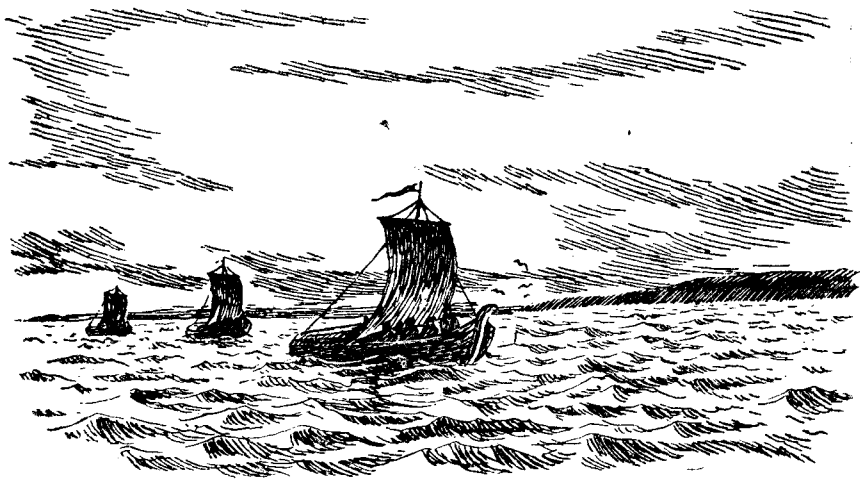
Домой в Мезень ехать робинзоны не посмели; из Сороки с артелью рыбаков „покрутчиков“ подались на Новую Землю. Здесь мезенские робинзоны и провели остатки своих дней, не показываясь на Большую Землю.

Розыски бежавших „берунов“ не увенчались успехом.

Спустя год скончался на ледяном мысу Насау бывший кормчий Алексей Хилков. Он умер на той самой возвышенности, с которой в 1597 году, незадолго до своей смерти, знаменитый Баренц прощальным взглядом осматривал покрытую сплошным ледяным покровом, никем не обжитую землю.

Остальные двое товарищей Алексея Хилкова пропали без вести.

В 1772 году в Петербурге вышла книга „Приключения четырех российских матросов к острову Шпицбергену принесенных, где они шесть лет и три месяца прожили“. Книга написана академиком Ле-Руа со слов Алексея Хилкова и переведена на иностранные языки. Сто двадцать лет спустя после этого происшествия кто-то написал о них заметку в Архангельских губернских ведомостях, очевидно, по преданиям старожилов.

СТЕПАН ГЛОТОВ — МОРЕХОД И ОТКРЫВАТЕЛЬ ЗЕМЕЛЬ

В числе русских людей, заселявших Аляску наряду с известным Григорием Шелеховым, каргопольцем Барановым, устюжанином Наводчиковым и многими другими, упоминается имя мало кому известного следопыта Степана Глотова, уроженца города Яренска, Архангельской области.

Неизвестно, когда и по каким причинам и соображениям Глотов покинул Яренский посад и отправился в далекое путешествие до той самой Камчатки, которую еще в петровские времена посетил устюжанин Атласов.

Степан Глотов на Камчатке оказался в 1768 году и слыл там лучшим, опытнейшим мореходом. Он служил шкипером на судне „Иулиан“, принадлежавшем купцу Никифорову. Богатого купца могла интересовать и привлекать прибыль от меновой торговли на неведомых островах так называемого Нового света.

Другие цели преследовали яренский следопыт Степан Глотов и его помощники-земляки: сольвычегодский Петр Строганов из фамилии именитых людей; двое тотемских мужиков Петр Шишкин и Михайло Холодиллов и еще один казак Пономарев.

Как утверждает С. Марков — знаток истории Аляски, — Степан Глотов, первый из русских людей, побывал в районе

Гряды Алеутских островов. Готов и его спутники смело ходили в „Тихое море“, чтобы поискать новых островов и народов, приблизить их к России и таким путем способствовать расширению пределов своего отечества. За четыре года плавания к берегам Америки Готову удалось много сделать в смысле налаживания взаимоотношений с алеутами. Правда, это доставалось нелегко. Например, на острове Уналашка алеуты сначала встретили Готова и его команду стрелами. Готов и Пономарев были ранены. Но потом алеуты, видя, что русские люди это не пираты, не собираются никого убивать, грабить и притеснять, решили послать своих старшин на русское судно просить прощенья, а в знак извинения старшины принесли шкиперу Готову подарки и пищу. Установив добрые отношения с алеутами и их старшинами, Степан Готов принимал их в российское подданство. От подданных островитян яренский следопыт узнавал об островах, лежащих дальше на восток, о людях, заселяющих неизвестные земли. Помощник Готова — Пономарев тщательно, в меру своих познаний и способностей вел запись исследований любознательного шкипера. Так были собраны предварительные сведения о многих островах и об Аляске, упоминаемой под названием Алахлак. В записи указывалось, где, с какой стороны или „с боку от подни“ находится тот или другой остров; кем он заселен; какая растительность; пригоден ли для кораблестроения лес; что за звери водятся в далеких заморских землях, какие товары могут менять туземцы и на что.

В одну из таких поездок Готов добыл у туземцев около двух тысяч бобровых шкур. Возвращаясь от американских побережий на Камчатку, русские мореходы перенесли тяжкую голодовку. Нужда заставляла употреблять в пищу даже собственную обувь. Петр Строганов умер в пути на одном из алеутских островов.

Несмотря на пережитые в далеких странствованиях трудности, следом за Степаном Готовым и его сподвижниками все чаще и чаще стали ходить на Аляску русские мореходы путешественники. Они вели записи своих наблюдений, тем самым дополняли сведения Степана Готова о землях Нового Света, о землях, не принадлежащих ни одному из государств, о землях, которые они присоединяли к России.

„Колумбы Русские презрев угрюмый рок,
Меж льдами новый путь отворят на восток
И наша достигнет в Америку держава“...

писал в те годы М. В. Ломоносов. Эти строки великого русского ученого и поэта были сказаны не без оснований.

У Ломоносова в руках побывали донесения Степана Глотова и его спутников, познакомившихся с Северной Америкой.

Незачем было туземцам пугаться мирных русских мореходов, стремившихся к налаживанию взаимно выгодных отношений; мало того, алеуты искали защиты и покровительства со стороны честных и благородных русских людей.

В 1764 году Ломоносовым была составлена новая полярная карта; на ней великий ученый нанес Аляску в виде острова.

Материалами для составления карты Ломоносову служила самодельная карта географа-самоучки — тотмича Петра Шишкина, не раз переносившего тяготы мореходства со своим земляком Степаном Глотовым. Естественно, сомневаясь в точности данных глотовской экспедиции, Ломоносов к занесенной на карту Аляске сделал такую приписку: „Алахлах, или Лесной остров (или, может быть, мыс) по берегу Северной Америки...“

На основании донесений русских открывателей Америки Ломоносовым было написано „секретное прибавление к инструкции“ для организаторов похода в Америку Креницына и Левашова, которые долгое время занимались исследованием полуострова Аляски и северо-западной части Америки. Деятельность русских мореходов в Америке была столь очевидной, что испанцы стали опасаться, как бы русские не вторглись в Америку с севера и поспешили в 1769 году занять Сан-Диего и Монгерей. Об этом рассказывает известный историк Калифорнии и Аляски Г. Банкрофт, доводы которого имеются и в „Летописи Аляски, приложенной к интересной книге Сергея Маркова „Юконский ворон“ (изд. Главсевморпути, 1945 г.).

Первые путешествия яренского посадчего Степана Глотова к Алеутским островам и на Аляску вместе с его спутниками земляками-северянами, как видно, подготовили почву для дальнейших более углубленных и более основательно организованных путешествий русских мореходов в Америку. Огряды следопытов знаменитого „российского колумба“ Григория Шелехова, занимающая Кадьяк и другие острова, шли к своей цели, пользуясь описаниями Алеутских островов, подготовленными Степаном Глотовым и его спутниками.

С того времени (1783 год) русские люди начали обживать и осваивать никому не принадлежавшие свободные земли. Более тысячи алеутов и эскимосов под руководством Шелехова строили в опорных пунктах Нового Свѣта первые русские крепости. На Аляске зарывали в землю железные плиты с мед-

ным гербом России и надписью: „Земля российского владения“.
Трудолюбивейший Шелехов, можно сказать, основал русскую Америку.

В Охотске Шелехов нашел честного и решительного в своих действиях человека и 15 августа 1790 года заключил с ним договор:

„...Мы, нижеподписавшиеся, рыльский именитый гражданин Григорий Иванов сын Шелехов, каргопольский купец, иркутский гость Александр Андреев сын Баранов, постановили сей договор о бытии мне, Баранову, в заселениях американских при распоряжении и Управлении северо-восточной компании тамо расположенной...“

Шелехов выбыл в Иркутск, где основал контору „Северо-Американской Компании“. Отсюда он часто писал Баранову, давая тому указания и советы о способах управления туземцами, о привлечении их в российское подданство. В одном из своих писем он предлагал первому правителю русской Америки построить на материке Нового Света город Славороссию, в котором должны быть широкие улицы, просторные площади, украшенные обелисками в честь русских патриотов.

АЛЕКСАНДР БАРАНОВ

Александр Андреевич Баранов родился в древнем городе Каргополе.

И кто мог знать, что этому человеку суждено будет стать первым и главным правителем русских земель в Северной Америке?

Аляска была открыта и освоена смелыми и любознательными, храбрыми и предприимчивыми русскими людьми — искателями новых земель. Полтора века русские люди обживали и защищали никому не принадлежавшие до них земли. Посланцы Петра Первого с севера открыли Америку. Затем, через три четверти века, появился здесь русский промышленник Григорий Иванович Шелехов. В 1784 году с братьями Голиковыми он не без риска пересек Берингово море и на острове Кадьяк, у берегов Аляски, основал русское поселение. В 1785 году Шелехов с отрядом высадился на материк и стал расширять сферы русских владений на Аляске...

Шелехов назначил управлять русскими владениями на Аляске настойчивого и уверенного в делах волевого и выносливого северянина Баранова.

Из скудных и отрывочных сведений, дошедших до нас, известно, что каргопольский житель Баранов, как и многие до него

и после него северяне, выехал в Сибирь, чтобы иметь более широкий размах практической, коммерческой деятельности и, кроме того, удовлетворить свои запросы познанием новых, притягивающих к себе незнакомых мест.

В Иркутске каргополец Баранов строит стекольный и водочный заводы, становится крупным подрядчиком и откупщиком. Долгое время, независимо от своих хозяйственных дел, он разъезжает по Восточной Сибири, производит исследования местностей, обещающих экономические выгоды, и сообщает о своих наблюдениях в Петербург в Вольно-экономическое общество. Научно-исследовательские материалы, собранные Барановым по Восточной Сибири, как видно, представляли интерес для ученых кругов столицы, поскольку автор их единогласно был избран почетным членом Общества.

С тех пор исследовательские стремления А. А. Баранова стали тесно увязываться и даже преобладать в его предпринимательской деятельности. Поэтому не случайно, начиная с 1790 года, он берет на себя ответственность за судьбы русских колоний на Аляске, смело становится их организатором и главным управителем. О расширении пределов своего отечества в те времена заботились больше обыкновенные русские патриоты вроде Шелехова и Баранова и их предшественники—наши северяне Хабаров, Дежнев и Алексеев, которые шли на самопожертвование, были воинами и землепроходцами-промышленниками.

Обычно великие деяния делались не благодаря царскому правительству, а несмотря на его косность, а иногда и помехи.

Эту косность царского правительства испытал на себе и Александр Андреевич Баранов. Его постоянную резиденцию на Аляске, за ледяным Беринговым морем, отделяло от Петербурга огромное расстояние. В правительственных кругах существовал один взгляд на русских поселенцев в Аляске: какой доход, какую прибыль дает и может дать сказочная, почти неизвестная страна? Трудности холодного и неудобного края, отдаленного от нашего материка опасным проливом, не интересовали петербургских сановников.

А между тем, русским хребрецам, заселявшим колонии в Северной Америке, недоставало продовольствия, нехватало оружия и боеприпасов для борьбы с разбойными авантюристами, посягавшими на русские владения. И в этих условиях Баранов подвижнически в течение многих лет изо дня в день отстаивал каждую пядь далекой земли, открытой и осваиваемой русскими людьми.

Он расширял русские владения, основывал поселения на островах, на Аляске и Калифорнии. Построенную им крепость в честь русского северного города назвал Ново-Архангельск.

Компания купцов и промышленников под руководством правителя Баранова вела обширную торговлю пушниной и другими товарами. На утлых судах своей стройки они плавали в Кантон, Калифорнию и Нью-Йорк.

На свои средства Баранов вооружал гарнизоны и суда для охраны русских поселений и подданных России алеутов; вступал в жестокие, кровавые схватки с претендентами на русские владения, вызывал страх у пиратов, стремившихся к грабежам отсталых народностей.

Баранов и его люди отличались не только своей личной непоколебимой храбростью и предприимчивостью, но еще и тем, что с побежденными они поступали как со своими братьями, привлекая их на свою сторону.

В то время остров Ситка, где построен Ново-Архангельск — „столица“ русского правителя, был назван островом Баранова. Здесь возведена крепость с двадцатью пушками; по соседству располагались лавки, кладовые, сушильни, мастерские по обработке шкур, казармы.

А на острове Кадьяке Барановым было построено здание библиотеки и музея. В святки 1804 года русские моряки с корабля „Нева“ на Кадьяке ставили первый спектакль!.. Годом позднее была открыта школа для подростков туземцев, которых обучали русскому и даже французскому языку, математике и географии. Детей алеутов и эскимосов Баранов отправлял учиться в Петербург. Они возвращались в русскую Америку подготовленными кораблестроителями и учителями.

По заданию Баранова его соратник тотемский мещанин Иван Кусков у ворот Сан-Франциско в 1810 году основал русский форт Росс.

Одним из важнейших и последних подвигов Александра Баранова было исследование северо-американского материка. Перенося тяжелые лишения, русские следопыты проходили огромнейшие пространства, вызывая изумление иностранцев.

Один из русских акционеров, современник Баранова, в своих воспоминаниях о храбром и умном правителе русской Америки писал: „Имя его громко по всему западному берегу до самой Калифорнии. Бостонцы почитают его и уважают, а американские народы, боясь его, из самых отдаленных мест предлагают ему свою дружбу“.

Не раз делались попытки людьми корыстными и мелкими убрать, уничтожить Баранова и нарушить все созданное им для преумножения славы российской. Но ему удавалось беспощадно расправляться с заговорщиками-бандитами и неуклонно проводить свою работу по укреплению русских земель на Аляске. Он знал себе цену как управитель и умел определить свое поведение в кругах разнородных, подчиненных ему людей, среди которых пользовался громадным уважением.

В наличии этих качеств у каргопольского самоучки и русского патриота Баранова нельзя было усомниться.

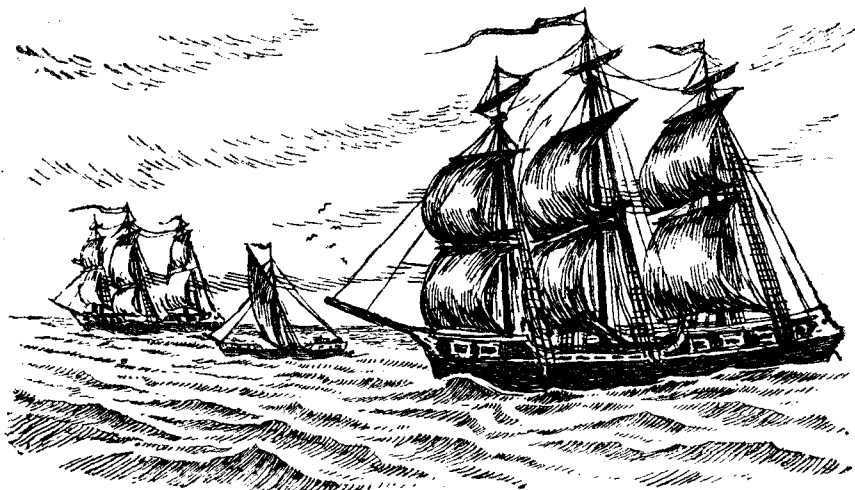
Через пятнадцать лет борьбы, тяжелых испытаний и всевозможных лишений забытый официальными кругами Баранов удостоился внимания со стороны молодого и честолюбивого Александра Первого.

В крепость Ново-Архангельск, где жил правитель русской Америки, прибыл из Кронштадта сорокапушечный фрегат „Святитель Николай“. Полтора года шел корабль к месту назначения. Баранову вручили указ о награждении его орденом; доставили припасы для крепости, продовольствие населению и державный флаг для водружения над Аляской. А в январе 1818 года в Ново-Архангельск прибыл представитель из Петербурга и предложил Баранову сдать дела управления русской Америкой, заявив при этом, что Баранов смещается „за старостью лет и по ряду высоких петербургских соображений“.

При сдаче дел Барановым его недруги рассчитывали уличить правителя в чрезмерной наживе и использовании служебного положения. Но честный деятель оказался вне всяких подозрений. Он сдал дела и остался в бедности. Пробираясь на родину в далекий, давно покинутый им Каргополь, где находилась его семья, он отправился в последнее путешествие, в пути заболел и умер.

А через пятнадцать лет после смерти Баранова Александр второй безрассудно уступил Аляску Америке за 14 320 000 рублей.

Так дешево были оценены самодержавием труды и пролитая кровь русских людей, исследователей и борцов, освоивших и закрепивших за Россией обширные и богатые земли по ту сторону Берингова моря и Тихого океана.

МОРЕХОД МАТВЕЙ ГЕРАСИМОВ

„М. А. Герасимов был довольно высок ростом, собою статен и широкоплеч, имел вид решительный, лицо продолговатое, длинные мускулистые руки, которые любил закладывать за спину, бороду брил. Обыкновенный костюм его составляли: круглая шляпа, серый фрак, черные штаны и длинные сапоги, на шее золотая медаль, в петлице Георгиевский крест“.

(„Архангельские Губернские ведомости“ 10 апреля 1854 года).

Архангельский мореход, кольский уроженец, Матвей Андреевич Герасимов совершил в 1810 году геройский подвиг, которым в то время широко прославил себя.

Подвиг Герасимова не раз отмечался в периодической печати того времени.

В 1810 году у России с Англией были прерваны нормальные взаимоотношения. Англичане в водах северных морей—там, где их интересы сталкивались с русским мореходством,—вели себя крайне непристойно, вызываяще. Россия на Севере не имела военного флота ни для охраны границ, ни для сопровождения торговых судов в соседние заморские страны.

Опытный, выдавший виды мореход Матвей Герасимов на купеческом судне, именуемом „Евплус Второй“, отправился из Архангельского порта в Норвегию. Судно было нагружено рожью, проданной норвежцам.

Команда состояла из девяти человек. По причине бурной погоды корабль продвигался к своей цели очень медленно и был вынужден простаивать в пути. 19 августа, не доходя до Нордкапа, архангельские мореходы увидели английский трехмачтовый военный корабль. Подойдя на близкое расстояние к русскому судну, англичане опустили с корабля шлюпку, и пять матросов во главе с офицером поднялись на палубу дрейфовавшего „Евплуса“. Под жерлами направленных с английского корабля пушек невооруженные русские матросы, естественно, не могли ни возражать, ни сопротивляться; к тому же для наибольшей острастки к месту происшествия приближалось другое английское военное судно. Между тем, на русском судне английские матросы „собирали трофеи“, отбирали личные вещи и деньги у мореходов.

Офицер поставил у руля и к парусам своих людей. Таким образом, корабль „Евплус Второй“ оказался захваченным англичанами вместе с грузом и командой.

Матвея Герасимова с корабельными документами отвезли на фрегат, где его допрашивал капитан, но „по неразумению языка, — как заявил после Герасимов, — ни начальник фрегата от меня, ни я от него не могли спознать ничего“.

Вечером, когда Герасимова доставили обратно на свое судно, он узнал, что шесть русских матросов из его команды взяты в плен и отправлены на английский корабль, а англичане — один офицер и семь матросов — продолжали хозяйничать на судне, где еще оставались из архангельских моряков штурман, боцман и один матрос. Затем русские пленники на буксире за английским кораблем четверо суток следовали в сторону Англии. В пути разбушевался шторм. В трюмах „Евплуса Второго“ накопилось воды до 4-х футов. Зерно подмокло. Для откачки воды англичане возвратили на судно двух пленных матросов. На пятый день впереди шедший английский корабль удалился в сторону, предоставив возможность вести русское судно дальше находившимся на нем англичанам.

Под страхом смерти русских мореходов уводили в плен. Вот уже прошло десять суток. Много тяжелых дум они передумали: куда их уводит надменный враг? Надолго ли? Да и доведут ли до берегов Британии? Чего доброго, могут перебить и спросить не с кого, и никто не будет знать о их судьбе.

— Нет, либо жизнь, либо смерть! — решает старший из них Герасимов и уговаривает своих земляков перебить англичан или захватить их в плен, а затем повернуть судно обратно.

— И надо это сделать как можно скорей, иначе будет поздно, — настаивал Герасимов.

Матросы согласились. Один лишь штурман струсил. Он стал уговаривать Герасимова покориться судьбе, а там, авось, улыбнется счастье, быть может, англичане сами возвратят их на родину...

Матвей Герасимов не надеялся на „авось“. Покорность судьбе его не устраивала. Он очень пожалел, что проговорился штурману о своих намерениях и строго предупредил его держать язык за зубами.

На одиннадцатые сутки решено было действовать. Дул сильный встречный ветер. „Это нам на пользу“, — подумал Герасимов, — и выбрав удобный момент, когда английский офицер и с ним шесть матросов уснули в каюте и вместе с ними спал несогласный на смелые действия штурман, — Герасимов и четвере матроса накрепко забили дверь в каюту, а стоявшего у руля английского часового бросили в море. Судно „Евплус Второй“, управляемое Герасимовым, с шумом разрезая морские волны, свободно понеслось обратно к норвежским берегам.

Проснувшиеся англичане были изумлены дерзостью русских мореходов. Скоро их изумление перешло в ярость, которая ни к чему не привела. Дверь в каюту была забита, приперта и завалена грузом не на шутку. Попытка освободиться оказалась тщетной. Вчерашние самодовольные хозяева, пиратским способом захватившие русское судно с архангельскими моряками, сами оказались у них в плену.

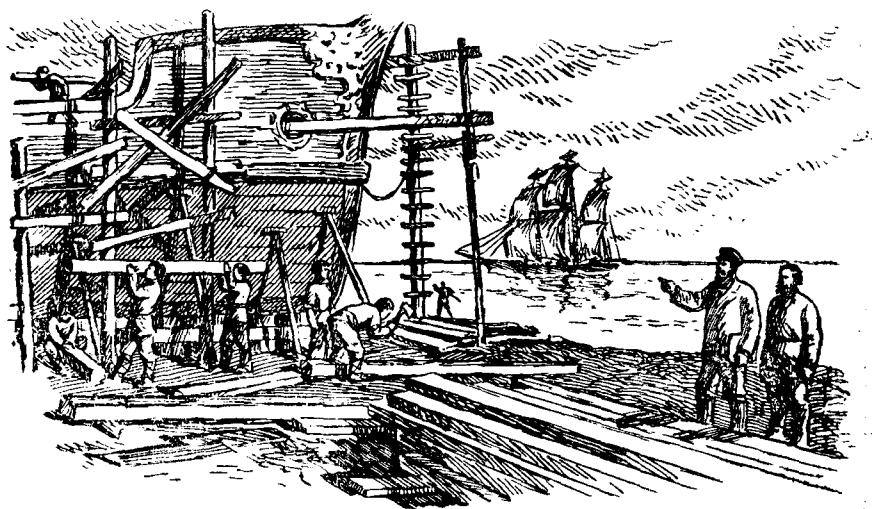
Вот что рассказывал сам Герасимов:

„...Между тем „пассажиры“ наши, проснувшись в каюте, начали стараться всячески из-под стражи вырваться на свободу: падали оттуда из долот, употребляя при этом все силы к изломанию каюты; но при всей их тревоге, боле трех суток употребляемой, не могли оттоль освободиться, будучи угрожаемы от нас показыванием им орудия к лишению жизни. Наконец, утомясь, они просили для утоления своей жажды пить воды, которая, равно и пища, от нас была им подаваема. Находясь в таком странном и отчаянном положении, и сами сделались мы бессильны и с нуждой достигли 6-го сего сентября датских берегов, не осмелясь уже следовать вдаль в Россию с неприятелями. Приплыв к городу Варгаеву и остановясь тут, я съехал на берег и явился к тамошнему коменданту, объявля при-

чину моего к нему прихода. И он, сколько мог меня понять, обрядил одного унтер-офицера с десятью рядовыми ко мне на корабль, при коих я каютные двери отворил, откуда сперва вышел английский офицер, который добровольно мне отдал шпагу...”

За этот подвиг Герасимов был награжден знаком военного ордена — Георгиевским крестом.

В 1823 году прославленный Матвей Герасимов служил лоцманом под командой известного мореплавателя Ф. П. Литке и во время плавания к Новой Земле за усердие, проявленное при описании западного берега, был награжден Золотой медалью...

ЗАБЫТАЯ ЗНАМЕНИТОСТЬ

На солонбальском кладбище в рядах безымянных могил затерялась в порослях травы плита на могиле Федора Загуляева со словами эпитафии:

„...Служил в труде он и неложно,
До самого заката дней,
И все свершил, что было можно,
Для пользы родины своей“.

Федор Тимофеевич Загуляев родился в 1792 году в семье чиновника нижнего военного звания. Он не учился в университетах, не проходил специальных учебных заведений, а к концу своей жизни дослужился до звания генерал-майора. В прежнее время это было сверхестественно. Чтобы простой архангелогородский житель мог заслужить такое высокое военное звание, — считалось достижением весьма незаурядным.

С детства Загуляев получил первоначальное образование у себя в семье. Дальше мы не находим никаких источников, свидетельствующих о том, чтобы он находился в стенах учебных заведений. Имея пытливым ум и умея настойчиво работать над

с собой, Загуляев, поставив перед собой задачу — стать корабельных дел мастером, — пошел по этому пути и не свернул с него до конца своих дней.

Двенадцатилетним он поступил на службу в интендантское отделение Архангельского порта, и с этого времени в течение 54-х лет трудился, полностью отдав всю свою жизнь кораблестроению.

Тяга к этому творческому поприщу в Архангельске была закономерна.

В период, когда Наполеон, начиная с 1807 года, отрезал подходы к русским портам, Архангельск из-за своей отдаленности оказался вне бдительности французского военного флота и, как порт, ширился и расцветал. Тогда на архангельских-соломбальских верфях было усилено строительство своего отечественного торгового и военного флота. В 1810 году в Архангельске было спущено на воду 19 судов длиной от 75 до 101 фута по килю. Специалисты считают этот год годом расцвета русского кораблестроения. В последующие годы чувствовался упадок судостроения на Севере, что зависело от снижения торговли и транзита товаров. Но так или иначе строительство кораблей не прекращалось. Кроме Архангельска, были верфи в городах: Кемь, Мезени и Онеге. За десятилетие — с 1852 по 1862 год — на всех существовавших верфях в губернии было построено 1032 судна, из них часть военных, вступивших в состав Балтийской флотилии.

В эту пору жил и работал талантливый самородок-кораблестроитель Федор Тимофеевич Загуляев.

К восемнадцати годам своей жизни он стал помощником корабельного мастера.

С помощью старших товарищей Загуляев доставал учебники и страстно изучал кораблестроение, увязывая приобретенные знания с повседневной практикой. Будущий корабельный мастер, обращаясь за советами, получил всяческую поддержку со стороны двух в ту пору известных корабельных специалистов — Курочкина и Ершова.

Отличившись на строительстве крупных военных кораблей, Загуляев в 1826 году производится в прапорщики корпуса корабельных инженеров, а через тридцать два года, шаг за шагом, поднимаясь по ступенькам служебной лестницы, без знатного родословия, без протекции высокопоставленных особ, без образования, путем личного самоусовершенствования и настойчивым трудом, он добивается по тем временам высокого положения. Правительство отметило его многими наградами

и допустило исключительный случай, присвоив генеральское звание.

Загуляев прошел все разряды кораблестроительной специальности — от мачтового ученика до старшего корабельного инженера. Первое шестнадцатипушечное судно, заложенное и построенное им в 1834 году, называлось „Гапсаль“. Всего за двадцать лет плодотворной деятельности Загуляев построил 61 судно, из них семь кораблей 74-пушечных, один 50-пушечный пароход, два 44-пушечных парусных фрегата; два портовых буксирных парохода; два двадцатипушечных брига; одиннадцать парусных шхун и транспортов; тридцать четыре канонерки; два бота.

Все они строились в Архангельске по чертежам Загуляева, под его непосредственным руководством и при его участии. Большинство крупных военных судов, построенных им, было отправлено для охраны наших побережий на Балтике.

Много учеников и последователей вырастил и оставил после себя Загуляев. Приобретая высокие знания по архитектуре кораблестроения, уславив законы физико-математических наук, скромный деятель не таил в себе эти познания и не кичился ими, а ревностно всю жизнь применял их в повседневной практике и передавал другим восприимчивым северянам — строителям русского флота. Они и их потомство долгие годы помнили его, генерала-труженика, всегда охваченного творческим порывом и единой идеей — отдать всю жизнь за процветание родного Севера.

Когда число построенных им судов перевалило за шестьдесят и годы его пошли на седьмой десяток, он почувствовал, что сделал все, что смог. И последнее шестьдесят первое судно заложенное на соломбальской верфи, назвал, как и первое, „Гапсаль“.

Творческий круг завершился.

Пусть в наше время энтузиасты — корабельных дел мастера — будут похожи на него — честно и знаменитого кораблестроителя Федора Тимофеевича Загуляева.

ПАХТУСОВ И ДРУГИЕ

Новая Земля отделена от материка проливами Шаром и Карскими воротами; словно серпом охватывает она Карское море, расположенное с восточной ее стороны. Западный новоземельский берег омывается водами Баренцова моря.

Мореходы-северяне знают, что в Баренцовом море не так страшны льды, как страшны туманы. В Карском море льды всегда опасны. Новая Земля ограждает Баренцово море от северо-восточных ветров и от напора полярных льдов.

Исследованием Новой Земли люди начали заниматься сравнительно давно. Около тысячи лет тому назад на крайний Север пришли новгородцы. Потомки новгородцев живут в наше время на Мурманских берегах. Когда появился первый человек на Новой Земле, — неизвестно. Надо полагать, что Новую Землю открыли не иностранцы, которые стали появляться здесь в XVI веке. Уже тогда английские и голландские мореходы обнаружили на этом неизвестном для них острове следы русско-финской избы зимовщиков, обломки промысловых судов, и в новоземельских заливах встречали промышлявших там животных.

Стефан Бурро — спутник Ченслера — путешествовал по Новой Земле и там находил гостеприимных и опытных русских мореходов.

После неудачных путешествий Бурро и Брюнеля у иностранцев на некоторое время пропала охота плавать в ледяную страну. Однако в 1595 году вновь была снаряжена большая экспедиция, состоявшая из семи кораблей, и направлена на русский Север. Корнелиус Най и Вильям Баренц были во главе этой экспедиции. В одной из бухт Карского моря местный промышленник — старшина ненцев им сообщил географические сведения, которые оказались более точными, нежели сведения голландских географов.

В Карском море корабли Ная потерпели бедствие, одни из них погибли, другие были вынуждены вернуться. В следующем 1596 году Баренц вновь предпринял путешествие на северо-восток. Тогда Баренц и его спутники достигли берегов Шпицбергена и полагали, что они попали в Гренландию. Шпицберген еще до Баренца был известен русским поморам и назывался Грумант; это название сохранилось за ним у поморов до сих пор.

В июне 1597 года Баренц умер у Ледяного мыса на Новой Земле в самой северо-восточной ее части. Через восемьдесят лет по следам знаменитого голландца путешествовал к Новой Земле английский капитан Джон Вуд, но и он стал жертвой суровой стихии.

После гибели Джона Вуда на долгие годы иностранцы прекратили свои путешествия на русский Север. А между тем поморы, отлично знающие все капризы своего родного моря, продолжали ежегодно водить караваны мелких судов к устью Оби в торговый город Мангазею, и на Новую Землю, и на Грумант. Поморы прекрасно знали условия плавания в северных морях. Эти знания основывались на личном опыте. По множеству примет они угадывали, каков будет улов рыбы или промысел на тюленя.

В свое время М. В. Ломоносов был сторонником „высокоширотного варианта“ Северного морского пути. Еще до Ломоносова, во времена царствования Алексея Михайловича, в старинной русской рукописи „Описание, чего ради невозможно от Архангельского города морем проходить в Китайское государство и оттоле к Восточной Индии“ указывалось, что „Пишут все землеписатели, что буде кто не близ берега морем, но далеко в акиане плавати будет, может пройти в Китай“.

Исследованием побережья от Архангельска до Аляски всеерьез и официально стали заниматься после смерти Петра Первого по утвержденному им плану. Экспедицию возглавлял известный Беринг. Но и тогда еще восточный берег Новой Земли

попрежнему оставался покрытым мраком неизвестности. Олонецкий кормщик Савва Ложкин в поисках новых удобных мест для зверобойных промыслов первый в течение двух с лишним лет сумел обогнуть Новую Землю с восточной стороны. Но зверобой Ложкин не придавал значения своему путешествию, и кроме устных рассказов и преданий о странствованиях его вокруг Новой Земли ничего не сохранилось.

В 1768 году архангельский купец Бармин в поисках серебра на Новой Земле снарядил туда судно. Кормщиком был кемский помор Яков Чиракин, года за два до этого путешествия освоивший пролив Маточкин Шар. Вместе с Чиракиным был направлен флотский офицер Размыслов для съемки пролива, открытого Чиракиным, и для отыскания пути на Обь и узнать... „не будет ли способов впредь испытать с того места воспрять путь в Северну Америку...“

Из 14 человек отряда погибло 8, в том числе и Чиракин. Размыслов измерил и описал Маточкин Шар. Труд его, тяжелый и опасный, не был оценен по заслугам. Губернатор и купец Бармин остались недовольны результатами экспедиции и пожалели не людей, погибших в тяжелых арктических условиях, а были обескуражены тем, что эта экспедиция ничего не прибавила к их богатству. Через пятьдесят лет ученый мореплаватель Литке, отдавая должное своему предшественнику Размыслову, писал: „...Поход Размыслова напоминает мореходцев 16-го века. Те же малые средства, та же непоколебимость в опасности, та же решительность в достижении целей“.

Таковы в кратких чертах сведения по освоению Новой Земли до начала деятельности известного исследователя и морехода Петра Кузьмича Пахтусова.

Имя северянина Пахтусова достойно вечной и светлой памяти. В Кронштадте на средства моряков ему воздвигнут памятник. И ныне северные моряки приходят на Соломбальское кладбище и, обнажив головы, подолгу простаивают около могилы знаменитого земляка.

Пахтусов родился в 1800 году. Детство провел в Сольвычегодске. После смерти отца, отставного шкипера, семья Пахтусовых из Сольвычегодска переселилась в Архангельск.

Бедность-нужда преследовали на каждом шагу. Учился Пахтусов в военно-сиротском училище. С юных лет закалялся на охоте и рыбной ловле. Как лучшего ученика, Пахтусова направили из Архангельска в Кронштадтское штурманское училище. Отличная учеба сочеталась с ежегодной практикой мореплаваний. После окончания учебы Пахтусов возвращается в Архан-

гельск. В те годы архангельское начальство и купечество в интересах промыслового и торгового мореплавания занимались проблемой уточнения и дополнения скудных описей, когда-то, сто лет тому назад, составленных экспедициями Беринга.

Пахтусов со всей страстью включился в это дело. Во время работ по промеру Белого моря и устья Печоры он встречался со многими мезенскими и печорскими зверобоями. Их отважные плавания в Ледовитый океан на „малых судах вызывали восхищение молодого, энергичного, полюбившего свое дело исследователя.

— Надо учиться у поморов, — нередко говорил Пахтусов.

Ученый П. Ф. Литке четыре года (1821—1824 гг.) плывал вдоль западных берегов Новой Земли. Он исправил карту, составленную Баренцем. Но Литке не мог попасть в Карское море. Восточный берег Новой Земли до Ложкина и после него пока никем не посещался. Проводя гидрографические работы, Пахтусов задумывается над более сложными задачами исследований досель недосягаемых и неизвестных мест. Учитывая вековой опыт плавания простых поморов, он составляет проект исследования восточного побережья Новой Земли. В 1829 году, докладывая архангельскому губернатору, Пахтусов заявил:

„Через расспросы промышленников узнал я, что в некоторые годы Карское море бывает довольно свободно от льда, а иногда и совсем безледно... Мезенский промышленник (в 1826 г.) поплыл через Карские ворота и на протяжении 150 верст в Карском море не видел льдов...“

Пахтусов в своем докладе делал вывод, что бывают благоприятные годы плавания вдоль восточных и северных берегов Новой Земли и поэтому он внес предложение:

„Нужно построить такой карбас, на каких печорские промышленники ходят за зверобойным промыслом. Для управления им достаточно десяти пустозерских поморов, привыкших к плаванию между льдинами. Они пригодны в таком походе более, чем военные матросы“.

Пахтусов считал, что расходы подобной экспедиции обойдутся только в семь-восемь тысяч рублей ассигнациями (или в двести тысяч серебрян) и что исследование восточного берега Новой Земли можно будет завершить в течение одного лета.

Губернатор, продержав проект два года под сукном, разрешил Пахтусову производить исследования по задуманному им плану.

С помощью ученого лесовола Клопова Пахтусов получает минимально необходимое снаряжение для маршрута к восточному

берегу Новой Земли. Опытный кораблестроитель В. А. Ершов по плану Пахтусова и под его наблюдением построил в Маймаксбот „Новая Земля“ длиной 12 метров, шириной 4 метра. Для команды, состоявшей из десяти человек, были сооружены две каюты — носовая и кормовая; середина бота для наибольшей вместимости была без палубы и на случай шторма наглухо закрывалась брезентом. На этом судне 1 августа 1832 года Пахтусов из Архангельского порта отправился в далекий и опасный путь. Одновременно с ним из Архангельска вышла шхуна „Енисей“, возглавляемая штурманом Крозовым, который имел целью пройти через Маточкин Шар и дальше взять курс к устью Енисея.

В судовом журнале бота „Новая Земля“ Пахтусовым отмечалось:

„12 августа. Затерты льдом у южного берега (Новой Земли). Ветер с юга надвигает на нас большие глыбы“.

„21 августа... Частые неудачи в работе по описи от льдов, туманов и дождей делают наше положение несносным. Меня беспокоит мысль, что придется зимовать, не увидев восточного берега“.

„23 августа. Пошли на веслах в губу Каменку. На высоком берегу увидали промышленную избу и при ней крест, поставленный кормщиком Ивановым в 1759 году... Изба так ветха, что стальные бревна легко ломать руками. Потолок провалился. Но мы обрадовались и этой находке, ее все-таки можно исправить, чтобы провести здесь зиму...“

Дальше начинаются трудности, которые на первых порах бодро и безропотно переносятся всей командой. Ночь длилась 65 суток. За эту „ночь“ было пережито немало. Изба тесная, душная, в ней восемь человек больных и только двое здоровых.

Белый медведь заглянул в окно и с удивлением рассматривал больных людей. Они кое-как нашли в себе силы и убили опасного гостя.

Настали дни. Люди Пахтусова чуть-чуть поправились и занялись изучением проливов — Никольского и Петуховского.

Однажды они 80 часов подряд без сна и без питьевой воды с жалкими остатками сухарей пролежали под снегом. Дул ветер страшной силы, не позволявший встать на ноги. Хорошо, что раньше метелью занесло избушку и не разметало ее ветром.

Наступила весна. Пахтусовцы привели в надлежащий вид бот и снова пустились в плавание.

Скоро на Новой Земле команда Пахтусова обнаружила развалины двух изб зимовавшего здесь в 1742 году Саввы Ложкина и его товарищей.

При выходе из губы Каменки они обнаружили маленькую избушку; вокруг нее — человеческие черепа и кости, куча оленьих рогов, обломки ружья и саней, три котла и оленьи шкуры. По описанию Пахтусова, здесь была трагическая зимовка ненца Мавея, проживавшего со своей семьей в 1822 году. Когда к Мавею приехал с Печоры родственник ненец Воепта, он обнаружил мертвецов. Воепта говорил, что люди умерли или от угара или от голода. Он не хотел, чтобы его родичи умерли от цынга, ибо цынга для самоеда считается постыдной болезнью...

Ровно через год после отбытия из Архангельска Пахтусов записывал в дневнике:

„1 августа. Год назад в этот день мы прощались с родными и друзьями. Воспоминания усиливают неприятность положения. Я нахожусь в бездействии и страхе зазимовать вторично. Но отчаяние — первый повод к неудачам. Я скрываю свои опасения от товарищей и даже от самого себя...

...Бездействие тяготит. Черные скалы вокруг давят. Единственное развлечение — охота за гусями и нерпами... Лед прижимает к берегу сплошной стеной. Горизонт покрыт льдом. Снег. Туман. Холод...“

И когда появились разводья, Пахтусов решает ограничиться исследованием восточного берега до Маточкина Шара, затем пересечь Новую Землю и отправиться обратно. Свое решение он мотивирует правильно и убедительно:

— „Что делать? — спрашивает сам себя Пахтусов, — мне жаль и совестно оставить восточные берега Северного острова, никем еще не осмотренные. Мне могут поставить это в вину. Но идти далее к Северу — значит решиться на вторую зимовку, а мы не имеем ни провизии, ни физических сил, необходимых для этого, хотя духом и бодрь...

Эта зима, вероятно, была бы последней если не для всех нас, то для большинства моих товарищей. Какая же тогда была бы польза от нашей экспедиции? Безызвестность ее действий?

— Нет! — решает Пахтусов, — пусть лучше обвинят меня в робости, но я не хочу быть виновником гибели моих спутников... Отказавшись на этот раз, я надеюсь на будущее...“

Во второй половине августа они свернули в пролив Маточкин Шар, где увидели разрушенное зимовье Размыслово. Оставив здесь письменное извещение о своей экспедиции, Пахтусов с товарищами вышел на боте из западного устья Маточкина Шара. Несколько дней буря трепала их на пути к материку. Плыть до Архангельска далеко и нет провизии. Пахтусов дер-

жит курс в устье Печоры, куда после пережитой аварии он и прибыл со своей командой 17 сентября.

А через три месяца кочующие ненцы доставили его в Архангельск. Приведя в надлежащий порядок карты, составленные во время экспедиции, Пахтусов едет в Петербург, где Гидрографическое Управление признало его работу „удовлетворительной“ и тем ограничилось.

Весной 1834 года Петр Кузьмич Пахтусов снова в Архангельске и снова следит за постройкой двух небольших судов, на которых намеревается пуститься в плавание для исследования восточного побережья северной части Новой Земли. Вместе с тем его интересует и судьба команды без вести пропавшей шхуны „Енисей“. Недаром вновь построенный бот Пахтусов назвал „Кротов“ в память капитана шхуны „Енисей“. Вспомогательный карбас он назвал по имени помощника Кротова — „Казак“. Шхуна „Кротов“ по размерам была еще меньше, чем шхуна „Новая Земля“. На шхуне и карбасе под начальством Пахтусова и его помощника флотского офицера Цивольки было всего 15 человек. Среди них фельдшер Чупов. Они запаслись провизией на 16 месяцев, причем были взяты противоцинготные питательные вещества. По новой инструкции, составленной в Петербурге, Пахтусову предписывалось совершить путешествие на шхуне и карбасе, чтобы из Архангельска без потери времени следовать прямо к Маточкину Шару и описать восточный берег Новой Земли. Причем, если в проливе встретятся льды, а море к Северу будет чисто, то дозволялось плыть к северной оконечности возле западных новоземельских берегов, чтобы этим путем достичь поставленной основной цели. Кроме того, достигнув мыса Желания, предложено попытаться, сколько позволят обстоятельства, поискать на Севере и востоке неведомых островов.

(По инструкции начальством было обещано Пахтусову, на случай зимовки в Маточкине Шаре, построить избу, баню и амбар, там же сложить 350 пудов продовольствия. Все это предполагалось доставить на место на специальной лодье; но обещание так и осталось невыполненным).

Второй поход Пахтусова начался 24 июля 1834 года. Через двадцать семь дней они прошли в Костин Шар, где встретили караван сумских промышленников. Один из кормщиков показал Пахтусову найденные в море обломки корабля, по окраске которых было нетрудно догадаться, что это остатки где-то погибшей шхуны „Енисей“.

Сквозь льды, загромождавшие Маточкин Шар, они не могли пробиться и повернули на Север. В октябре встали на зимовку.

Из плавника и остатков судна, брошенного Размысловым, построили небольшую избушку и при ней баню. Против цынки, помимо имеющихся средств, запаслись ложечной травой. И когда обнаружили признаки цынки, Пахтусов всеми мерами предостерегает товарищей от заболеваний. Разделив команду на две группы, они совершали походы по скалистому берегу Маточкина Шара и описывали его. Циволько с группой товарищей ходил к восточному берегу на Север и в трудных условиях завершил описание неисследованного побережья на протяжении ста километров, после чего, не имея возможности идти дальше, возвратился. Двое из команды не вынесли изнурительного похода — умерли. Некоторые заболели. Оставив больных на зимовке с фельдшером, Пахтусов и Циволько с матросами, которые были в силах работать и передвигаться, на карбасе „Казак“ направились на Север морем Баренца, чтобы, пройдя мыс Желания, заняться исследованием восточной части Новой Земли.

На этом пути, в бухте Серебряной, они нашли обломки раздавленной льдами шхуны „Енисей“; гибель Кротова и его экипажа была установлена.

В июле карбас „Казак“, зажатый льдами, был раздавлен.

Предвидя гибель судна, Пахтусов сумел на двух имевшихся лодках спасти товарищей и себя, а также сохранить карты, записи и все инструменты, необходимые для дальнейшей работы.

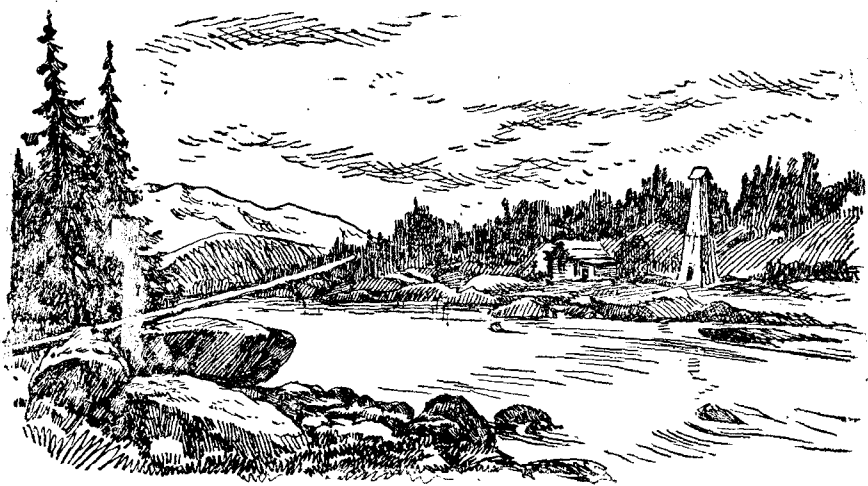
Пока они на лодках вымокшие пробирались по льдинам к берегу, изменился ветер и обломки карбаса унесло в море. Пахтусов со своими людьми остался на мрачном берегу. Запас пищи был весьма незначителен. Местность называлась Губой Охальной или Горбовыми островами. Здесь были десятки могил и валялись человеческие кости, напоминавшие о трагедиях, происшедших в этих местах. Не падая духом, пахтусовцы работали: одни производили описание берегов, другие чинили лодки, готовили жильё. На их счастье, на лодье прибыл беломорский промышленник Еремин и спас их. Мыс, где Пахтусов встретил своего спасителя, называется и поныне мысом Еремина. 9 августа Пахтусов с отрядом вернулся в свое зимовье, купил у промышленников карбас и снова пустился в путь. На этот раз льды пропустили его только на 40 километров дальше того места, куда путешествовал Циволько. Второй поход Пахтусова был закончен. Из 17 человек умерло двое. Остальные вернулись здоровыми. Пахтусов сумел их уберечь, но сам, надломленный изнурительными походами и заботами, надорвался и с момента гибели

„Казакова“ заболел. Болезнь усугубилась по прибытии в Архангельск, где Пахтусов умер, не успев оформить доклад о своем втором удавшемся походе.

После походов Пахтусова промысловые плавания на Новую Землю начинают возрастать: в 1831 году ходил на Новую Землю только один промышленник Гвоздарев; в 1832 г. туда плавали 3 судна; в 1833 г.—11 судов; в 1834 г.—33; в 1835 г.—118 судов. Рост произошел благодаря трудам Пахтусова, составившего точные карты новоземельских побережий с их многочисленными бухтами и островками...

В наше время на крайнем и суровом Севере нет недостижимых мест. На самой северной точке Новой Земли, на мысе Желания, стоит памятник Владимиру Ильичу Ленину. Взор вождя обращен в сторону Великого Северного Морского Пути, ставшего действующим благодаря трудам самоотверженных северян, память о которых переживет века.

ЭНТУЗИАСТ РУССКОГО СЕВЕРА

... Было это в те времена, когда в Архангельске росла и ширилась „немецкая слобода“ из торговых контор и факторий, принадлежавших иноземным капиталистам, которые с помощью недалёковидных и продажных больших и малых администраторов царского самодержавия вытесняли с русского рынка архангелогородских купцов и промышленников.

В конце XVIII века в Архангельске было 36 русских торговых домов и 458 купцов; 7 купеческих судостроительных верфей; существовали военная гавань, петровская биржа и Монетный двор. В первой половине XIX века в Архангельске не осталось ни одного торгового дома. Из 458 купцов осталось только 116, да и те оказались в зависимости от трех засевших на Севере иностранных торгово-промышленных контор — Фонтейнеса, Брага и Кларка Моргана.

Военная гавань в Архангельске и Петровская биржа были закрыты. Монетный двор срыт. Верфи уничтожены.

Миллионные барыши потекли в карманы иностранных фирм. Тогда же банкротились, доходя до обнищания, архангельские „отцы“ города, потомки купцов, когда-то поощряемых и взлелеянных Петром Первым.

Английский министр Гускидсон еще в петровские времена, видя, как широко начала шагать русская коммерция, изрек в английском парламенте: „Нужно употребить все зависящие от нас меры, чтобы остановить в России развитие торгового флота и купечество“. Слова Гускидсона не оказались брошенными на ветер.

В эту пору, а именно 16(29) марта 1823 года, в семье разорившегося архангельского купца Константина Сидорова родился сын, которого в честь Ломоносова родители назвали Михаилом.

В детстве северные сказки и песни, рассказы о бывалых людях — поморах служили богатой культурной пищей для любознательного Миши. Десятилетним он поступил в Архангельскую мужскую гимназию, но не доучился, ушел из шестого класса. Причиной ухода из гимназии было оскорбление, нанесенное ему учителем французского языка поляком Гутковским, который назвал Мишу Сидорова „русской тварью“. Самолюбивый юноша дерзко ответил на оскорбление учителя и больше не переступал порога гимназии.

Вскоре у него умер отец. Иностранцы предъявили векселя и обязательства, и все имущество, оставшееся после смерти Константина Сидорова, оказалось в их руках. Мать Михаила ушла в Холмогорский монастырь, а Михаил стал служить у своего дяди Ксанфия Сидорова. Последний был в хороших отношениях с министром — графом Строгановым, который по сходной цене уступил ему для кораблестроения и лесной торговли крупную лесную дачу в Сольвычегодском уезде. Ксанфий взялся за дело. Он заготовил для экспорта древесины на 600 000 рублей. Иностранцы, подрядившие этот лес с присущей им ловкостью и хитростью, пошли на сделку с русскими чиновниками и властями. А те во время сплава леса вызвали Ксанфия Сидорова и заявили ему:

— Лес, запроданный вами за 600 000 рублей, возможно, заготовлен не в строгановских делянках, так как в тех местах участки леса еще не размежеваны удельным ведомством. А потому сплавляемый лес полностью конфискуется, как незаконно заготовленный.

Иностранцы ублажали взятками чиновников и от удовольствия потирали руки. Вместо 600 000 рублей они уплатили за конфискованный лес только 13 000.

...Михаил Сидоров оказался без дела, в тяжелом, бедственном положении.

Директор архангельских училищ, сочувствуя ему, предложил сдать экзамен на звание домашнего учителя. Сидоров согла-

сился, хотя карьера учителя или даже чиновника его не прельщала.

Он намечал себе широкий путь творческой деятельности.

В 1841 году молодой Сидоров решил побывать на Соловках. Путь от Архангельска — немного более суток. Но буря застигла в пути их судно и вместо Соловков они оказались у берегов Новой Земли! Сидоров наслушался от моряков рассказов о попытках поморов проникнуть в Сибирь, о том, как два двинских храбреца Кондратий Куркин и Еремей Савин еще триста лет тому назад, то есть во времена Грозного, намеревались пробраться к Енисею, за что нещадно были биты батогами.

Сидоров сначала втайне вынашивал мысль об открытии морского пути на восток, а потом решил обратиться за советом и помощью к проживавшему в Петербурге архангелогородцу миллионеру Попову. Тот выслушал его и сказал, что при упадке русской торговли и мореходства на Белом море пока рано думать о новых морских путях, ибо этими открытиями могут воспользоваться иностранцы. Попов предложил Сидорову поехать в Восточную Сибирь на Енисей по суше и заняться там изысканием богатств, с чем Сидоров согласился.

Архангельский губернатор маркиз де-Траверзе, узнав о такой самовольной предприимчивости не по возрасту смышленного Сидорова, хотел его немедленно арестовать, но тот был уже на пути в Сибирь и посланная за ним полиция не смогла его догнать.

Сидоров добрался до Красноярска. Здесь в то время широко развернул торговую деятельность устьсысольский купец Василий Латкин. На первых порах Сидоров устроился к нему переписчиком бумаг и домашним учителем, а через некоторое время женился на дочери Латкина и в отсутствие тестя занялся изысканием золота.

Ему повезло. В районе реки Енашино он сначала открыл шесть приисков. Удача следовала за удачей — в короткий срок шесть приисков разрослись в двести товариществ, и за десять лет — с 1853 по 1863 год — он, разумеется, с помощью жестоко эксплуатируемой наемной рабочей силы, добывает свыше 1000 пудов золота, получает с каждого пуда себе лично доход по 1000 рублей и становится миллионером.

Насколько добыча золота была удачна и солидна, можно судить, сопоставив, что до Сидорова 5000 сибирских хозяйчиков и хозяев за все время существования золотопромышленности добыли 10 000 пудов золота или в среднем по два пуда на промышленника. Количество добытого Сидоровым золота поражало

всякое воображение. Несмотря на то, что 3 000 000 рублей чистого дохода Сидоров дал казне, генерал-губернатор Восточной Сибири граф Муравьев-Амурский всячески преследовал его и добивался через министра финансов удаления Сидорова из Сибири, как „беспокойного и вредного“. Между тем, не взирая ни на что, Сидоров продолжал развивать и увеличивать добычу золота в общей сложности до 2 000 пудов. А когда приобрел громадное состояние, обеспечил себе полную материальную независимость, он решил заняться осуществлением своих планов по изучению Севера, в целях его всестороннего и экономического развития.

По свидетельству архангельского краеведа А. Жилинского, Михаил Константинович Сидоров всю свою жизнь находился в непрерывных путешествиях между Якутском, Иркутском, Березовым, Архангельском и Петербургом. Бывал он на Кавказе и в Закавказье, всюду преследуя цель изучения и освоения богатств русской земли.

Известно, что только на изучение и экономическое возрождение Севера он израсходовал около 2 000 000 рублей.

В годы своей славы среди русских ученых и за границей Сидоров был действительным, почетным и пожизненным членом 25 научных обществ и был почетным президентом Африканского института в Париже по уничтожению рабства и невольничества среди негров.

Русское купечество, жадное до наживы, не пренебрегающее никакими средствами ради личного обогащения, иногда пускало сотни тысяч и миллионы на кутежи, а потом, охваченное ханжеством и религиозным фанатизмом, сыпало золото на украшение церквей и монастырей.

М. К. Сидоров был человеком иного склада. Его не прельщала блеск алтарей, не хлопотал он перед духовенством о предоставлении ему местечка в загробном мире. Он был человеком здравого, практического смысла, с широкой русской натурой. Он считал, что быстрый рост промышленности и цивилизации возможен у нас, ибо русский народ может сворить горы.

„Мы только целый век толкуем о возобновлении судостроения и всю вину складываем на славянскую лень, тогда как не она причиною, а те администраторы, которые распоряжаются народным трудом. Гений народа при всем его гнете, при всех еврейских и политических погромах, удивил иностранных промышленников изобретательностью и смышленностью“. (М. К. Сидоров. Труды для ознакомления с Севером России).

Сидоров заботился об ускорении темпов экономического развития страны, чтобы не быть в зависимости от иностранного капитала. Правительство ему мешало на каждом шагу, тормозило и срывало все его планы. И надо было иметь непреклонный характер и ломоносовскую „благородную упрямку“, чтобы выдержать все притеснения и преследования и идти вперед в избранном направлении.

Крупные личные средства, добытые в Сибири на приисках, он расходовал на постройку школ для населения Туруханского края и других районов Сибири, за что губернатор Муравьев-Амурский под различными предлогами неоднократно отдавал Сидорова под суд, как „неблагонадежного“, отнимал прииски и пытался административно выслать его из Сибири в Архангельск. Школы и приюты Красноярска, Омска, Тобольска, Архангельска, Устьсысольска и других городов получали огромную материальную помощь от этого богатого и щедрого искателя.

Инициатива создания университета в Сибири принадлежит ему. Первый доход, полученный от добычи золота в 1854 году в сумме 6287 рублей, и первый пуд золота он вносит на устройство университета. В дальнейшем Сидоров предлагает организовать подписку пожертвований на университет среди других золотопромышленников.

Муравьев-Амурский смотрит на такое мероприятие Сидорова как на бунтарство, а крупнейший золотопромышленник Щеголев, задавая тон другим своим коллегам и угождая губернатору, жертвует на создание университета ... один рубль.

Возмущенный М. К. Сидоров, помимо губернатора, обращается за содействием к академикам Петербурга и соглашается пожертвовать на устройство Сибирского университета все свои прииски, которые сразу, если разыграть их в лотерею, могут дать свыше миллиона рублей. Тогда губернатор Муравьев-Амурский, чтобы помешать делу народного просвещения, возбуждает против Сидорова сразу три уголовных дела:

1) Что Сидоров не купец, а домашний учитель и не имеет права заниматься добычей золота.

2) Что он совершил подлог (?) в присвоении себе звания учителя.

3) Что Сидоров допускает присвоение не принадлежащей ему власти; а посему от трижды подсудимого воспрещается принимать пожертвования на просвещение, а самого Сидорова, как неблагонадежного, надлежит выслать из Сибири.

Тринадцать лет продолжалась тяжба против Сидорова, однако суд был вынужден признать все обвинения напрасными.

Предлагая проект соединения каналом Енисея с рекой Таз, Сидоров ставил условием, что доход от перевозок по каналу будет полностью внесен на расходы по школьному образованию северных сибирских народностей, на что от другого губернатора Корсакова услышал ответ:

— „С севера по причине холода нужно удалить народ на юг, а не восстанавливать какую-либо деятельность“.

Вопросы развития русского мореходства на Севере больше всего затрагивали М. К. Сидорова.

Сидоров немало приложил усилий и средств к тому, чтобы устроить порт на Печоре. В 1864 году он доставил с Волги через Каму, Вогулку и волоком по суше в верховья Печоры первый пароход, а к 1876 году заготовку печорской лиственницы и прочей древесины довел до высоких пределов. За двенадцать лет из Печорского порта им было отправлено в Кронштадт 70 судов корабельной древесины.

Одновременно он пытался начать добычу нефти на Печоре. Министерство государственных имуществ, точно заигрывая с ним, то разрешает ему разработку нефти на площади одной квадратной версты, то снова запрещает и так несколько раз подряд. В конечном счете при административных стеснениях (не без влияния иностранного капитала) М. К. Сидоров затратил на заявки, отводы, местные свидетельства, разъезды, вызовы и прочие расходы 650 000 рублей, но дело заглохло. Зато стала увеличиваться доставка нефти в Россию из Америки.

Попытки Сидорова заняться добычей каменного угля на Севере также по вине бюрократической царской администрации не привели к положительным результатам. Пришлось лишь ограничиться добычей образцов печорского угля для выставок.

* * *

Царское правительство считало морской путь на Восток делом нелепым, тогда как еще Михайло Ломоносов доказывал необходимость и возможность использования Северного Морского Пути. Его земляк Михайло Сидоров через сто лет после смерти Ломоносова был одним из первых энтузиастов открытия Великого Северного Морского Пути.

Пристально посматривали на этот путь и иноземцы.

Прибрав к своим рукам торговлю на Севере России, иностранный капитал стал стремиться проникнуть к далеким берегам Сибири.

Первыми разведчиками от иностранцев были: английский капитан Виггинс, совершивший в 1874 году плавание до устья Оби, и шведский ученый Норденшельд, прибывший в 1875 году к устью Енисея. В следующем 1876 году оба эти капитана с товарами на пароходах приходят на Енисей.

Михаил Сидоров еще до этих мореходов задумал организовать путешествие из Сибири в Петербург, да так, чтобы русское мореходное умение оценили не только иностранцы, но и свои неверящие в развитие Севера высокопоставленные „башибузуки“.

Экспедиция, организованная Сидоровым из Енисея в Петербург, была изумительна и дерзка. В 1873 году он подыскал смелого русского капитана Шваненберга и предложил ему ехать в Восточную Сибирь, построить там из приготовленного леса клипер и, приняв должность капитана, направиться из Енисея через Ледовитый океан и Карское море к берегам Норвегии и дальше до самого Петербурга.

Шваненберг на приглашение Сидорова прибыл в Енисейск только в 1876 году. Клипер, названный „Северное сияние“, запытал к плаванью и был поставлен на зимовку в узком проходе между высокими берегами островов. Зимой от тяжести нанесенного снега судно затонуло, а весенним разливом его выбросило далеко на берег.

Помня наказ Сидорова, если погибнет „Северное сияние“, немедленно строить другое судно, если погибнет другое судно, все равно во что ни станет, не жалея средств, строить третье, а все-таки идти в плавание, но не возвращаться сухим путем в Петербург, Шваненберг в устье Енисея купил за 1300 рублей баржу и с помощью местных жителей разломал ее, построил небольшое судно „Утренняя заря“. В длину оно было 56 футов, в ширину — 14, от плоского дна до палубы — 5 футов.

Такое далеко не арктическое суденышко могло принять 500 пудов пресной воды в бочках и 1500 пудов разных экспонатов. По заданию Сидорова Шваненберг загрузил „Утреннюю зарю“ образцами графита, сибирского леса, экспонатами флоры и фауны и разными бытовыми предметами жителей севера Сибири для этнографических и антропологических выставок Московского университета.

В море Шваненберг со своими спутниками встретился с иностранным пароходом „Фразер“. Иностранцы из Бремена дивились озорству русских людей, запугивали их льдами, советовали вернуться обратно, а не идти на верную гибель.

— Нет, не вернемся, — отвечали спутники Шваненберга, разве мы хуже тех поморов, которые в старину на Грумант хаживали?

И, преодолев все трудности Ледовитого океана, „Утренняя заря“ из Енисея пришла в Неву и встала на якорь против Мраморного дворца.

Разумеется, никакой прибыли от этой смелой экспедиции Сидоров не имел и не ожидал. Ему было важно доказать, что русские люди в состоянии совершать великие дела и что нужно поощрять их за отвагу и сметку.

Известный мореплаватель Норденшельд, узнав об успехах команды судна „Утренняя заря“, послал Сидорову телеграмму: „Да рассеет „Утренняя заря“ мрак, который до сих пор препятствовал верному суждению о судоходстве в Сибирь“.

По свидетельству М. К. Сидорова, „уважение к нашим морякам так было велико в Норвегии, Швеции и Финляндии, что даже женщины, приходившие для осмотра шхуны, награждали капитана своими фотографическими карточками и букетами и писали ему стихи о победе, совершенной над грозной стихией“.

Весь Петербург, кроме царского правительства, восхищался храбростью и отвагой экипажа „Утренняя заря“.

Как отнеслось правительство к блестящему походу „Утренней зари“, видно из следующего весьма показательного факта. Известно, что Шваненберг во всех приморских городах России давал в газетах объявления, вызывая добровольцев матросов на трудное путешествие. Кроме двух штурманов, нашелся один матрос — Кузик, а другого — Цибуленка, высланного за оскорбление начальства, Шваненберг нашел в Сибири. И вот, когда суденышко из Енисея прибыло в Кронштадт, на палубу явился офицер. Команда „Утренней зари“ полагала, что представитель власти пришел поздравить их с благополучным плаванием. Но ошиблись участники героического похода: офицер вместо поздравления арестовал Цибуленка и отвел в тюрьму...

Поразительно удачное плавание „Утренней зари“, прошедшей 11 000 верст в сто дней, не прошло бесследно. Через два года московский купец Трапезников построил в Тюмени небольшое судно, которое с командой из пяти человек благополучно прибыло с грузом из Тюмени в Лондон.

Тогда петербургские газеты, приветствуя отважных мореплавателей, приносили и должную благодарность двум русским деятелям — М. К. Сидорову и А. М. Сибирякову, сделавшим так много для окончательного решения спорного вопроса о возможности плавания к далеким берегам Сибири.

Не случайно в печатных трудах Михайла Константиновича то и дело встречаются ссылки на идеи Петра Первого. Для подтверждения можно привести характерный диалог, происшедший между Сидоровым и одним представителем царской фамилии. Дело было в 1870 году в павильоне Всероссийской выставки.

Показывая высококачественные сорта печорской корабельной лиственницы, Сидоров напомнил князю, что Петр Первый очень ценил лиственницу и что из таких деревьев в Архангельске было построено до пятисот разной величины судов.

Князь: Я не считаю лиственницу пригодной для кораблестроения.

Сидоров: Петр Первый, царь-мореплаватель, прекрасно знал качество строительных материалов и, предпочитая лиственницу для строительства русских кораблей, запретил вывоз ее за границу под страхом смертной казни...

Князь, увидев образцы горной смолы (нефти), выразил сомнение и недоумение по поводу нахождения этого продукта на Печоре, на что Сидоров не без колкости ответил:

-- Вашему прапрадеду Петру Первому было известно о существовании горной смолы. По его инициативе был построен на Печоре купцом Набатовым очистительный завод. Ежегодно Набатов доставлял в Москву 1000 пудов отработанного продукта для лекарств.

Князь: Откуда этот уголь?

Сидоров: Мне опять приходится говорить о вашем славном предке, который в 1720 году послал в Туруханский край ученого Мессершмидта осмотреть подземный пожар. Я ездил туда; этот пожар продолжался около 170 лет. Каменный уголь оттуда. Графит, пригодный для литья пушечной стали, оттуда же. Другие образцы угля с Новой Земли, где Петр Первый предполагал построить крепость.

Князь: А откуда эти образцы железных руд?

Сидоров: Из Шенкурского уезда Архангельской губернии, с берегов реки Ваги. Петр Первый там добывал руду для изготовления пушек...

Князь (отвлекаясь от пояснений): Неужели и жемчужные раковины водятся на Севере?

Сидоров: Да. Во времена Петра в Кемии ежегодно добывали жемчуга на 200 000 рублей, потому городу Кемии был дан герб в виде изображения жемчужного венца...

Князь: А это что?

Сидоров: Жир китовый. О развитии китоловства никто так не заботился, как Петр Первый. Для этой цели он заказывал архангельским кораблестроителям Бажениным семь кораблей...

Князь: Знаю, знаю, довольно... А это что за дрянь?

Сидоров: Действительно дрянь, ваше высочество, это хлеб из мха, соломы, из древесной коры и кала животных, приготовлен на крови оленя. Такого дерьма печорское население съедает 200 000 пудов ежегодно.

Вы видели, какие богатства таятся на Печоре, откуда медь, серебро и золото доставлялись на первую русскую монету. А между тем жители там вынуждены питаться дрянью, от чего слабеют, мрут, особенно дети.

С 1801 года к властям приходили с Печоры делегации с просьбой дать жителям возможность заниматься разработкой лесов, нефти и других произведений природы, о чем заботился Петр Первый, но по сие время, в течение 70 лет, ходатайства печорцев оставались без ответа...

Слова эти привели князя в раздражение. Он нахмуренный покинул павильон.

* * *

Громадное количество ценнейших экспонатов собрал М. К. Сидоров на севере России. От Якутии до Норвегии, на всем побережье северных морей и на берегах многоводных сибирских рек, с помощью своих доверенных лиц он приобретал и накапливал всякую руду, горный хрусталь, самородки золота, серебро, жемчуг, графит, нефть, всевозможные виды морских рыб и зверей, удивлял всех сказочными богатствами русского Севера. Сидоровские экспонаты занимали виднейшее место на восьми выставках в Петербурге и в Москве, на выставках за границей. За участие в выставках он получил три ордена, четыре золотых, восемь серебряных медалей и много дипломов первой степени. Чтобы привлечь внимание правительства и крупных русских промышленников на богатство Севера, чтобы уничтожить предрассудки невежд (вроде генерала Зиньковского) о бедности Северного края и чтобы содействовать развитию промыслов, торговли и мореходства на Севере, Сидоров прочел в ученых обществах, министерствах двести шесть лекций и докладов. Вот некоторые темы его выступлений: об исследовании Туруханского края, о мореходстве на Севере России, о зимовке на Новой Земле в 1872—73 гг., о положении жителей Архангельской губернии; о гольфстреме, идущем к Печор-

скому заливу, о Северном канале из Белого моря в Онежское озеро, о Вятско-Двинской железной дороге, о развитии торговли и промышленности через Петорский порт, о нефти на Севере России, о горных промыслах на Севере России, о необходимости ограждать права собственности России на Карское море, о необходимости прекратить колонизацию Мурманского берега иностранцами, о недопущении англичан к эксплуатации Онежского края, о нуждах Севера, о Дмитрие Ивановиче Менделееве и множестве других тем, в которых научное исследование тесно переплеталось с практическим, жизненным разрешением вопросов.

Великий русский ученый Д. И. Менделеев был весьма высокого мнения о кипучей и полезной деятельности Сидорова. В 1880 году, будучи профессором Петербургского университета, Д. И. Менделеев писал Сидорову:

„Вам угодно было обратить внимание на мою деятельность по нефтяному вопросу в заседании СПб отделения общества для содействия торговому мореходству, как пишет мне г. председатель отделения, извещая об избрании меня по вашему предложению в пожизненные члены общества. Вполне понимая, что в Вас говорило русское чувство, я глубоко тронут вниманием Вашим в Обществе, тем более, что весьма сочувствовал его целям и направлению. Благодарю от всей души Вас..

„...Моя деятельность в последнее время, — продолжал Менделеев, — имеет, однако, маленькую связь с мореходством: меня заинтересовали вопросы сопротивления среды, имеющие значение в судостроении, поэтому я осмеливаюсь приложить при этом письме три экземпляра моего труда, касающегося сопротивления среды. Один прошу Вас принять для себя, другой не откажитесь передать в библиотеку общества, а третий г. Председателю Отделения. Этим Вы опять много обяжете и без того глубоко уважающего Вас за Вашу многопользную деятельность“.

Сидоров в своих печатных трудах указывал на тяжелое положение страны; он видел ее экономическую отсталость. И когда иностранный капитал всеми способами окутывал русскую жизнь, превращая Россию в зависимое государство, Сидоров говорил: „Нелегка наша задача, нам предстоит борьба и жесточайшая борьба. Но я надеюсь, что при усиленном труде мы, если не одержим победы, то, по крайней мере, не позволим иностранцам подавить нашу промышленность. Без сомнения, чувствуя свою слабость, мы особенно надеемся на содействие нашего правительства“.

На самом же деле на своем личном опыте он знал, как „содействует“ царское правительство процветанию отечества, как оно, преклоняясь перед иностранным капиталом, предавало и продавало интересы России.

М. К. Сидоров с возмущением заявлял в печати о том, что иностранцы становятся городскими головами в наших портовых городах и одновременно состоят консулами иностранных держав. Обращаясь к правительству и общественному мнению страны, он вопрошал:

„Если англичане искоренили на Севере все русское купечество, вовлекли Россию в долги, то следует ли поддерживать англичан и давать им права и виды на концессию Вятско-Двинской железной дороги?“ И дальше он указывал на „верноподанных“ из англичан, так называемых почетных граждан города Архангельска братьев Вишаю, которые при первом известии о начавшейся Крымской войне удрали в Англию. А начальник Архангельского порта англичанин Бойль был уличен во время войны в тайных сношениях с неприятелем. Бойль имел связь с английским военным судном „Миранду“, обстреливавшим Соловецкий монастырь. Напоминал Сидоров и о том, как еще в прошлые времена царица Елизавета (в 1756 году) подарила англичанину Гому 300 000 рублей для эксплуатации и разорения Онежского края и о том, как спустя сто лет англичане на Мурманском побережье сожгли у русских промышленников суда. И когда поморы обратились к правительству за разрешением построить новые суда, то правительство отказало им в отпуске леса и „всемилоднейше“ повелело считать мореходство на Севере вредным и опасным для поморов.

Подобный вздорный взгляд на Север коренился в тупых головах „сильных мира сего“ и во времена Сидорова.

Однажды, вручая докладную записку воспитателю Александра III генерал-адъютанту Зиновьеву, он обратился с вопросом, как вырвать Север России из его бедственного положения, на что генерал ответил:

„Так как на Севере постоянные льды и хлебопашество невозможно и никакие другие промыслы немислимы, то по моему мнению и моих приятелей, необходимо весь народ удалить с севера во внутрь страны государства, а вы хлопчете наоборот и объясняете о каком-то гольфстреме, которого на Севере быть не может. Такие идеи могут проводить только помешанные...“

О всех своих столкновениях с начальством, покровительствовавшим на Севере иностранному капиталу, Сидоров открыто писал для широкой огласки.

Его печатные работы — „Север России“, „Труды для ознакомления с Севером России“, „Картины из деяний Петра Великого на Севере“ и др. — фактическими примерами раскрывали сущность незавидного положения русского народа и служили обвинительным актом против прогнившей бюрократической системы самодержавия, тормозившего ход экономического развития России.

Недаром известный литератор Погодин, прочитав книгу Сидорова „Север России“ (1870 г.), восклицал: „У меня волос дыбом встал от того, что делается у нас в России... О Русь, Русь!..“

А иностранцы, хозяйничавшие на русском рынке, умышленно скупали книги Сидорова о Севере России и предавали их сожжению.

В конце своей жизни Сидоров, подводя итоги пройденного им пути, писал:

„Я не встречал сочувствия ни в ученых (за исключением Менделеева), ни в промышленниках; администрация не только меня не поддерживала, но противодействовала. Стремление доказать богатства Севера и желание осуществить свою идею и развить промыслы на Севере стоили мне, при противодействии администрации, всего моего состояния“..

Умирая, М. К. Сидоров завещал использовать все результаты его трудов безвозмездно в научных целях и в интересах развития своей отечественной экономики. Он просил похоронить его там, где похоронен великий ученый Ломоносов, что было исполнено.

„КОРОЛЕВА ЛОПАРСКАЯ“

В нашей северной стороне, на Терском берегу Студеного моря, жила вдова, многодетна, смышлена и богатством не обидна Татьяна Ивановна Куковерова...

Старожилы (теперь их уже немного) в Архангельске, Мурманске, Мезени и на Кольском полуострове помнят эту сказочную, предприимчивую женщину-богатырицу и если песен о ней не поют, то уж сказки, наверно, рассказывают, ибо о ней есть что рассказать.

Эта волевая женщина в конце прошлого столетия и в начале нынешнего возглавляла рыбацкие промысловые артели на побережье Белого моря, добиваясь крупных кредитов для субсидирования рыбаков поморов и лопарей, принимала заказы на поставку огромных партий рыбы военному ведомству, бесплатно занималась врачеванием среди местного населения и особенно много времени и трудов уделяла „Обществу спасения на водах“.

По рассказам старожилов, знавших лично Куковерову, местное архангельское начальство, купечество и рыбопромышленники сильно ее недолюбливали и готовы были пойти на любые мерзости, лишь бы отнять из-под ее влияния „лопарское цар-

ство“ и по-своему хищнически эксплуатировать рыбаков на Кольском полуострове.

Среди лопарей Куковерова пользовалась авторитетом и любовью. Она имела семерых детей, некоторые из них проживали и учились в Петербурге. Дети жаловались, что мать не уделяет им времени и внимания, что для нее неграмотные, дикие лопари и поморы дороже и важнее их, своих детей. В этом была немалая доля истины. Но это не обескураживало Татьяну Ивановну; своим положением она не только дорожила, но и восхищалась. Лопари звали ее „царицей“. Широкая молва с легендами, былью и небылицами разносилась о Куковеровой не только в поморье, но доходила даже до царского двора. Однажды Александр III, читая сообщение чиновника, ведавшего делами и судьбами крайнего Севера, „изволил проронить царственные слова“ по адресу Куковеровой: „Царицей считается дерзостно, даже среди лопарей, пусть именуется королевой лопарской“...

Архангельский художник С. Г. Писахов рассказывает, что у Куковеровой в связи с такой славой появились своего рода странности. Чтобы казаться действительной „королевой“ и выгодно отличаться от других промышленников, она подобрала себе подюжины белоснежных оленей и на них совершала торжественные выезды по лопарским становищам.

Но это только в особые праздники. В рабочие поморские будни ей было достаточно хлопот и дела.

Когда приходилось трудно лопарям и поморам-артельщикам, когда их заедала нужда и бесхлебица, Куковерова обращалась к царю с петициями об оказании им помощи:

„Осмеливаюсь всеподданнейше просить царской поддержки в великом деле—развития промышленности на Севере и всемилоостивейше дать возможность до сих пор бедному населению Северного края—поморам-лопарям стать на ноги и самостоятельно работать...“—писала она, вымаливая у царя кредит для лопарей.

Однажды Куковерова была вызвана к министру Витте. Заранее наслышавшись о ней разных экзотических сенсаций, Витте приветливо принял „королеву лопарскую“.

— За вами посылали специального чиновника, корректно ли он доставил вас в министерство?—спросил Витте.

— Какая там корета, до Питера на оленях, а тут на своих на двоих в гости въехала...—окающей скороговоркой ответила она.

Витте, скрывая усмешку, вероятно, подумал, что с этой „королевой“ дипломатическим языком много не наговоришь.

Оказания помощи лопарям она все же добилаьсь. Большой по тем временам стотысячный кредит был нужен на заказ бочек, на покупку и доставку соли, на фрахт судов для отправки рыбной добычи в Петербург, на хлеб поморам и другие нужды.

Деятельность Татьяны Ивановны Куковеровой, как члена „Общества спасения на водах“, заслуживает описания. Можно привести отдельные факты и эпизоды, ярко свидетельствующие о великой пользе, содеянной этой русской женщиной, знатной и храброй поморкой.

В июле 1886 года, когда Куковерова находилась на Орловском маяке, по ее инициативе и при ее участии было спасено девять норвежцев с разбитого корабля.

В июле 1889 года вблизи мыса Городецкого потерпел крушение английский пароход; авария произошла ночью. Узнав об этом, Куковерова быстро снарядила два карбаса и сама вместе с лопарями отправилась на помощь потерпевшим. Тогда было спасено 25 английских моряков.

К ней за потерпевшими приехал английский консул Кокс и предложил за спасение моряков и оказанные им услуги деньги. Татьяна Ивановна оскорбилась и заявила англичанину:

— Жизнь людская дороже всякого золота, я и мои лопари спасали их от души, добра желая, а не денежной выгоды...

Однако, когда свое русское начальство выдало сто рублей, она не отказалась принять:

— Пусть это лопарям на водку, это можно, от своих, как награду, а с англичан брать недостойно.

В 1893 году навигация на Белом море открылась рано. Уже в конце мая шли пароходы и парусные суда из Архангельска на мурманское побережье и обратно. Неожиданно показались гонимые ветром льды и на виду у Орловского маяка, где больше всего времени проводила Куковерова, оказалось зажатými во льдах до шестидесяти судов, а всего от местечка Данилова и до Трех островов во льдах застряло сто пятьдесят судов, в том числе и крупные пароходы Мурманской компании.

Лед, поддерживаемый морозом и бурной непогодью, стоял целый месяц. Вмерзшие суда находились без движения.

До Куковеровой дошли слухи, что почти на всех судах матросам и промышленникам недостает хлеба, что многим угрожает голодная смерть. Не задумываясь и не спрашивая ни у кого разрешения, так как промедление повлекло бы тяжелые последствия, Татьяна Ивановна собрала поморов и вместе с ними отправилась в село Поной, где под свою ответственность взяла из казенного склада всю муку — двести кулей и приказала жи-

телям Поюя круглые сутки печь хлеб, а потом на оленьих упряжках по льду этот хлеб развозить на суда морякам и промышленникам, чтобы спасти их от голодной смерти.

Однажды Куковеровой сообщили, что трех зверобоев, с которыми, бывало, она промышляла, на льдине унесло в море. Девять суток Татьяна Ивановна не сходила с маяка. В ночное время сигнализировала, при дневном свете следила в подзорную трубу за движением льда и, наконец, на десятые сутки заметила в двенадцати верстах от берега черную точку. Решив, что это и есть погибающие, а быть может уже погибшие поморы, Куковерова снарядила две лодки и вместе со своим старшим сыном добралась с великим трудом и риском по разводьям и по льду до погибающих и вырвала их из объятий смерти. Трое спасенных перенесли многодневный голод и были обморожены. Некоторые навыки в медицине помогли Татьяне Ивановне привести людей в сознание и вылечить их.

Таких поступков самоотверженная, волевая женщина совершила бесчисленное множество. Губернское начальство обычно не замечало деятельности Куковеровой, а иногда посмеивалось над ее одержимостью и причудами и даже упрекало ее в желании выслужиться перед народом.

— В своих трудах не нахожу ничего зазорного, делаю свое дело и по своей воле,—отвечала в таких случаях она далекому от людских нужд губернскому начальству.

Один из губернаторов в Архангельске, наиболее умный и деятельный, оставивший после себя исследовательские труды о Севере,—Энгельгардт, был вынужден обратиться к Куковеровой за советом и помощью. Перед губернатором стоял неразрешимый вопрос о спасении 52-х человек, заброшенных в далекое Заполярье.

Дело было так: в 1897 году архангельские губернские власти снарядили партию плотников-строителей и, отправив за Кандалакшу и Имандру в район Городецкого маяка, обеспечили их продовольствием до осени. В октябре из Архангельска был послан за ними колесный пароход „Георгий“, который потерпел крушение. При отсутствии телеграфа весть о гибели „Георгия“ была получена в Архангельске с большим опозданием, когда навигация уже была закончена, а сквозь льды при тех средствах плавания нечего было и думать добраться до обреченных на гибель людей и спасти их.

Встревоженный губернатор, узнав, что в Архангельске временно находится „королева лопарская“, послал за ней свой личный экипаж.

— Чем могу служить, ваше превосходительство? — обратилась Куковерова к губернатору.

Энгельгардт рассказал ей о безвыходном положении людей, заброшенных в далекое, глухое Заполярье.

— Беденькие, попали как в ловушку. Эх ты, горюшко. Немной началось да на меня свалилось... Берусь вывести их оттуда, — сказала Куковерова, предварительно подумав, как это она может сделать.

— Как же так вы беретесь? — изумился губернатор, — какая вам помощь нужна от властей, чтобы спасти этих несчастных? Да сможете ли?..

— Много не надо, две с половиной тысячи рублей; на эти деньги я найду себе на помощь людей с оленями: на эти же деньги я буду содержать на обратном пути тех, кого спасти доведется. Думаю, что такой суммы хватит. Дайте еще мне предписание ко всем попутным властям, дайте револьвер и барометр. Ну, и еще попрошу, если погибну в пути, позаботьтесь о моих семерых детках...

Энгельгардт на все согласился.

Время не ждало. В середине ноября по тонкому льду Татьяна Ивановна на лыжах переправилась за Двину и на лыжах дошла до Онеги, затем до Кемь и Кандалакши и дальше — до лопарских поселений. Узнав о намерениях своей „королевы“, лопари по ее зову, бесплатно, из уважения и признательности к ней, стали собирать теплую одежду и обувь для людей, которых она шла спасать. На 47-й день пешего пути от Архангельска Татьяна Ивановна дошла до того места, где в отчаянии находились 52 рабочих-строителя. Некоторые из них были больны. К ее прибытию запасы продовольствия у строителей исчерпались. Голод и холод нависли над ними смертельной угрозой.

С помощью лопарей Куковерова на оленьих упряжках вывезла всех рабочих к первому становищу, а ровно через сто дней тяжелых странствований по глухим и безлюдным просторам приморья она доставила их в Архангельск.

Из средств, отпущенных губернатором на спасение людей, еще осталось 500 рублей. Эти деньги, не претендуя на вознаграждение, Куковерова вернула в казну, а за свои труды, как видно из сохранившихся документов, от губернатора и директора всех беломорских и океанских маяков она получила всего лишь словесную благодарность.

ХУДОЖНИК СЕВЕРА А. А. БОРИСОВ

За последние пятнадцать — двадцать лет когда-то популярное имя художника Борисова упоминалось в печати два-три раза вскользь, мимоходом. Картины его находятся в фондах музеев Ленинграда, Архангельска, В. Устюга, Вологды, Сольвычегодска и других городов.

Александр Алексеевич родился в 1868 году в глухой северо-двинской деревушке Глубокий Ручей. Родители его, бедные крестьяне, не в состоянии были дать сыну образование; поэтому грамоту пришлось ему постичь самоучкой по псалтырю у соседа. Пятнадцатилетним суеверные родители отправили его в Соловецкий монастырь на целый год „благодарить бога и его угодников“ за то, что в детстве Александр выздоровел от какой-то тяжелой болезни. Но в Соловках меньше всего нуждались в богомольцах, там были нужны здоровые и даровые рабочие руки. Поэтому будущего художника в монастыре определили на рыбную ловлю. Здесь он и породнился с природой Севера. Холодное бурное море, бесчисленное множество живописных островов, небольших озер, соединяемых системой рек, богатая растительность и ко всему этому общение с массой народа, приезжавшего в Соловки со всех концов Руси, при-

влекали его. Жизнь в Соловках казалась ему куда интересней и живей, нежели в деревенской глуши. Отбыв, по обещанию родителей, год в монастыре, Борисов вернулся домой. Но здесь он уже не находил себе ни места, ни покоя. Ему хотелось уйти из деревни на простор, к людям, где есть чему поучиться.

Мысль заняться рисованием ему пришла в голову тогда, когда в Красноборскую приходскую церковь приехали владимирские богомазы и стали расписывать церковные стены. Родители были недовольны тем, что в ущерб домашней работе их сын, подражая богомазам, тратил время и портил бумагу на какие-то рисунки. Скоро Борисов тайком от родителей добыл себе паспорт и теперь уже без всякого „обещания и родительского благословения“ удалился в Соловки. Там он был принят в иконописную мастерскую. На его работы обратил внимание приезжавший в монастырь президент Академии Художеств князь Владимир Александрович. Пользуясь его поддержкой, Борисов переезжает из Соловков в Петербург и через „Общество поощрения художеств“ поступает вольнослушателем в Академию. Одновременно малограмотный Борисов с упорством, свойственным северянину, изучает общие научные предметы, сдает экзамены и получает право быть в академии на общих основаниях. Известные талантливые художники-профессора И. И. Шишкин и А. И. Куинджи оказывают ему всяческое содействие в творческой деятельности.

За десять лет учения Борисов успел побывать на Мурманском побережье, на Белом море, в Печенге и других привлекательных местах русского Севера. Летом 1896 года ему удается совершить поездку на Новую Землю. Здесь он упорно работает над картинами и этюдами. Выставленные через год в Петербурге, они производят неотразимое впечатление на публику и удостоиваются похвал и наград. А известный московский собиратель картин и меценат П. М. Третьяков приобрел для своего музея всю серию первых новоземельских работ художника.

О своей первой поездке на Новую Землю в книге „От Пинеги до Карского моря“ Борисов рассказывает, что его привлекал Крайний Север не только как материал для живописи, ему хотелось, если будет возможность, произвести некоторые географические исследования восточного побережья Новой Земли, обогнуть самую северную оконечность острова — „Мыс Желания“, побывать там, где когда-то странствовали, преодолевая всяческие трудности, подвижники Севера: Савва Ложкин, штурман Розмыслов, Чиракин, Пахтусов, Циволька и другие,

Но главная задача, которую преследовал он и успешно выполнял, — это передача на полотне необычайных красот загадочного полярного мира.

Вошедший в моду, ставший популярным в так называемых „высших“ сферах общества, художник, ищущий легкой славы и больших денег, мог бы почить на лаврах. Но Борисов не таков. Он не останавливается на полпути. Из-под его кисти выходят одно за другим блестящие полотна сурового и в то же время привлекательного Севера. В царской России многие из высоких администраторов смотрели на Север, как на проклятую окраину, обреченную на вымирание. Такие мнения иногда проскальзывали в печати. Большой патриот родного края художник А. А. Борисов по-настоящему любил и воспевал Север.

В 1900—1901 годах он прожил на Новой Земле 14 месяцев. Вместе с ним находились один зоолог, один следопыт-ненец Устин и четыре матроса, прибывшие с художником на яхте „Мечта“. В этот период пребывания на острове Борисов не только занимался живописью, его увлекала мысль об исследовании северной части Новой Земли. Втроем, с зоологом Тимофеевым и ненцем Устином, он сто шесть дней путешествует на собаках по неисследованным просторам. Естественно, в таких условиях удобствам не могло быть и речи, люди питались кое-как, спали, зарываясь в глубокий снег. Это было подвижничеством в чистейшей и в жертву любви к настоящему искусству, которое даром не дается, а берется с боя трудовым усердием и упорством.

Во время этой смелой экспедиции художнику Борисову и его верным друзьям пришлось пережить тяжелую драму на плывучих льдах Карского моря, где они чуть-чуть не погибли от голода. Лишь только благодаря тому, что у них еще осталось несколько патронов, они спаслись от смерти, питаясь сырым тюленьим мясом...

Когда Борисов возвратился в Петербург и в Академии Художеств сделал доклад с демонстрацией своих картин, показывающих невиданные особенности Севера, восторгам петербургской публики не было предела.

Художники И. Репин и В. Васнецов писали Борисову восторженные, полные признательности письма, в которых они указывали на колоссальное значение его работ для музеев России.

После шумевших петербургских „Весенних выставок“ Борисов получает приглашения устраивать выставки в ряде столичных городов Европы, где они и проходят с успехом.

Особенно полной и привлекательной была выставка, устроенная им в Петрограде в 1914 году в доме князя Юсупова (графа.

Сумарокова-Эльстона) на Литейном проспекте. В этом доме, как гласило предание, происходили события, описанные Пушкиным в „Пиковой даме“. Сам по себе этот особняк привлекал внимание многих петроградских жителей. Северный художник С. Г. Писахов, вспоминая об этой выставке, рассказывает, как на зазывающую рекламу, на звуки духового оркестра, к распахнутым дверям парадного хода подъезжала изысканная публика.

В глубокой, задрапированной черным сукном нише самого мрачного зала, при скрытом освещении специальных электроламп, была выставлена большая картина, вызывавшая гнетущее настроение. Картина называлась „Страна смерти“. Темное тяжелое небо далекого Заполярья, мрачные нагромождения льдов и яркая, резко бьющая в глаза оранжевая полоса заката, — возможно, последняя предзимняя зоря.

Пеструю толпу городских посетителей из рабочей и служащей публики на выставке привлекало другое. Их интересовали жизнь людей Заполярья, своеобразная северная природа.

И Борисов сумел это показать. Всего на выставке им было продемонстрировано свыше двухсот картин и этюдов. Перед отдельными из них толпами собирались посетители и слушали пояснения самого художника.

— Вот зимний солнечный день в Маточкине Шаре. На снегу заметны следы белого медведя. Вдали виднеются горы Вильчекка...— говорил Борисов,—а это вот моя славная помощница яхта „Мечта“,—продолжал он,—на ней я совершал свои путешествия по Ледовитому океану и Карскому морю. Опытные корабельных дел мастера, наши северяне, мне ее построили на совесть. Обратите внимание на нижнюю часть корпуса: здесь изображен момент, когда „Мечта“ вытеснена из воды льдами, но не раздавлена, уцелела...

— Вот одна из остановок нашей санной экспедиции на Новой Земле: это наш славный помощник ненец Устин. Он бойко за время пути промысляет оленя, тюленя, моржа и белого медведя для питания нас и собак. Ведь мы находились за сотни верст от нашего зимовья, в стране сплошного льда и снега. А это зоолог Тимофеев защищает веслом Устина от голодных собак. Ненец только что добыл с охоты и принялся снимать шкуры с убитых им оленей...

В окружении большой толпы зрителей художник переходил от одной картины к другой, охотно давая зрителям свои пояснения, сообщая интересные детали из жизни людей, отдаленных в ту пору от цивилизации почти на целое тысячелетие.

— Вот житье бедного ненца. Вообще жизнь ненцев не сладка, — сообщал художник свои наблюдения, — многие из них, не имея жилищ, обитают под лодками. Не взирая на лишения и вопиющую бедность, среди ненок есть модницы. Вот у этой муж ушел на охоту.

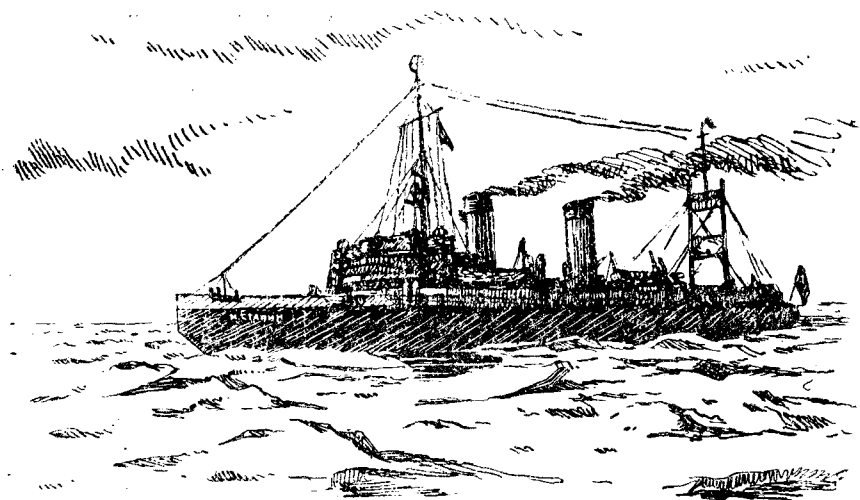
Ненка вышивает узорчатые рисунки на подоле своей малицы. Рядом ларь; в нем остатки черствого хлеба и тут же в тряпочке завернут деревянный идол, иногда вместе с иконой богородицы. Ненцы — народ добрый, у них и боги не ссорятся...

— Вот весьма любопытное зрелище: момент полного солнечного затмения 27 июля 1896 года. Здесь изображена земля, лед, вода и облака; все находится в тени, а выше часть неба ярко освещена солнечными лучами... Получается необыкновенное видение, довольно странное и невероятное по своим краскам...

После этой большой художественной выставки 1914 года, происходившей в покоях владетельного князя и графа, где было сосредоточено почти все лучшее, созданное Борисовым, больше таких собраний его картин не было. Они разошлись по различным музеям страны, по салонам меценатов.

Трудно теперь определить, где находятся многие из лучших творений Борисова: где его ранние соловьиные и печенгские этюды, виды Большеземельской тундры, Вайгача, ледников далекого Заполярья, где с любовью изображенные им ненцы и ненки, охотники, рыбаки, зверобои, прекрасные зарисовки двинских и печорских побережий, чащи леса, ледяные лабиринты и удивительных красок и тонов солнечные закаты, разливы северных рек и озер, виды самых северных поселений? Да мало ли картин создано этим большим художником!

Деятельность А. А. Борисова сводилась не только к живописи. Дальнозоркий, обладающий кипучей энергией, в своих исследованиях многочисленных печатных трудах, в докладах и преложениях он охватывал вопросы экономического характера, затрагивал все стороны жизни отсталого в то время Севера. В его трудах мы можем найти замечательные высказывания о перспективах и способах развития оленеводческого хозяйства; о необходимости устройства консервных заводов в Заполярье; об увеличении использования лесов; о строительстве своих отечественных судов на Севере; о возможности открытия регулярного движения по Северному Морскому Пути; о железнодорожных путях в далеком Заполярье; об улучшении быта ненцев; о борьбе с пьянством и спекуляцией и много, много других ценнейших прудуманных и обоснованных предложений и пожеланий, которые стали выполнимы только в наше советское время.

КАПИТАН ВОРОНИН

Ныне здравствующий депутат Верховного Совета СССР Владимир Иванович Воронин — капитан дальних арктических и антарктических плаваний — известен по всей советской стране. Имя его часто упоминается в литературных и научно-исследовательских трудах об Арктике.

Походы „Сибирякова“, „Челюскина“, а в годы Отечественной войны походы флагмана арктического флота ледокола „Иосиф Сталин“, смелый и удачный поход в неизведанные края Антарктики на промысел за китами и многие другие обширные и полезные деяния капитана Воронина оставят глубокий след в истории советского мореплавания.

Владимир Иванович родился в Сумском посаде на беломорском побережье, где в давние времена была острожная крепость — оплот новгородских поселенцев на одном из выгодных промысловых участков русского Севера. Здесь живут поморы, крепкие, выносливые, не боящиеся трудностей и опасностей.

Предки Владимира Воронина — мореходы, промышленники. Один из них, дядя знаменитого капитана Федор Воронин, в 1874 году спас от гибели австрийскую экспедицию Пайера и Вейпрехта, открывшую землю Франца Иосифа.

С малых лет Владимир Воронин стал привыкать к морю. Работал „зуйком“ на рыболовных промыслах; варил обед, готовил квас, выпекал хлеб для взрослых моряков. Работал на жироопне, ходил матросом на паруснике в Норвегию. Потом учился в Сумской школе судоходства и в Архангельском морском училище. Весной 1948 года исполнилось тридцать лет с той поры, как Владимир Иванович Воронин стал капитаном. Но прежде чем стать в 1918 году капитаном, он уже восемнадцать лет ролнился с морем, проходя тяжелый путь от „зуйка“ до капитана. Пробу на капитана он сдавал в империалистическую войну под обстрелом немецких подводников.

В 1920 году, когда с беломорского Севера прогнали интервентов — англичан и американцев, капитан Воронин на судне „Пролетарий“ в составе первой советской экспедиции отправился через Карское море в Сибирь за хлебом. И несмотря на неизведанность необъятных суровых ледовитых морей, на мощность льдов и отсутствие лоций и маяков, перная советская экспедиция в Сибирь за хлебом была удачной. Недаром Владимир Иванович отмечал тогда в своем дневнике: „Каких бы ни стоило усилий, мы должны привезти хлеб для трудящихся Севера“.

И хлеба было доставлено десять тысяч тонн!.

В 1921 году Карская экспедиция за хлебом повторилась.

Эти первые плавания в Сибирь подсказали Владимиру Ивановичу Воронину мысль: для успешной борьбы со льдами, для изучения режима льдов создавать специальные передвижные станции-палатки на больших пловучих ледяных полях, соединенных радиосвязью с постоянными станциями и работающие под наблюдением самолета. Эта идея, как известно, потом была учтена при отправке папанинцев на северный полюс.

В следующие годы на судне „Сосновец“ капитан Воронин развозил первых русских поселенцев на отдаленные арктические острова и обслуживал Мурманское побережье.

Затем, став капитаном ледокола „Георгий Седов“, Владимир Иванович доставлял зверобоев к местам удачных промыслов.

Знаменателен был поход „Седова“ под командой Воронина в 1928 году. В том году произошла катастрофа с дирижаблем „Италия“. Тогда отличились советские ледоколы и наши летчики Чухновский и Бабушкин. „Седов“ прошел 5000 миль во льдах.

На Земле Франца Иосифа советские моряки поставили каменную пирамиду, а художник С. Г. Писахов изобразил на пира-

миде красками герб нашей страны. Ученые-исследователи Арктики высоко оценили научные результаты этого плавания.

В следующую полярную навигацию (1929 год) седовцы под водительством капитана Воронина достигли на своем судне рекордного продвижения на Север.

Не менее славен был путь „Седова“, проложенный капитаном Ворониным в 1930 году. Стоит посмотреть на карту Арктики, чтобы оценить значение этого рейса.

Из Архангельска капитан Воронин вышел на „Седове“ 15 июля. Через несколько суток благополучно прибыл к берегам Земли Франца Иосифа. Обеспечив всем необходимым зимовщиков-радиостов и исследовав проливы между островами в южной части Земли Франца Иосифа, „Седов“ направился к северо-западной конечности Новой земли. Отсюда с мыса Утешения он прошел на северо-восток, где был обнаружен остров, названный „Землей Визе“. Затем „Седов“ в тяжелых льдах дрейфовал на юго-восток и на пути к Северной Земле открыл еще четыре острова. Здесь до Воронина никто не плавал. После продолжительных научно-исследовательских работ „Седов“, пробиваясь сквозь льды, возвращался от самой северной конечности Северной Земли к Мысу Желания на Новую Землю, а отсюда обратно в Архангельск.

Во время этого похода „Седов“ не раз находился перед серьезной катастрофической опасностью, но благодаря выдержке и умению опытного капитана, возглавлявшего боевой коллектив мореходов, все трудности были преодолены и „Седов“ вернулся к берегам большой земли, выполнив план экспедиции полностью.

После нескольких арктических походов в тяжелых ледовых условиях „Седов“ нуждался в капитальном ремонте. Его славный водитель занял место на капитанском мостике ледокола „Александр Сибиряков“.

Предстоял героический поход „Сибирякова“ из Архангельска во Владивосток.

Профессор В. Ю. Визе, руководивший научной частью экспедиции „Сибирякова“, отмечал, что план советской морской экспедиции северо-восточным проходом из Архангельска во Владивосток возник еще тогда, когда Владимир Иванович Воронин водил „Седова“ к берегам Северной Земли. И этот план осуществился. „Сибиряков“ под командованием Воронина вышел из Архангельска 28 июля и, пользуясь благоприятными условиями состояния льдов, успешно достиг берегов Северной Земли. Впервые Северная Земля была обойдена вокруг. Де-

сять научных сотрудников в пути усиленно вели работу по изучению неизведанных путей в арктических широтах. Трудности начались во льдах моря Лаптевых, и эти трудности увеличились в связи с аварией гребного вала. Без винта корабль представлял собой печальное зрелище. Однако на „Сибирякове“ были партийные и беспартийные большевики. Они сумели использовать ледовый дрейф судна. С помощью взрывчатых веществ и паровой лебедки выбрались на широкие разводья. Брезенты пошли на изготовление парусов, и огромный корабль продолжал поход под парусами. И когда впервые в истории Северный морской путь от Архангельска до Владивостока был пройден в одну навигацию за два месяца и пять дней, товарищ Сталин телеграфировал сибиряковцам: ...“Успехи вашей экспедиции, преодолевшей неимоверные трудности, еще раз доказывают, что нет таких крепостей, которых не могли бы взять большевистская смелость и организованность...”

Эпопея челюскинцев в 1934 году, командование флагманом арктических караванов в годы Великой Отечественной войны—все это не просто эпизоды, отмеченные в послужном списке ледового капитана, а постоянная многолетняя трудовая и умственная деятельность, героизм и отвага, беззаветная преданность и любовь к советской Родине. И благодарная Родина по заслугам оценивает великие дела капитана Воронина. Северяне гордятся своим знатным земляком.

После многотрудных плаваний, совершенных в военные годы, Владимир Иванович в конце 1946 года возглавил китобойную флотилию и повел ее в далекие южные широты Антарктики. Это была первая советская китобойная флотилия.

Через восемь месяцев плавания пловучий завод „Слава“ и вся китобойная флотилия вернулись в Одесский порт с богатой добычей. Владимир Иванович, заглядывая в будущее китобойной промышленности, по возвращении из Антарктики заявил представителям советской общественности:

— „У советской китобойной промышленности большое будущее. Я уверен, что недалеко то время, когда из наших портов к суровым берегам Антарктики выйдут не одна, а несколько экспедиций, вооруженных первоклассной техникой. Поведут эти корабли и проложат им путь в неисследованные моря южных широт те люди, которые освоили и покорили Арктику...”

Испытанный и опытный капитан Воронин на ветер слов не бросает. Он уверенно смотрит в будущее, и в будущих больших делах советского мореплавания роль его, как и всегда, окажется весьма существенной и благодарной.

О ЗНАТНОМ НЕНЦЕ ТЫКО ВЫЛКЕ И ЕГО ДРУГЕ ВЛАДИМИРЕ РУСАНОВЕ

Раньше, не в столь древние времена, ненцы или, как их грубо называли—самоеды, считались людьми, обреченными на вымирание. Со стороны царского правительства и его администрации отдаленным, кочующим по широким просторам Заполярья ненцам не уделялось внимания.

Мало того, высокопоставленные особы смотрели на ненцев, как на дикарей. Даже прогрессивный деятель из династии Романовых Петр Первый и тот иногда не совсем человечно обращался с ненцами. В 1717 году, находясь за границей, Петр писал архангельскому вице-губернатору Ладыженскому:

„По получении сего указа, сыщите двух человек самоедов молодых ребят, которые б были дурные рожем и смешные, летами от 15-ти до 18-ти, в их платье и уборах, как они ходят по своему обыкновению, которых надобно послать в подарок Грандуке Флоренскому, и как их сыщите, то немедленно отдайте их тому, кто вам сие наше письмо объявит“.

Письмо это объявил царский денщик Петр Енгалычев, который приехал в Архангельск и, взяв себе на помощь гайдуков,

рыскал по ненецким становищам, отбирая по своему вкусу подходящих ненцев. Он насобирал их полный острог. Это „мероприятие“ так подействовало на ненцев, что они перепуганные снимались со своих мест и уходили на север Сибири...

Русское купечество извечно смотрело на ненцев, как на объект наживы. Общеизвестны факты надувательства и обмана: водка и дешевые безделушки за дорогостоящие песцовые и соболиные шкуры.

До Великой Октябрьской революции ненцы не имели своей письменности. Редчайшие одиночки „самоукой“ кое-как овладевали грамотой в пределах начальной школы.

Среди ненцев есть немало талантливых, сильных, выносливых людей.

К числу их относится Тыко Вылка Илья Константинович, которого называют бессменным „президентом“ Новой Земли. Это неустрашимый, умный и любознательный человек.

Знаменитый исследователь и мореплаватель Владимир Русанов считал Тыко Вылку лучшим своим помощником и другом. Нередко Русанов с Тыко Вылкой и его братом Санко предпринимал опасные путешествия по Новой Земле и по морю. В часы отдыха, сидя у костра за шипящим чайником, Русанов во весь голос пел революционные песни. Тыко Вылка молча слушал, вникая в их смысл.

— Вот единственное место в России, — говорил Русанов, — где можно беспрепятственно петь Марсельезу, — здесь нет ни жандармов, ни урядников...

В 1909 году Владимир Русанов в лодке вместе с Тыко Вылкой путешествовал вдоль западных берегов Новой Земли, исследовал условия плавания. Эти места были уже хорошо знакомы Вылке. Он бывал здесь. И об этом отмечал в своем дневнике.

Вот запись, произведенная им еще в 1906 году:

„В августе трое братьями ехали на охоту на высокую гору. Нашли три оленя. Убили всех. Ехали домой, ледяное поле, поехали полем, встретилась скала. Были выше облака. Стали спускаться. Я сказал братьям: — давай пустим сани без собак. Сани задели камень. Камень провалился. Шум. Все камни с горы полетели. Гора трясется. Камни нас не убили. Мы кое-как спустились... Ехал на собаках на Карскую сторону Новой Земли. Градусник был, лопнул от холода. Зарылся, лежал под снегом четыре суток. Половина собак погибла от холода...“

А вот другая его запись:

„1908 г. В октябре на охоту. Проехали 60 верст, нашли рыбную реку. Поставили юрту. Пили чай. Вдруг ветер сильный.

Мы не заметили как вылетели из юрты. Ни чашек, ни чайника, ни ружья, ни саней, ничего нет, все ветром унесло. Друг друга не видим. Кроме своих рук ничего не видим. Я крикнул спутникам: „Где вы!“ Они собрались, кричали собак. Тут всю ночь сидели“.

В дневниках Тыко Вылки есть много интересного. Его увлекательная и разнообразная жизнь в суровейших условиях Новой Земли до сих пор не раскрыта и не доведена до читателя в подробностях.

Илья Константинович обладает талантом живописца, любознательностью следопыта и мореплавателя.

Почти безвыездно, всю жизнь он проводит в родной стихии на Новой Земле, где зимняя ночь тянется три месяца и морозы достигают пятидесяти градусов.

Деятельность Ильи Константиновича содержательна и полезна для нашей Родины.

После продолжительных и трудных экспедиций Русанов взял Вылку с собой в Москву и, рекомендуя его для обучения художнику Переплетчикову и другим интеллигентам столицы, говорил:

— Этот человек с самого далекого Севера, умеет по-своему хорошо изображать красками на бумаге природу Новой Земли. Его надо учить. Учить бесплатно... Он читает книгу природы так же, как мы с вами читаем книги и газеты; в экспедициях он незаменим как помощник и проводник; это—живая карта Новой Земли. Человек он смелый, отважный, решительный; отличный охотник — бьет гуся пулей на лету...

После такой рекомендации,—к тому же награжденный золотой медалью за то, что с Русановым обогнул северную оконечность Новой Земли,—Тыко Вылка поступает учиться.

У доброжелательных московских преподавателей он изучает русский язык, математику, приемы живописи, ботанику и зоологию. Больше всего ему нравится картография и не случайно: он уже раньше своими способами наносил на карту довольно точно и удачно восточный берег Новой Земли.

Москва, где более года (1910—11 гг.) находился Илья Константинович, поражала его воображение своим величием и... суровостью. Все здесь ему казалось дивным, многое непонятным.

Любимыми местами, куда чаще всего ходил Тыко Вылка, были Третьяковская галерея и Сухарев рынок. И все же вдали от родной Новой Земли, в отрыве от близких людей ему было скучно. Вспоминая о ненцах и новоземельских просторах, он сидел и грустно пел знакомые песни о том, как он охотил-

ся на чаек, как собирал их яйца и лакомился ими, как однажды упал в пропасть и катился по мерзлому снегу, но, к счастью, при нем был длинный кинжал и он догадался всадить его глубоко в снег и спастся, держась за рукоятку кинжала. Тогда почти у самых ног Вылки плескалось холодное море, готовое поглотить его.

Он пел еще и другие ненецкие древние песни о происходивших когда-то войнах, о ненцах-богатырях и самых метких стрельцах.

Чтобы не выделяться и не казаться хуже москвичей, Тыко Вылка одевался по-европейски: модный пиджак, высокий крахмаленный воротничок, пестрый галстук, котелок и тросточка придавали ему элегантный вид. В этом костюме он невозмутимо ходил по улицам Москвы.

Нередко корреспонденты охотились за ним и давали в газеты легкого пошиба сенсационные заметки. Однажды писали, что Тыко Вылка, гуляя на Воробьевых горах, из игрушечного ружья убил воробья и ... съел его вместе с перьями.

Читая об этом, Вылка грустно улыбнулся:

— Дураки и нечестные люди так пишут, — сказал он, — я его не ел, домой принес, на двор бросил...

Подобное отношение к Вылке сбивало его с толку, оскорбляло. Поэтому и расстаться с большим, шумным городом раньше назначенного срока ему было легко...

Снова Тыко Вылка у себя дома, в родной суровой стихии, среди близких друзей ненцев. Не засиживаясь на месте, он снова путешествует с Русановым, помогает ему заниматься исследованием неизвестных мест вокруг Новой Земли.

Проходят годы. И вот день за днем, год за годом на посту председателя Островного Новоземельского Совета он отдает все силы делу освоения и благоустройства этого обширного острова, равного по размерам европейскому государству.

За годы советской власти лицо Новой Земли изменилось: на месте одиноких избушек появились крупные становища. Работают промысловые артели ненцев-зверобоев; в школах учатся дети ненцев. Некоторые из ненцев учатся в Ленинграде в Институте народов Севера.

У новоземельских ненцев свои повседневные заботы — увеличить добычу на морских промыслах; всех ненцев, от малого до старого, обучить грамоте, чтобы они больше могли знать о обо всем происходящем.

Летом 1946 года новоземельский „президент“ Илья Константинович Вылка приехал в Архангельск справлять свой шестидесятилетний юбилей.

Архангельская общественность отнеслась к приезду и юбилею Тыко Вылки весьма почтительно. И это вполне понятно. Где еще можно найти такого работника, который бы бессменно председательствовал в Совете двадцать два года?! Да еще где?! В далеком Заполярье, на суровом Новоземельском острове.

Илью Константиновича знают как талантливого художника выходца из ненецкого народа; его знают как лучшего помощника и друга знаменитого морехода и исследователя Владимира Русанова. Но еще не раскрыт Тыко Вылка как сказитель, хранитель народного творчества ненцев и как поэт, слагающий песни на своем родном языке. В этот приезд в Архангельск Илья Вылка пропевал новоземельскую былину (Сюдзебаб). Пока еще не установлено, с каких времен бытует среди ненцев пропетая им былина, и переводчик, к сожалению, не справился ни с переводом, ни с литературной обработкой текста объемом свыше двух тысяч стихотворных строк.

В былине Тыко Вылки чувствуется настоящая народная, ненецкая поэзия, в ней есть стремительная фантазия, свой неповторимый новоземельский колорит и свое содержание, рисующее быт ненцев и их борьбу против зла и насилия... В ненецких песнях-былинах есть непоколебимая уверенность в победе над силами тяготившего прошлого, к которому не должно быть возврата:

Из года в год бывает весна,
Лето бывает тоже.
Осень, срастаясь с зимой,
На смену лету приходит.
Не вернется лишь старая жизнь.
И незачем ей возвращаться.
Другая жизнь наступила, —
Радость в чумы с ней пришла.
И песня другая звучит,
Веселая и боевая.
Сыновья и сыновьи сыны
Не изведают бедность отцов.
Отцы уверены — бедность,
Неволя и злая судьба
Не будут уделом их сыновей.
У каждого ненца на это надежда
Крепкая, как советская власть...

Эту песню распевал старый Тайбарей.

Другую, длинную песню-былину (хватало петь на много ночей) о легендарных богатырях, метких стрельцах, боровшихся за свою независимость, за правду жизни, пропевал отец Тыко Вылки.

— „А ненцы, многие, многие приходили, садились в чуме вокруг котла с мясом, ели оленину и долго-долго слушали былину; никто так хорошо не умел пропеть, как мой отец, — говорит Вылка, — а теперь ненцы обрусели знатно. Мой сын хорошо говорит по-русски. Он у меня Ленинградский ВУЗ кончает. Другие ненцы тоже тянутся к русской культуре. Это не просто мода, это необходимость знать больше“.

Из разговоров при встречах с Вылкой сразу создается впечатление о нем, как о деятеле вдумчивом и глубоко понимающем практические задачи Новоземельского Островного Совета, где ему все до мельчайших тонкостей знакомо и понятно. Новая Земля на всем своем протяжении, со всеми мысами, островками, заливами и реками, факториями и становищами никому так неизвестна, как Илья Константиновичу.

Из бесед Тыко Вылки я набросал в записную книжку его воспоминания о Владимире Русанове.

Имя выдающегося русского полярного исследователя начала XX века широко известно. Родился В. А. Русанов в городе Орле в 1875 году, учился в Орловской духовной семинарии; имел связь с орловскими социал-демократами, участвовал в их подпольной деятельности. Был арестован жандармами, сидел в одиночке орловского замка; за отсутствием явных улик освобожден и жил под надзором полиции. Снова был арестован и „высочайшим постановлением“ в 1901 году выслан в Устьсысольск. Находясь в ссылке, Русанов занимался исследовательской деятельностью, написал ряд интересных работ: об изыскании водного пути из реки Печоры в Волжский бассейн; о промыслах населения Коми и другие. По окончании ссылки Владимир Русанов уехал во Францию и там учился в Парижском университете. Участвовал в научных экспедициях во Франции и в Италии. По окончании учебы в Париже возвратился в Россию и, не заезжая в Орел к родным, отправился в Архангельск с целью посвятить свою деятельность Арктике. После неоднократных продолжительных и успешных научных путешествий на Новую Землю Русанов с экспедицией плывал на Шпицберген и, достигнув моря Лаптевых, погиб...

Илья Константинович Вылка — один из немногих лично и хорошо знавших Русанова...

Вот рассказ Тыко Вылки о его знаменитом друге.

— Есть полуостров на Новой Земле—носит название Русанова; есть пролив, есть бухта, есть становище на берегу бухты и есть залив—носят имя Русанова. Есть ледокольный большой пароход — зовется „Русановым“. Но нет самого Русанова! Нет покойного Владимира Александровича. Более тридцати лет не видят мои глаза этого хорошего человека и лучшего моего друга...— Так начал свои воспоминания ненец Илья Константинович в кругу архангельской интеллигенции. — Этот человек, как герой, боролся, чтобы разгадать и понять всю Арктику, и погиб героически на своем славном посту. Почтенна память о нем.

Начну по порядку, как я стал помнить моего друга. Владимир Русанов приехал первый раз к нам на Новую Землю в 1907 году. Мне тогда было лет двадцать с чем-то. Молод. Тогда не приглянулся я ему в помощники. Был с Русановым студент Молчанов, он разных птиц, пунушек изучал. И был еще художник Степан Писахов, он льды списывал. Были и другие. Тех не помню по именам, фамилиям. Владимир Русанов простой человек, старательный. Одет очень бедно, с лица добродушный, не похож на чиновника, к такому можно подойти и спросить — что хочешь. Да и спрашивать не надо, он сам рассказывал. А знал он много-много. Сильно ученый был.

Взял он из ненцев тогда себе в помощники тоже хорошего человека, справедливого, работающего Ефима Хатанзея. Хатанзей знал Новую Землю, как вы свою квартиру. Он повел Русанова обследовать берега Маточкина Шара. Я не ходил тогда, походов их не знаю. Но Ефим Хатанзей очень доволен был Русановым; Русанов был доволен хорошим проводником и метким стрелком Хатанзеем. Тогда Русанов изучал горные породы, изучал, куда и как движется ледник. Ему хотелось лазать все выше и выше. Знать все глубже и глубже...

Второй раз приехал Русанов по найму с французскими учеными в 1908 году на корабле „Жак Картье“. Главного француза звали Кандиотти. Русанов говорил по-французски без запинки. Он такой был человек: его ненцы любили, русские любили, французы тоже любили. Русанов и Кандиотти взяли 32 собаки, а в помощники моего отца — Константина и соседа Митрофана Хатанзея; Ефим где-то кочевал. В августе они вышли в путь, ходили к Гусиной реке. Там диких оленей много. Кушать есть чего. В горах, отец рассказывал, породу железа нашли. Потом за тюленьей бухтой пришли на Мыс Чиракина. Там нашли кости архангельского морехода Чиракина, что около трехсот лет назад ходил с Розмысловым и первый узнал о Ма-

точкине Шаре, пересекшем Новую Землю на два равных куска — острова. Квартирой Русанова был дом художника Борисова, который тут зимовал еще в девятисотом году.

В этом домике Русанов разбирал свои находки, описи составлял. Тоже и планы разные, как берега в море уходят, как море в землю вгрызается. Ученым все знать надо. В ту пору я помню Русанова одетым в короткий ватник, ремень утыкан патронами, за ремнем кинжал; с винтовкой редко он расставался, а стрелял неважно (тут он ненцам завидовал. Наш брат ненец — все снайперы по-теперешнему). Шляпу носил и красивую рыжеватую бороду. Таков он с виду. Не знаю, куда он уехал тогда с Новой Земли — в Архангельск или во Францию, только на будущий 1909 год он снова приезжает к нам на корабле „Ольга“, с ним был опять Писахов. Отец мой еще в ту поездку с Русановым нечаянно себе ногу вывихнул, да и стар стал, не годился в проводники. Взял меня Русанов в помощники и взял моего брата Санко. Я в ту пору цветными карандашами рисовал не худо, красками пробовал — получалось. Карты Новой Земли до этого еще составлял, они и Русановугодились. Он полюбил меня как сына родного. Хаживал я с ним часто. У меня оленина, у него горсть сухарей в кармане. Ходим, бродим, — он устал не знает. Все собирает и кладет в мешок и мне поясняет. По-нашему, казалось, пустяки. А он говорит: „Вот пласты каменного угля, вот серый мрамор, вот камень для грифельных досок. Вот окаменевшие организмы животных...“ Я все слушал внимательно, запоминал. Был тогда с ним один неумный человек, чиновник большой, говорил про меня: „У Вылки в голове опилки“. Я молчал, мне не смешно было. Для Русанова я был равный, как брат, как сын его. Он меня оберегал... (Бывал я потом много лет спустя на приеме у Михайла Ивановича Калинина, он не нашел у меня опилок в голове. А в ленинградской газете нынче вычитал: в Ленинграде в Арктическом музее открыта выставка картин Тыко Вылки. Это тех самых картин, что я рисовал при Русанове)...

Да, о чем я хотел сказать? Однажды я и Санко, мой брат, поехали с Владимиром Русановым морем в гнилой лодочке вдоль берега на север. Нас уговаривали: „Куда вы на гибель?“ Русанов не был трусом. А мне интересно с моря посмотреть на ледники нашей земли. Поехали в лодке от Крестовой губы до полуострова Адмиралтейства; не одна сотня верст будет. Мы ничего не боялись. Ружья были. Еда — тоже. Холодно. Туман. Выйдем где на мысок, ничего живого. Русанов записи вел в заливах Садовского и Сосновского, да в губах разных по

западному побережью северной части Новой Земли; глубину моря измерял. Ночи были красивые, как в отцовских сказках. Все бы на небо глядел и думал, о звездах и что там есть. Русанов начнет разговор и всю вселенную объяснит. Хорошо было его слушать. Однажды в таком безлюдье, смотрим, на мысу человек стоит, нам шапкой машет. Откуда тут человеку взяться? Удивились, пошли. Русанов говорит с ним по-французски — молчит, говорит по-английски — тоже не отвечает. Тогда я говорю норвежскими словами — он отвечает. Оказывается, норвежец промышляет на нашей земле. Много напромышлял медведей, бочки тюленьего жира, много шкур. Ждет, когда из Норвегии к нему за добычей придет судно. Он нас привел к себе в избушку. Мы угостили его спиртом. Стал разговористый. Показал нам, как на белых медведей охотиться: за избушкой из мяса приманки. К приманкам на колышках привязаны консервные пустые банки в ряд, будто колокола в звоннице у нас на Кармакулах. Медведь подойдет, банками побрякает, норвежец откроет окошечко в избушке, нацелится и — медведь готов.

Погостились, ушли. И снова на карбасе в путь-дорожку. В ночное время, в туманы, в пургу Русанов мне доверял командовать лодкой. Я по волнам определял, по качке — плывем ли мы мимо мыса, или мимо залива, или ударились в открытое море, — мне компас не надо. Компас нужен ученым — меня проверить. А я правлю без ошибки. Опять же, Русанов часто удивлялся, как я иногда, идя по берегу с ним, за сутки предсказывал, что скоро мы встретим стадо диких оленей и у нас тогда пища будет. Он удивлялся моему предсказанию, а ведь и угадать было просто: наши ненецкие собаки за много верст слышат по ветру запах оленя и вкусно нюхают воздух. Вот и вся премудрость...

А однажды так было. Много дней мы плавали. Туман. Пурга. Русанов меня спрашивал: „Не страшно?“ — „Нет, говорю, не страшно“. — „В океан не уведешь карбас?“ — „Нет, не уведу, скоро берег будет, утес... „Долго мы по горам лазали. Все харчи вышли. От карбаса ушли, оленей бить хотели. Кушать хотели. И вдруг три оленя: надо не вспугнуть. Русанов говорит мне:

— Ты меня ростом-туловом меньше, ползи, подкрадывайся, не вспугни, у тебя и пули метко летают.

Я ползу. Русанов за мной. Я застрелил одного оленя.

Спрашиваю Русанова:

— Еще бить?

— Нет, говорит, хватит пока одного, пусть остальные гуляют.

Подшли к туше. Надо кожу снять, надо мясо на куски исполосовать, целого оленя по скалам да сугробам до карбаса не дотянуть. Русанов пошарил в карманах: ножа нет. Я говорю: беги к лодке за ножиком. А бежать часа два взад-вперед. Он пошел, я остался около убитого оленя, стерегу, чтоб ушкой (белый медведь) не подошел, не сожрал тушу. Стал я ногами снег разгребать, вижу, подо мной каменная скала из тонких пластов. Я прикладом ружья отшиб тонкий, острый пласт и прикладом выколотил два каменных ножика. Шкуру с оленя спустил, потроха выпустил, мясо на куски разрезал. Идет от карбаса Русанов с ножом, у меня уже оленья мясо пристывает. Он вроде бы злой, говорит:

— Ты что, Вылка, меня зря за ножом сгонял, а у самого нож был...

— Не было, говорю, у меня ножа, ты пока ходил, я из скалы два ножа сделал и олешку освежевал... Меня раньше отец учил каменные ножи делать.

Русанов сел на снег, смотрит на мои ножи—хохочет: „Ну, Илья, ты из каменного века“.—И вижу, не сердится он, хороший такой, ласковый...

Кажется, это было в девятьсот девятом году... А на следующий год — девятьсот десятый — губернатор Сосновский его послал на Новую Землю на „Дмитрии Солунском“, было такое крепкое суденышко. Я рад приезду Русанова. Меня он в помощники опять взял. Смотрел мои картины, хвалил, говорил: „Учиться надо, я увезу тебя учиться в Москву“. И про гром, и про электричество, и про Михайла Ломоносова, и про рабочий класс рассказывал, чего он добивается. Мы в то много дела сделали: на „Дмитрии Солунском“ под русским флагом обошли с запада Новую Землю, Карским морем вышли в Маточкин Шар. Продолжили путь Пахтусова. И на Мысе Желания были. Это теперь туда легко попасть, когда самолеты через полюс летают, а тогда — не так просто. Вон Савву-то Ложкина двести лет вспоминают. Баренца триста лет помнят. И мне говорил Русанов: „Пройдем, Вылка, до Камчатки, нас люди тысячу лет не забудут.“ Правду он говорил. У полуострова Пять Пальцев наше судно чуть на скалы не наскочило. Не по тем картам шло. А я тут раньше бывал.

У меня свои карты с этих мест.

Русанов сказал:

„У Вылки карты точнее, верить им надо“.

Я не вру, не хвастаюсь. Об этом сам Владимир Александрович в дневнике писал. Посмотрите за 25 августа 1910 год!..¹

В этот год нам весело было путешествовать. Льды мешали мало, а на судне нас было семнадцать человек. Я много рисовал, Русанов много писал каждый день, да собирал аммониты, вымершие морские животные, окаменевшие в миллионы лет.

Ученому человеку все интересно, все знать надо, а другие не примечали, у них свои заботы были. Мы в эту поездку старые карты уточняли. На четыре норвежских становища наткнулись. Норвежцы крадучись промыслили. Промыслы там выгодные: один норвежец убил 50 медведей по 100 рублей шкура, на 5000 рублей, да другого зверя много...

Море мерили. Русанов доволен плаванием. У него сотни фотоснимков, мои картины-альбомы в Архангельск и Питер повез.

Кончили благополучно путешествие. Русанов забирает меня с собой в Архангельск, потом в Москву, по железной дороге...

Там я учился у художника Переплетчикова писать картины; у других учился математике, зоологии, картографии. Про жизнь в Москве рассказывать не буду. После я ездил, даже до Кисловодска. В городах я не люблю жить, тесно кажется. Из всех городов самый подходящий — Архангельск, а Новая Земля, однако, лучше. Я там родился, там и умру.

В Москве не зажился. Потянуло на Новую Землю.

---

¹ Действительно, в дневнике Русанова говорится: «У полуострова Пять Пальцев „Дмитрий Солунский“ только чудом не сел на подводные камни. Кстати сказать, что этот полуостров, как выяснилось, совершенно неточно обозначен на карте и очень верно был снят Ильей Вылкой. В продолжение трех лет занимался этот замечательный самоед съемкой малоизвестных восточных берегов Новой Земли. Ежегодно он продвигался на собаках все дальше и дальше к северу. Терпел лишения, голодал. Во время страшных зимних бурь целыми днями ему приходилось лежать под скалою, крепко прижавшись к камню, не смея встать, не смея повернуться, чтобы буря не оторвала его от земли и не унесла в море. В такие страшные дни гибли одна за другой его собаки. А самоед без собаки в ледяной пустыне — то же, что араб без верблюда в Сахаре. Бесконечное число раз рисковал Вылка своей жизнью для того только, чтобы узнать, какие заливы, горы и ледники скрыты в таинственной манящей дали Крайнего Севера. Привязав к саням компас, согревая за пазухой заочеченные руки, Вылка чертил карты во время самых сильных новоземельских морозов, при которых трескаются большие камни, а ртуть становится твердой, как сталь...» (В. А. Русанов. Статьи, лекции письма, М.—Л. 1945).

В девятьсот одиннадцатом году опять Русанов прибыл на наш остров на корабле „Ольга“. Вот как он любил работать в полярных морях. И шхуна, на которой мы с ним в тот год плавали полторы тысячи верст, называлась „Полярная“. На шхуне было нас пять человек. Плавали вокруг южной части Новой Земли. Одних бутылок с записками побросали в море 400 штук, чтобы знать, куда идет течение моря, не заходит ли туда гольфстрем?

Был с нами тихий, умный человек, революционер, срок ссылки в Онеге отбыл и приглянулся он Русанову. Этот человек с трудной фамилией травки-коренья, листочки-цветочки собирал и хранил по всей строгости, будто документы важные. Я тогда масляными красками на холсте рисовал. Много красивых мест зарисовал. Только все картины потом роздал, ни одной себе не оставил. Где они теперь, — сам не знаю. На моем юбилее в Архангельске я их не видел, а в Ленинграде, — опять скажу, — есть...

День и ночь тогда сошлись, солнце не пряталось, льды редко мешали. Русанов веселый, радовался всему. Нашел стрекозу, будто она золотая, любитесь и говорит ей „Как ты сюда попала, отколько? единственная...“

Дичи много было, гусей-лебедей. Побили их, поели. Однажды плывем на „Полярной“, мотор постукивает; парус подмогает. Видим, на горизонте большой корабль. Оказалось, английский. Чего-то англичане любопытствовали в Карском море. Капитан, глядя на нас, головой качает, трубкой дымит, говорит по-своему Русанову:

— Наши англичане хорошие матросы, но на такой лодке, как ваша, не сунулись бы в море. Вы будто на мельничный пруд покатаются выехали. Не боитесь?..

И верно, поднялись мы на палубу английского трехмачтового судна. Глянули сверху на шхуну „Полярную“, она у нас как скорлупка покачивается. С большого-то корабля смотреть на нее жутковато. Не все гладко было и в эту поездку. И туманы путали, и льды прижимали, и мотор портился, а Русанов свое дело знал, работы не покидал и мы без дела не сидели; трудились все пятеро и дружно жили — один за всех, все за одного. Иногда я у Русанова за повара был. Он с устатку отдыхает, а я камни раскалю до красного огня, на камнях оленину испеку, зажарю. Русанова угощу, он говорит: „Спасибо, Вылка, такого кушанья в Париже не едал“ — и назовет испеченное мясо каким-то нерусским словом. Помню, многому на досуге он меня учил. Я тогда не такой был, мало

знал. Учил, учил, да и сам иногда он у меня учился. Бывало, поспорим; он по старой чьей-то карте поглядит, скажет: „Должна быть бухта или должен быть остров“. Я послушаю, пошевелю мозгами, доказываю: Нет, говорю, тут острова... И окажется — нет.

Ему было любо, что я угадывал. А „угадать“ мне нетрудно: во-первых, я много где сам побывал, во-вторых, старики ненцы сказывали.

Норвеги промышляли, говорили: „Новая Земля состоит из трех кусков“. Еще до Русанова я пешком ходил, собаками ездил, лодкой плавал, знал: кроме Маточкина Шара, у Новой Земли нет такого пролива. Между губой Крестовой и заливом Незнаемым сквозного пролива не получилось. Норвеги считали это за пролив. Нет! Ошибка...

Владимир Русанов любил меня, любил ненцев, считал — образование надо дать всему народу. Тогда и ненцы будут равны со всеми.

Были в заливе Рейнеке. Русанов измерил все, записал на карту, сказал: „Весь флот всего мира вместился бы в этот залив; удобное место на будущем пути в Сибирь и дальше“...

Он все усматривал, вперед глядел. Таких геологов-ученых поискать. В те годы он да покойный Георгий Седов старались для Родины много сделать. И сделали. Себя не пожалели. Погибли оба в Арктике. Их народ не забудет. Литые памятники со временем поставит, как Ломоносову.

Исследования Русанова, его ценные записи очень пригожи в наше время. Новая Земля ожила. Выросли большие становища. Миллионные доходы даем государству — рыбой, зверем, птицей. У нас радио, кино, телефоны, школы, больницы — все есть и охрана надежная. Жаль, мой хороший друг Владимир Александрович не дожил до наших дней. Посмотрел бы на успехи советской власти у нас, на Новой Земле. Был бы жив Русанов, он в наше время стал бы большим человеком.

Нет Русанова в живых. Остались его труды, они народу пригодятся всегда. Более тридцати лет я не вижу Русанова, а он как живой всегда в моей памяти. В последнее плавание с ним мне не пришлось идти, я тогда был в Архангельске. Русанов на „Геркулесе“ из Норвегии ушел на Грумант (Шпицберген) оттуда, обогнув Новую Землю, направился к берегам далекой Сибири. Там, много годов спустя, нашли следы моего пропавшего друга и его верных спутников. Жаль его. Много он сделал, но мало жил.

Здесь записан бегло и кратко рассказ Вылки о его друге. Он рассказывал долго, гораздо больше и красочней моей протокольной записи. Перед нами во весь рост вырисовывался образ замечательного человека — труженика, бескорыстного арктического героя, каким был в жизни и остался навечно в памяти благодарных потомков Владимир Александрович Русанов. И нам казалось, что его лучшие черты — скромность, честность, деловитость и целеустремленность передались его другу, проводнику и спутнику знатному ненцу Тыко Вылке.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- МАКАРЕНКО Н., — У Соли Вычегодской, Петроград, 1918.
 ДМИТРИЕВ А., — Строгановы и Ермак, „Пермская старина“, вып. 4.
 УСТРЯЛОВ Н., — Именитые люди Строгановы, СПб., 1842.
 СТЕПАНОВСКИЙ И. К., — Вологодская старина, Вологда, 1890.
 МАРКОВ С. Н., — Зачарованный город, Альманах „Север“ № 1, Архангельск, 1936.
 МАРКОВ С. Н., — Юконский ворон (С приложением летописи Аляски), изд. Главсевморпути, 1946.
 СОСКИН А., — История города Соли Вычегодской, „Вологодские Епархиальные ведомости“, 1881—1882.
 ЛИТКЕ Ф. П., — Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан, СПб., 1828.
 ПОКРОВСКАЯ А. К., — К Новой Земле, изд. „Посредник“, Москва, 1933.
 СНЕГИРЕВ Б. Л., — Русские на Севере, Военмориздат, 1945.
 САМОЙЛОВ В. А., — Семен Дежнев, изд. Главсевморпути, 1945.
 КРЕСТИНИН В. В., — Начертание истории города Холмогор, СПб., 1790.
 ЕШКИЛЕВ В., — Сольвычегодск, В.-Устюг, 1916.
 ЖИЛИНСКИЙ А. А., — Россия на Севере, Арх-ск, 1918.
 СИДОРОВ М. К., — Север России, СПб., 1881.
 СИДОРОВ М. К., — Труды для ознакомления с Севером России, СПб., 1882.
 ШИДЛОВСКИЙ А. Ф., — Петр Великий на Севере, Арх-ск, 1909.
 ЛЕ-РУА, — Приключение четырех русских матросов на Шпицбергене, изд. Всесоюзного арктического института, Л., 1933.
 БАХРУШИН С. В., — Казаки на Амуре, Л., 1925.
 ТИТОВ А. А., — Летопись Двинская, М., 1889.
 ЧУЛКОВ Н. П., — Ерофей Павлов Хабаров — добытчик и прибыльщик XVII века, „Русский архив“, 1898, кн. 1.
 КОСТОМАРОВ Н., — Сибирские землеискатели XVII в., СПб., 1912.
 ПЛАТОНОВ В., — Прошлое русского Севера, 1923.
 ЕСИПОВ В. К., — Петр Пахтусов, Севкрайгиз, 1936.
 ИСТОМИН М., — Путешествия Пахтусова на Новую Землю, „Арх. губ. ведомости“ № 48, 49, 51, 1861.
 МАКСИМОВ С. В., — Год на Севере, М., 1890.
 МЕНШУТКИН Б. Н., — Жизнеописание М. В. Ломоносова, изд. „Академии Наук“, 1937.
 КЛОЧКОВ М. В., — Ломоносов, его жизнь и деятельность. Арх. облгиз, 1941.
 ПЛЕХАНОВ Г. В., — Сочин., т. XXI, ч. 2, изд. 1925.

- РУСАНОВ Вл., — Статьи, лекции, письма, изд. Главсевморпути, 1945.
- ОСТРОВСКИЙ Б. Г., — Великая северная экспедиция 1733—1743, Северный край, 1935.
- ИСАКОВ С. К., — Федот Шубин, Л., 1939.
- ЕВДОКИМОВ Иван, — Север в истории русского искусства. Вологда, 1920.
- КРЮКОВА М. С., — Былины. Гослитмузей, М. 1939. М. 1941. В записях Э. Г. Бородиной-Морозовой.
- ПОКРОВСКАЯ А. К., — Водитель „Седова“, изд. „Молод. гвардия“, 1932.
- ВИЗЕ В. Ю., — Моря советской Арктики, изд. Главсевморпути, 1948 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Строгановы	5
Люди больших дел	18
Баженины	25
Иван Рябов	35
Михайло Щепотьев	40
Михаил Васильевич Ломоносов	43
Федот Шубин	53
Мезенские Робинзоны	59
Степан Глотов — мореход и открыватель земель	65
Александр Баранов	69
Мореход Матвей Герасимов	73
Забытая знаменитость	77
Пахтусов и другие	80
Энтузиаст русского Севера	89
„Королева лонарская“	102
Художник Севера А. А. Борисов	107
Капитан Воронин	113
О знатном ненце Тыко Вылке и его друге Владимире Русанове	116
Краткая библиография	130

Редактор *А. Малышев*. Техн. ред. *А. Кольцова*. Корректор *Э. Фарбер*.

Сдано в произв. 1/XI-48 г. Подписано к печ. 12/III-49 г. Форм. бум. 60x84/16,
печ. л. 8 1/4 + 5 вклеек, уч.-над. л. 7,982. Изд. № 3175. Тираж 10 000.

Сд-07768

Зак. № 114

Цена 4 руб

Типография им. Сталина, Архангельск, Набережная им. Сталина, 86.

4 py6.